

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество»

Филологическая регионалистика

Главный редактор
Н.Ю. Желтова

Редакционная коллегия:

Л.В. Полякова (зам. главного редактора),
Н.Л. Потанина (зам. главного редактора),
А.Л. Шарандин (зам. главного редактора),
Э.Н. Дзайкос (отв. секретарь),

Ю.А. Азаров (Москва),
Е.В. Алтабаева (Мичуринск),
А.В. Бурыкин (Санкт-Петербург),
Л. Геллер (Париж, Франция),
М.М. Голубков (Москва),
Р. Гольдт (Майнц, Германия),
В.Г. Зусман (Нижний Новгород),
Н.В. Корниенко (Москва),
С.И. Красовская (Благовещенск),
Дж. Куртис (Оксфорд, Англия),
Т.В. Махрачева (Тамбов),
С.Ю. Николаева (Тверь),
Л.К. Оляндер (Луцк, Украина),
Н.В. Сафонова (Тамбов),
Т.А. Снигирева (Екатеринбург),
Т.А. Сидорова (Архангельск),
М.А. Хатямова (Томск),
И.О. Шайтанов (Москва),
А.С. Щербак (Тамбов).

№
2011

1

**Научный и информационно-
аналитический журнал**

Учрежден в 2009 г.
Издается два раза в год.

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № 77- 35659 от 17 марта 2009 г.

© Общественная организация «Тамбовское областное
филологическое общество»
© Журнал «Филологическая регионалистика», 2011
© ФГБОУВПО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2011
© Коллектив авторов
При перепечатке и цитировании материалов
ссылка на журнал обязательна.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Public Organization
«Tambov Regional Philological Society»

Philological Regionalistics

Editor-in-Chief

N.Yu. Zheltova

Editorial Board:

L.V. Polyakova (Deputy Editor-in-Chief),
N.L. Potanina (Deputy Editor-in-Chief),
A.L. Sharandin (Deputy Editor-in-Chief),
E.N. Dzaikos (Executive Secretary),

Yu.A. Azarov (Moscow)
E.V. Altabaeva (Michurinsk),
A.V. Burykin (St. Petersburg),
L. Geller (Paris, France),
M.M. Golubkov (Moscow),
R. Goldt (Mainz, Germany),
V.G. Zusman (Nizhny Novgorod),
N.V. Kornienko (Moscow),
S.I. Krasovskaya (Blagoveshchensk),
J. Kurtis (Oxford, England),
T.V. Makhrachova (Tambov),
S.Yu. Nikolaeva (Tver),
L.K. Oljander (Lutsk, Ukraine),
N.V. Safonova (Tambov),
T.A. Snigireva (Ekaterinburg),
T.A. Sidorova (Arkhangelsk),
M.A. Khatyamova (Tomsk),
I.O. Shaitanov (Moscow),
A.S. Shcherbak (Tambov).

No
2011 **1**

**Scientific and
Information-Theoretical Journal**

Founded in 2009.
Biyearly.

Registered by the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications and Mass
Communications

Certificate of Mass Media Registration
PI No 77- 35659 as of 17 March 2009.

© Public Organization «Tambov Regional
Philological Society»

© Journal «Philological Regionalistics», 2011

© FSBEIHPE «Tambov State University
named after G.R. Derzhavin», 2011

© Composite Authors

A reference to the journal while reprinting and quoting
is obligatory.

В номере:

1. Филологическая наука и культура региона: проблемы теории и методологии

Голубков М.М.

Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике

М.А.Булгакова.....7

Полякова Л.В.

Тамбовский колорит русской литературы: к характерологии

А.И. Солженицына.....18

2. Художник и культурное пространство. Региональные исследования в литературоведении

Красовская С.И.

Амурская литература начала 1920-х годов: провинциальный

сценарий.....25

Урманов А.В. «Непокорённая стихия».

Логика жизненной и творческой судьбы Герасима Шпилёва.....33

Струкова Т.Г.

Заигравшиеся люди 48

Потанина Н.Л.

Человек перед лицом повседневности, или «Невыносимая любовь»

(об одноименном романе И. Макьюэна).....52

Чеканова А.Н.

Поэтика английского дома и художественная рефлексия
повседневности в романе Агаты Кристи «Убийство Роджера

Экرويدда».....56

3. Проблемы лингвистической регионалистики

Березович Е.Л.

Судьба как время: о темпоральном аспекте рус. Авошь.....59

Кривошапова Ю.А.

Славянские толкования снов и гаданий с инсектальными мотивами.....64

Пьянкова К.В.

Пищевой код в обозначениях гео- и гидрообъектов

(на материале русской диалектной лексики).....70

4. Материалы и сообщения

Гуськова С.В.

Корпоративная и многотиражная пресса Тамбовской области:
вчера, сегодня, завтра (взгляд теоретика и практика).....79

5. Критика, рецензии, обзоры, библиография

Белошাপкова Т.В.

Рецензия на книгу А.Л. Шарандина «Русский глагол: комплексное описание».....83

Полякова Л.В.

Защищена докторская диссертация. Д.С. Московская «Локально-исторический метод
в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг.»
.....86

6 . Наши публикации

По страницам «Тамбовских губернских ведомостей»

Первый выпуск из Тамб. Александринского института благородных девиц
Празднование столетней годовщины Ломоносова в Тамбове.
Материалы предоставлены Н.Л. Потаниной. Комментарий Н.Ю. Желтовой..... 91

Диалектологическая лексикография

Комментарий Т.В. Махрачевой 92

7. Хроника: факты, события, имена

Сорокина Н.В.

Рукопись «Тихого Дона» – в Тамбовском университете.....98

8. Информация

Анонс конференции «Мир Диккенса - Диккенс и мир»
(к 200 - летию со дня рождения писателя)..... 100

Членские взносы и порядок их оплаты.....102

Требования к оформлению рукописей для публикации в журнале «Филологическая регионалистика» 103

9. Наши авторы.....107

In the issue:

1. Philological science and culture of the region: problems of theory and methodology

M.M. Golubkov

Mystical writer. Moscow and "Moscow text" in the modernist aesthetics of Mikhail Bulgakov

7

L.V. Polyakova

Tambov colouring of Russian literature: to characterology of A.I. Solzhenitsyn

18

2. The artist and cultural space. Regional research in literary studies

S.I. Krasovskaya

Amur literature of the early 1920-s: provincial script

25

YA.V. Urmanov

"Unsubdued element". The logic of life and creative destiny of Gerasim Shpilyov

??

T.G. Strukova

People forgetting themselves in playing

48

N.L. Potanina

Man facing everyday life, or "the Unbearable love" (on the eponymous novel by I. McEwan)

56

A.N. Chekanova

The poetics of the English house and artistic reflection of everyday life in the novel by Agatha Christie "The Murder of Roger Ackroyd"

59

3. Problems of linguistic regional science

E.L. Berezovich

Fate as the time: about temporal aspect of Russian Avos

59

Y.A. Krivoshchapova

Slavonic interpretation of dreams and fortune-telling with insectile motives

64

K.V. Pyankova

The food code in terms of geo- and hydroobjects (on the material of Russian dialectal vocabulary)

70

4. Reports

S.V. Guskova

Corporate and large-circulation press of Tambov region: yesterday, today, tomorrow (view of theorist and practitioner).....79

5. Criticism, reviews, bibliography

T.V. Beloshapkova

Review of the book by A.L. Sharandin "Russian verb: comprehensive description".....83

L.V. Polyakova

Defended a doctoral thesis: D.S.Moscovskaya "Locally-historical method in the study of literature of N.P. Antsiferov and Russian literature of the 1920-1930-s.".....86

6. Our publications

On the pages of "The Tambov Provincial Bulletin"

The first graduation of the Tambov Alexandrinsky Institute of Noble Maidens

The celebration of the centenary anniversary of Lomonosov in Tambov.

Materials are provided by N.L. Potanina, comments by N.Y. Zheltova..... 91

Brief dictionary of the folk expressions, compiled by Christopher Kozlov, the member of the Imperial Free Economic, Lebedyansky and Royal Bavarian Companies of Agriculture, (also) "Per Verein gegen Thiergudlerei zu Hьnehen".

Comments by T.V. Makhrachova.....92

7. Chronicles: facts, events, names

N.V. Sorokina

The Manuscript of "And Quiet Flows the Don" in Tambov University.....98

8. Information

Announcement of the conference "The World of Dickens - Dickens and the world" (to 200 - anniversary of the writer's birth).....100

The membership fees and the procedure of their payment.....102

Requirements to manuscripts for publication in the journal.....103

9. List of contributors.....107

1. Филологическая наука и культура региона: проблемы теории и методологии

МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА И «МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ» В МОДЕРНИСТСКОЙ ЭСТЕТИКЕ М.А.БУЛГАКОВА

М.М. Голубков

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891-1940) – «мистический писатель», как он сам характеризовал себя в письмах к Сталину и другим представителям партийной элиты 1920-30-х годов. Эта форма автоинтерпретации отнюдь не является случайной, она есть попытка понять и описать фундаментальные стороны собственного художественного метода. Вот какой автопортрет предлагал писатель своим адресатам – И.В.Сталину, М.И.Калинину, Л.М.Кагановичу, А.И.Свидерскому (начальнику Главискусства): «Вот одна из черт моего творчества, и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР (под этой чертой Булгаков подразумевает глубинную, внутреннюю потребность в свободе слова и неприятие цензуры – М.Г.). Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (Я – МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное – изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е.Салтыкова-Щедрина» [Булгаков 1987]. Булгаков был абсолютно прав: всего этого вполне хватило для того, чтобы к концу своего жизненного пути он был бы известен современникам как автор всего лишь одной старомодной пьесы – «Дни Турбиных». По ней, не представляя всего объема созданного Булгаковым, невозможно было судить о том, каковы художественные открытия писателя, без преувеличения

В статье М.А. Булгаков рассматривается как один из основоположников «московского текста». Повесть «Собачье сердце» и роман «Мастер и Маргарита» автор осмысливает сквозь призму мистицизма – художественного принципа, основанного на столкновении бытового и фантастического и соединяющего черты реализма и модернизма. Особое внимание в работе уделено исследованию мистического детерминизма судеб и характеров героев «Собачьего сердца» и «Мастера и Маргариты».

Ключевые слова: М.А. Булгаков, модернизм, реализм, мистицизм, «московский текст»

предопределившие пути развития русской литературы XX века.

Одним из таких открытий стал своеобразный «извод» булгаковского модернизма. Он совмещал следование реалистической традиции, внимание к социальным сторонам жизни, бытописание, скрупулезное изображение бытовых проявлений обыденности, удивительное умение воссоздать подлинный и почти физически ощутимый городской интерьер и пейзаж, в первую очередь, московский, в его архитектуре, цветовом колорите, едва ли не в запахе, - с нереальным, мистическим, фантастическим. Обращаясь к фантастическому

гротеску, прямо совмещая его с картинами привычного и повседневного, он идет по пути Н.В.Гоголя, которого наряду со Щедриным называл своим великим учителем. Он и успокоение свое нашел под огромным камнем с могилы Гоголя: вдова Булгакова случайно обнаружила его среди старых надгробий с перенесенных или уничтоженных в советское время могил. Именно этот камень, привезенный в свое время братьями Аксаковыми из Крыма и пролежавший на гоголевской могиле до 1930-х годов, и лежит теперь на могиле Булгакова на Новодевичьем кладбище. Гоголь как бы прикрыл его прах полкой своей чугунной шинели.

Первые повести «Дьяволиада» (1924) и «Роковые яйца» (1925) уже содержали обращение к важнейшей булгаковской теме: взаимопроникновение в обыденное и повседневное мистически-дьявольского начала. Но в этих произведениях обнаружилось еще одно писательское открытие. Именно в них стал обретать свои константы своеобразный миф о Москве, сформировавшийся в русской литературе XX века подобно тому, как в XVIII – XIX столетиях сложился миф о Петербурге. И Булгаков стал одним из его основоположников, записавших первые страницы «московского текста» (если воспользоваться терминологией В.Н.Топорова), миновать которые не смог ни один из его последователей.

Сейчас, когда все булгаковские тексты известны и изданы миллионными тиражами, стало очевидным, что Булгаков прокладывал новый и перспективный для литературного развития путь, а его творческий метод с определенной долей условности можно назвать магическим реализмом. Его принципы окончательно сформировались к 1925 году и проявились в художественном мире повести «Собачье сердце».

В проблематике повести условно можно выделить два значимых аспекта. С одной стороны, писатель исследует важнейшие социальные вопросы современности, связанные с появлением на исторической арене нового типа личности – массового человека. Лишенный исторической связи с прежней культурой, создававшейся столетиями, не имеющий собственных культурных традиций, дезориентированный в культурном и историческом пространстве, он вступает в своеобразные отношения с представителями традиционной, высокой, элитарной культуры. Вопрос о том, как могут сложиться эти отношения, формирует проблематику повести.

«Человек массы» воплощен Булгаковым в образе Шарикова. С точки зрения испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, труды которого

обращены к исследованию социальной ситуации первой половины XX века, как она складывалась в Европе, масса оказывается главным действующим лицом XX века, его диктатором. В целой серии его работ и, в первую очередь, в статье «Восстание масс», он приравнивает массу к толпе, психологию массы – к психологии толпы, и выделяет особый культурно-психологический тип – тип человека массы. «Масса – это средний человек. <...> ...Это совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип.<...> В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. <...> Масса – это посредственность... Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду.<...> Масса сминая все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее” [Ортега-и-Гассет 1991: 309-311]. Масса, по мысли философа, обладает достаточно четко определенными свойствами поведения в историческом пространстве: она плывет по течению, лишена ценностных ориентиров, поэтому становится объектом любых, самых чудовищных политических манипуляций, как, скажем, Швондер использует Шарикова для своей борьбы с профессором Преображенским.

Энергия массового человека направлена не на творчество, а на разрушение. Все это дает возможность выделить черты “анатомии” и “физиологии” человека массы. Это, во-первых, неограниченный нуждой рост материальных потребностей. Духовные же потребности человека массы сведены к минимуму. Во-вторых, полное отсутствие социальных барьеров, сословий, каст, когда все люди узаконено равны, заставляет человека массы любому другому человеку, принадлежащему меньшинству, диктовать равенство с собой. О том, как подобное требование человека массы воплотилось на русской почве 1920-х годов, размышлял не только Булгаков. А.Н.Толстой писал в первой редакции “Хождения по мукам”: «На трон императора взойдет нищий в гноище и крикнет – “Мир всем!” И ему поклонятся, поцелуют язвы. Из подвала, из какой-нибудь водосточной трубы вытащат существо, униженное последним унижением, едва похожее-то на человека, и по нему будет сделано всеобщее рав-

нение» [Толстой 1921: 9]. Толстой действительно уловил важную грань общественных “массовых” настроений: право человека массы предложить обществу всеобщую унификацию с собой выразилось в концепциях личности Пролеткульта и ЛЕФа, именно с ними полемизировал Е.Замятин в романе “Мы”.

Ортега определяет некоторые черты психологического склада человека массы: беспрепятственный рост жизненных запросов, ведущий к безудержной экспансии собственной натуры, и врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить его жизнь и дать возможность этим запросам реализоваться. В результате человек массы по своему душевному складу напоминает избалованного ребенка. Его мироощущение определяется, “во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого - чувством собственного превосходства и всесилы, что, естественно, побуждает принимать себя таким, какой есть, и считать свой умственный и нравственный уровень более чем достаточным. <...> И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта - вмешиваться во все, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно...” [Ортега-и-Гассет 1991: 333-334].

Из всего этого вырастают черты психологического склада человека массы. Это неукоснительные представления обо всем, что творится во вселенной, неумение слушать, неспособность допустить, что существует еще какая-то иная позиция, потребность судить, решать и выносить приговор. Возникает и приходит к власти новый тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю. Это человек, утверждающий право не быть правым, право произвола.

О грядущем владычестве человека массы уже с середины прошлого века заговорили очень многие - имена Герцена или Достоевского, автора “Зимних заметок о летних впечатлениях”, являются одними из наиболее заметных и значимых. В Европе оно проявилось как смена общечеловеческих ценностей буржуазными - в том смысле, какой вкладывали в это слово люди рубежа веков и какой выразил И.Бунин в рассказе “Господин из Сан-Франциско”. Но только в России оно обернулось крушением государственности и прежней культуры. Приход к власти человека массы сопровождался русским бунтом, бессмысленным и беспощадным. “Заурядность, прежде подвластная,

решила властвовать. Решение выйти на авансцену возникло само собой, как только созрел новый человеческий тип - воплощенная посредственность” [Ортега-и-Гассет 1991: 333]. Именно такой человеческий тип в его столкновении с представителями традиционной высокой культуры интересовал Булгакова.

С другой стороны, Булгакова интересует поведение представителей прежней культурной традиции в новой исторической ситуации, обусловленной появлением массового человека и его агрессивностью в отношении ко всему, с чем он сталкивается. Возможна ли и нужна ли переоценка неких мифологических представлений о взаимоотношении народа и интеллигенции, выработанных в прошлом столетии (знаменитый интеллигентский комплекс вины перед народом, миф о народе-богоносце, представление о некоей исконной мудрости и всегдашней правоте народа в любой исторической ситуации)? Не приведет ли следование им к тотальному разрушению культурной традиции и к физической гибели ее носителей?

Для воплощения подобной проблематики писатель обращается к гротескно-фантастическому сюжету: профессор Преображенский и его ассистент доктор Борменталь проводят операцию по пересадке гипофиза милому и доброму псу Шарик, подобранному на улице. Гипофиз принадлежит Климу Чугункину - деклассированному люмпену и спившемуся алкоголику, трижды судимому, но «социально близкому» новой власти, представителем которой на страницах повести выступает председатель домкома Швондер. В результате операции появляется человекоподобное существо, агрессивность которого грозит уничтожением мира, созданного профессором Преображенским.

То, что воспринимается современным сознанием как явления гротескно-фантастического плана, содержащие в себе формы условной образности (преображение собаки в человека), вовсе не воспринималось в качестве такового в середине 1920-х годов. То было время, когда в обыденном сознании господствовала наивная вера во всесилье науки, когда популярной и вполне достижимой казалась идея омоложения человека, когда медицина ставила перед собой задачу полной победы над смертью в самом обозримом будущем. В основе таких представлений лежали весьма распространенные и популярные идеи австрийского физиолога Штейнаха, полагавшего, что путем хирургического вмешательства в человеческий организм и пересадки желез, участков мозга, половых органов и т.д. вполне реально добиться

омоложения и вечной жизни.

В сущности, именно этими медицинскими представлениями и обусловлена частная врачебная практика профессора Преображенского. Пациенты, приходящие к нему на прием, озабочены проблемами омоложения: один из них вспоминает свои любовные похождения в Париже 1899 года и ждет их повторения уже теперь, в 1925 году; даме пятидесяти одного года профессор собирается вставить яичник обезьяны... Авторская ирония показывает сомнения Булгакова в актуальности и перспективности подобного рода медицинских занятий.

Нужно сказать, что уверенность в скорой победе над смертью, в возможности телесного преобразования, оживления, воскрешения питали не только бурные темпы развития медицины и хирургии в частности, но и философские идеи. Среди них - «Философия общего дела» Николая Федорова, где он обосновал будущую задачу всего объединенного человечества, к достижению которой и сводится в конечном итоге смысл эволюции: воскрешения во плоти и крови всех некогда живших людей. При этом Федоров мыслил воскрешение не мистическое, не религиозное, не трансцендентное, но вполне реальное, материальное, которое станет возможным благодаря успехам науки и будет производиться в родственном ряду, от сына к отцу, от отца к деду и т.д. Идеи Н.Федорова оказывали очень большое влияние на философию, культуру, литературу, обыденное сознание человека первой четверти XX века.

Таким образом, сюжет «превращения» или «оживления» мог быть воспринят современниками как вполне реальный. Достаточно сказать о его распространенности в литературе 20-х годов, ведь к нему же обращается и В.Маяковский в комедии «Клоп»: через пятьдесят лет после неудачной женитьбы Присыпкина, порвавшего с классом рабочих и превратившегося в Пьера Скрипкина, его находят люди будущего и «размораживают», т.е. оживляют в институте человеческих воскрешений. При этом у Булгакова и Маяковского схожие сюжеты формируют и общий тип конфликта: высокоорганизованной творческой личности, человека науки (профессор у Маяковского, профессор Преображенский у Булгакова) и агрессивного, невежественного, темного человека массы.

Другое дело, что Маяковский и Булгаков принципиально по-разному трактуют причины его появления и совершенно на разных основаниях приходят к его отрицанию: Маяковский видит причину превращения Присыпкина в Пьера Скрипкина, обывателя и мещанина, место которому - только в

клетке вдвоем с клопом, в разрыве с классом рабочих, принадлежащим, с точки зрения автора, высшему виду «гомо сапиенс». Присыпкин, по выражению М.Чудаковой, оказывается своего рода социальным мутантом, отклонившимся от некоей идеальной гипотетической нормы и автоматически перешедший в иной социальный и даже биологический слой. С этим и связана ошибка профессора у Маяковского: «По внешним мимикрийным признакам – мозолям, одежде и прочему – уважаемый профессор ошибочно отнес размороженное млекопитающее к «гомо сапиенс» и к его высшему виду – к классу рабочих».

Совсем иные основания находит М.Булгаков, объясняя социальные причины появления Полиграфа Полиграфовича Шарикова. Операция, проведенная профессором Преображенским, привела не к отклонению от нормы, но к ее развитию и укреплению: агрессивность, хамство, невежество, бескультурье ожившего, «воскрешенного» в Шарике люмпена Клима Чугункина, и являются для него абсолютной нормой социального и бытового поведения.

Обращение к схожему конфликту обуславливает появление общих аспектов проблематики в произведениях Маяковского и Булгакова. Оба они отказывают своим персонажам в праве называться людьми и не видят для них возможности существования в обществе. Оба показывают неспособность своих персонажей понять, почему их тип поведения отвергается: ведь и Шариков, и Присыпкин возлагают вину за свою отверженность на людей, вызвавших их к жизни: «Воскресли... и издеваются! – восклицает Присыпкин. Черт с вами и с вашим обществом! Я вас не просил меня воскрешать. Заморозьте меня обратно!». Жертвой науки ощущает себя и Шариков: «Разве я просил мне операцию делать?.. Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются». Помимо этого почти текстуального совпадения схожесть авторской позиции подтверждается тем, что за обществом оставляется право изолировать Шарикова и Присыпкина или же нейтрализовать их агрессию.

На первый взгляд, может показаться парадоксальным обращение к схожему сюжету, к одному типу героя, совпадение авторской позиции столь разных художников: «агитатора, горлана, трубача» Маяковского, преданного революции, и «аристократа» Булгакова, никогда не скрывавшего своего критического отношения к социальным и политическим процессам, происходившим в России 20-30-х годов. Вероятно, совпадение их художественных концепций происходило вопреки их взаимной литературной и личной антипатии.

Ведь взаимная неприязнь проявилась даже в выпадах, содержащихся в обоих произведениях: у Маяковского: имя Булгакова содержится в словаре умерших слов, который листает профессор, а Булгаков пародирует известную и популярную в 20-е годы рекламу Маяковского «Нигде кроме, как в Моссельпроме». Шарик, размышляя о краковской колбасе, купленной профессором Преображенским, думает: «Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме».

Вероятно, схожесть их позиций вопреки личным и литературным отношениям обусловлена резким неприятием того социального типа, который был вызван к жизни революционными преобразованиями – типа массового человека. Но Маяковский видел причину его появления в мещанстве, в опасности перерождения рабочего класса, а Булгаков – в люмпене, пролетарии, возмнившем себя хозяином жизни. Разница же состоит в том, что Булгаков наделяет творческую личность, творца и гения профессора Преображенского правом вынести приговор человеку массы, а с точки зрения Маяковского, такая возможность может принадлежать лишь обществу в целом: решение поместить Присыпкина в клетку зоосада в качестве корма для клопа принимается коллегиально, с помощью машины для голосования.

Однако конфликт в повести Булгакова «Собачье сердце» выглядит более усложненным, нежели в комедии Маяковского. У Булгакова в конфликт оказываются включены и другие герои: председатель домкома Швондер и его товарищи, а так же доктор Борменталь. Завязкой этого конфликта оказывается появление Швондера в квартире профессора Преображенского, которая служит ему и жилищем, и местом его врачебной деятельности. Большая квартира в красивом барском доме на Пречистенке оказывается целым миром, противостоящим царящей в Москве разрухе.

С помощью деталей интерьера Булгаков воспроизводит непотопляемый даже в период социальных катастроф мир частного дома профессора Преображенского. Среди таких деталей – книги с золотыми корешками, хранящиеся на полках застекленных шкафов, чучело совы, коверный узор, кожаный диван и кресла. С точки зрения профессора Преображенского, ему удалось отстоять право на сохранение уклада собственного дома даже в момент «социальной революции». Он ведет заочную полемику с новой властью: «Пусть: раз социальная революция – не нужно топить... Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что второй подъ-

езд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?» Представления Филиппа Филипповича о разрухе и ее истоках ассоциируются с «пением хоралом» представителей новой власти. С ними же он связывает и пропажу своих калов в 1917 году. И бытовые детали, и иронические суждения профессора о новых порядках создают образ старой и новой Москвы, на противопоставлении которых формируется миф о Москве – цветущей до «переворота» и обреченной при большевиках, которые и водку-то сделать толком не могут – только тридцатиградусную.

Московский миф формируется у Булгакова во круг судьбы Калабуховского дома на Пречистенке. Профессору удается сохранить мир своего дома, крохотный уцелевший в эпоху «социальной революции» островок старой жизни, поэтому бытовой уклад профессорской квартиры становится своего рода социальным вызовом, который он бросает новой власти.

Швондер с группой товарищей появляется у Преображенского с предложением добровольно «самоуплотниться» – отдать часть комнат нуждающимся массам. Образ Швондера представляет собой агрессивное и хамское воплощение массового человека – это своего рода идеолог и предводитель люмпенизированной массы, противопоставленной творческой личности, утверждающей право на собственную социальную, политическую и экономическую независимость.

Диалог Швондера и его товарищей с Преображенским выявляет политические взгляды и этические представления сторон. Позиция автора и героя выражается, в частности, с помощью иронии, когда профессор на приведенный оппонентами аргумент о том, что в Москве столовой нет даже у Айседоры Дункан, предлагает ей резать кроликов в ванной. Но парадокс состоит в том, что спасает Преображенского от «добровольного самоуплотнения» вмешательство представителя новой власти, который оказывается одним из пациентов профессора и взыскует, вероятно, того же, что и первый пациент, вспоминающий о давних парижских приключениях.

Итак, из этого столкновения Преображенский выходит победителем. Но ситуация коренным образом меняется, когда в результате операции появляется Полиграф Полиграфович Шариков – и уже изнутри начинается разрушение миропорядка профессорского дома. Швондер, по меткому замечанию современного исследователя Е.Скороспеловой, спускает на Преображенского собаку, – мы имеем дело с реализованной метафорой. Он вы-

правляет Шарикову документы, находит работу в соответствии с запросами его собачьего сердца (герой становится завподотдела очистки города от бродячих животных, к которым сам недавно принадлежал, и с удовольствием душит кошек, которые, по его соображениям, «на польты пойдут»), просвещает нового «товарища», давая ему читать переписку Энгельса с Каутским, полагая, вероятно, вполне приемлемой подобную литературу для умственного и образовательного уровня Шарикова. Но ведь и Преображенский с Борменталем пытаются его воспитать, обучая застольному и бытовому этикету, стараются привить ему элементарные навыки общения, требуют, чтобы Шариков ловил блох, раз уж это необходимо, не зубами, а руками.

Получается, что Шариков – не столько одна из сторон конфликта, но своего рода арена борьбы между Преображенским и Швондером, которые вступают в столкновение уже не за профессорскую квартиру, а за «народ» в лице Шарикова: профессор и его коллега стремятся цивилизовать его, председатель домкома, напротив, развить страшные и агрессивные черты его натуры – воистину спустить собаку на своего оппонента. И в этом столкновении верх одерживает уже Швондер: все попытки доктора Борменталья отучить Полиграфа Полиграфовича от пьянства или хотя бы объяснить, в какой последовательности нужно наполнять рюмки, заканчиваются следующей репликой обиженного Шарикова: «Все у вас как на параде – «извините» да «мерси», а так, чтобы по-настоящему – это нет». Швондер, напротив, добивается больших успехов: под его чутким руководством Шариков утверждает на якобы принадлежащей ему площади профессорской квартиры («Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть»), собирается «расписаться с барышней», пробует себя в жанре доноса на Преображенского.

Такой поворот событий формирует еще один ракурс конфликта – на сей раз между профессором Преображенским и его учеником доктором Борменталем, который часто готов задушить Шарикова – как, скажем, после неудачной попытки последнего изнасиловать Зину. Профессор останавливает доктора: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками». Подобные идеи звучат и в его рассуждениях о том, что только лаской можно добиться чего-либо от живого существа. Доктор Борменталь придерживается другого мнения: он понимает, что если не переломить ситуацию и продолжать исповедовать идею «чистых рук до старости», то до старости сам

он просто не доживет. Поэтому именно доктор принимает решение о вторичной операции и подталкивает к ней своего учителя. В этом противостоянии проявляются взгляды двух разных поколений русской интеллигенции: Преображенский еще отчасти несет в себе комплексы старой интеллигенции о ее вине перед народом, о познании народом некоей исконной истины, недоступной просвещенному разуму, а доктор Борменталь, напротив, видит в Шарикове не народ, а чернь, массу, бездумно и свирепо покушающуюся на мир, выстроенный им и его учителем. Совершая обратную операцию, он утверждает право своего личного и социального бытия. Разрешение конфликта между Швондером и Преображенским, таким образом, происходит в пользу последнего и лишь потому, что рядом с ним оказался его ученик, способный по-новому взглянуть на извечную русскую ситуацию противопоставления народа и интеллигенции, увидеть ее шире, в рамках новейшего исторического опыта.

Значимость для русской литературы и русского национального сознания того конфликта, к которому обращается Булгаков, и тех проблем, которые встают за этим конфликтом, заставляет писателя перевести изображаемое из плана гротескно-иронического, сатирического, в план социально-философский. Булгаков уходит от конкретно-исторических координат и придает происходящему универсальный, бытийный смысл, и в этом сказывается приверженность Булгакова к эстетическим принципам модернизма. Картины московского быта оказываются пропущены сквозь призму опыта русской и мировой культуры. Совместить конкретно-исторический и бытийный план писателю удается с помощью литературных и историко-культурных реминисценций, которыми буквально насыщена повесть.

В экспозиции повести, нарочито конкретной, бытовой, заземленной, образованный читатель 20-х годов мог бы угадать мотивы поэмы А.Блока «Двенадцать»: вьюга, черный вечер, белый снег, «буржуй» Преображенский, упрятавший нос в воротник, приманивает куском дешевой краковской колбасы шелудивого пса из подворотни.

Вызывая в сознании читателя воспоминания о поэме Блока, Булгаков вступал в полемику с блоковской концепцией революции. Он стремился показать иллюзорность и утопичность представлений поэта о некоей изначальной гармонии, которой якобы обладают «новые гунны», и о культуре, которую они могут принести с собой («Катилина», «Интеллигенция и революция», «Крушение гуманизма»). Шариков, типичный представитель «варварских масс», как их понимал Блок, абсолютно

лишался романтического ореола и не оправдывал те ожидания и надежды, которые питала старая русская интеллигенция. Миф о том, что новые массы несут с собой дух обновления и свободы, на первых же страницах повести разрушался. Шарик радостно променял свободу на кусок колбасы потому, что не умел воспользоваться ею: для него это была свобода замерзать на продуваемых историческими ветрами московских улицах, шляться по помойкам в поисках пищи и быть ошпаренным поваром. «За вами идти? – размышляет пес перед «буржум» Преображенским. – Да на край света. Пинайте меня вашими фетровыми ботинками в рыло, я слова не вымолвлю!» Чуть позже, уже прижившись в квартире, Шарик совершенно сознательно в своем «внутреннем монологе» отказывается от идеи свободы: «Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать, – тосковал пес, сопя носом, – привык. Я барский пес, интеллигентное существо, отведал лучшей жизни. Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов...». Мало того, Шарик, а потом и Шариков, обнаружил свою беспомощность не только перед Преображенским (ведь он не только приманивает его колбасой, но и делает две операции), но и перед Швондером, который манипулирует им в борьбе с профессором.

В повести есть и евангельские реминисценции. Они расширяют ее смысл до масштабов воистину всемирной истории. Одна из них навеяна и сюжетом повести, и фамилией профессора – Преображенский. Преображение Господне как величайшее событие Священной истории осмысливается во многих произведениях русской литературы. Среди них – стихотворение Б.Пастернака «Август». Для его лирического сюжета имеет принципиальное значение, что «сегодня / Шестое августа по старому, / Преображение Господне». Это изменяет значение собственной смерти, увиденной во сне лирическим героем.

В следующем стихе Пастернак точно воспроизводит понимание православным сознанием событий Евангелия:

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, яркая как знаменье,
К себе приковывает взоры.

Преображение Господне на горе Фавор, свидетелями которого стали двое из его учеников (нерукотворный ярчайший, нестерпимый для глаза человеческого свет без пламени исходил от Спасителя и Его одежд) является символом просветле-

ния, надежды на спасение, светом Истины, который достигает каждое открытое для этого света сердце и душу. Характерно, что Пастернак говорит о том, что «обыкновенно свет без пламени исходит в этот день с Фавора» – события Священной истории, свершившись две тысячи лет назад, не отошли при этом в прошлое, но совершаются мистическим образом и поныне: каждый человек христианской эры является их современником, как бы далеко от них не отделяло его историческое время.

Мотив Преображения переосмысливается в повести Булгакова, получает прямо противоположное значение. Нерукотворный свет превращается в освещение электрической лампы операционной, в этом свете открывается перед собачьим взглядом его божество – профессор Преображенский: «Белый шар под потолком сиял до того, что резало глаза. В белом сиянии стоял жрец и сквозь зубы напевал про священные берега Нила». Он действительно преобразился: «Только по смутному запаху можно было узнать, что это Филипп Филиппович. Подстриженная его седина скрывалась под белым колпаком, напоминающим патриаршую скуфейку. Жрец был весь в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук». Но самое главное то, что преобразование (научный эксперимент профессора Преображенского) получает прямо противоположный результат и «преображает» милого пса в отвратительное человекоподобное существо.

Есть в повести и мотив ветхозаветного Потопа, тоже кардинально переосмысленный писателем. Смысл ветхозаветного Потопа – в очищении земли от скверны: Господь избрал праведника и его семью, чтобы они на обновленной и омытой водами земле продолжили свой род. В конечном итоге, история потопа содержит идею обновления и очищения для новой, лучшей и праведной жизни. Но у Булгакова эта реминисценция из Библии наполняется прямо противоположным смыслом: потоп устраивает Шариков, погнавшись за кошкой и оказавшись с ней в ванной комнате. В пылу борьбы с наглым «котярой» он защелкивает замок и выкручивает краны («Котяра проклятый лампу раскокал, – жалуется Шариков, – а я стал его, подлеца, за ноги хватать, кран вывернул, а теперь найти не могу») чем и вызывает потоп, заливший квартиру профессора. Естественно, никакого положительного смысла такой потоп не имеет; напротив, он грозит смыть с лица земли сам дом Филиппа Филипповича, уничтожить устоявшийся уклад его жизни.

Как же может разрешиться конфликт между

Преображенским и Шариковым? Преображенским и Швондером, который сделал Шарикова орудием в своей борьбе с Преображенским?

Увы, последний в результате общения с Шариковым вынужден признать несостоятельность своих прежних взглядов. «Никого драть нельзя! – объясняет он свои принципы Зине. – Запомни это раз навсегда. На человека и животное можно действовать только внушением»; «Лаской-с! Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом. Террором ничего поделаться нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно не стояло, – обращается он к ней несколько ранее и тут же распространяет этот принцип на сферу социальных отношений, вступая в полемику с новой властью. – Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный или даже коричневый! Террор совершенно парализует нервную систему». Увы, традиционные представления русской интеллигенции о доброте и долготерпении, исповедуемые Филиппом Филипповичем, на которых и должны строиться все отношения, делают его просто беспомощным перед невежеством, агрессией и жестокостью «массового человека». Разрешение конфликта в его пользу возможно лишь в результате повторной операции, решиться на которую помогает его друг и ученик, доктор Борменталь.

Творчески принципы мистического реализма прямо обосновываются Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Они заявлены в первой же главе романа «Никогда не разговаривайте с неизвестными» в беседе Михаила Александровича Берлиоза с Иваном Бездомным о заказанной ему антирелигиозной поэме. Поэма не удовлетворила главного редактора потому, что «Иисус у него получился, ну, совершенно живой, некогда существовавший Иисус, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисус». Точка зрения Берлиоза, напротив, состояла в том, «что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф». Иначе говоря, Берлиоз излагает сформировавшуюся к тому времени концепцию советской исторической науки, отрицавшей очевидное: факт земной жизни Иисуса Христа. (Заметим, что сам этот факт не вызывает сомнения с точки зрения историков любой другой исторической школы, он многократно научно подтвержден; другое дело, что наука бессильна подтвердить или опровергнуть вопрос о божественной сущности Христа – это вопрос веры, он в принципе

не может быть разрешен наукой).

Оппонентом Берлиоза выступает Воланд, вскоре присоединившийся к беседе, а Иван Бездомный оказывается лишь наивным свидетелем философского спора, из которого Воланд выходит бесспорным победителем. Воланд, доказывая бытие высшей силы, стоящей над человеком, ставит перед собеседниками сложнейший философский вопрос – о соотношении человеческой воли и высшей предопределенности его судьбы:

«- Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?

- Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

- Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день (...) А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, – тут иностранец прищурился на Берлиоза – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, так как неизвестно почему вдруг возьмет поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком».

В следующий момент Воланд дает возможность Берлиозу понять, кто именно управляет в художественном мире романа «всем порядком». В ответ на банальные размышления Берлиоза о кирпиче, который может упасть ему на голову (только в этом случае, по его мнению, не состоится вечернее собрание литераторов в МАССОЛИТЕ), профессор черной магии возражает:

- Кирпич ни с того ни с сего, – внушительно перебил неизвестный, – никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в каком случае не угрожает. Вы умрете другой смертью.

- Может быть, вы знаете, какой именно? – с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор. – И скажете мне?

- Охотно, – отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему

костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть - несчастье... вечер - семь...» - и громко и радостно объявил: - Вам отрежут голову!

За иронией этого разговора, которая проявляется, в частности, в комическом несоответствии между мрачным прогнозом относительно судьбы несчастного председателя МАССОЛИТА и громким радостным тоном, которым этот прогноз делается, кроется очень важный философский смысл. В самом деле, для читателя очевидна как обреченность Михаила Александровича, предрешенность его судьбы, так и его полная неспособность понять истинный смысл происходящего. Могущество Воланда подтверждает развитие сюжета, которое происходит в точном соответствии со сделанным им прогнозом: Берлиоз попадает под трамвай и лишается головы, а шайка во главе с предводителем обосновывается в его квартире.

Веселая и ироничная первая глава, задающая тон всему повествованию, содержит тем не менее глубокую философскую проблематику, в ней как бы заявлены все основные вопросы, которые поставлены в романе. В самом деле, о чем спорит Воланд с Берлиозом? О том, что есть Бог. Ведь именно поэтому в первой же главе появляется весьма забавный, полный нелепостей и алогизмов разговор о «старике Эммануиле», с которым однажды завтракал Воланд и сослать которого на Соловки предложил Иван Бездомный, чем привел в полный восторг своего странного собеседника. Появление в первой же главе имени Канта означает для образованного читателя ссылку на фундаментальную идею его философской концепции – идею нравственного императива, содержащуюся в душе каждого человека. Ведь две вещи, по мысли философа, служат бесспорным доказательством бытия Божия: звездное небо над головой (как воплощение высшей гармонии, доступной лишь Создателю мира) и нравственный закон внутри человека (как доказательство присутствия в нем Творца). Его наличие или отсутствие в каждом из героев и выявляется сюжетом романа, в первую очередь, при столкновении с шайкой Воланда.

В самом деле, все герои «Мастера и Маргариты» предстают в ситуации жесткого выбора – между добром и злом. Каждый из них может следовать нравственному императиву, заложенному в нем, и имеет все возможности отойти от него. Это внутренний выбор всякого героя, и воздействовать на человека в ситуации выбора не дано никому – даже Воланду. Делает свой выбор Пилат, убоявшийся Синедриона и против своей совести обрекший Иешуа на казнь; Мастер, который сжигает

свой роман, но не отрекается от него, не идет на сделку с литературной общественностью, принадлежащей МАССОЛИТУ; Иван Бездомный, бросивший писать стихи и ставший профессором истории – именно Ивана Николаевича Понырева видим мы в эпилоге, переживающего каждое весеннее полнолуние странные события, описанные в романе. И эпизодические персонажи не избавлены от ситуации выбора, как, скажем, и поэт Рюхин, которому довелось везти на грузовике в психиатрическую клинику доктора Стравинского заболевшего Ивана Бездомного. Ему, как и его бедному товарищу по перу, открылась бездарность его поэзии, но он делает другой выбор, нежели Иван: предпочитает не бросить поэтическое поприще, но вернуться обратно в ресторан Грибоедов и просто-напросто напиться. Тоже ведь выбор. Герои и оказываются судимы в зависимости от того, какой выбор они сделали.

Таким образом, Булгаков утверждает свободный выбор личности между добром и злом. Перед человеком, совершившим этот нравственный выбор и не отклонившимся от нравственного императива (вот почему появился в первой главе старик Эммануил), бессилен и Воланд. Именно такой выбор делает Маргарита, когда просит Воланда не за себя и за Мастера, но за Фриду, судьба которой потрясает ее и оказывается значительно более собственной судьбы с любимым человеком, ради которой она и пошла на сделку с дьяволом. Воланд прощает по просьбе Маргариты Фриду и дает ей право попросить еще раз – на сей раз Маргарита просит за Мастера. Перед нравственным императивом, которому следует личность, дьявол бессилён.

Таким образом, первая глава дает ключ и для понимания художественного метода Булгакова, для понимания своеобразия его реализма. «Я – мистический писатель», – говорил он, называя своим учителем Гоголя. Как же совмещается в его творчестве мистицизм как художественный принцип осмысления действительности и реализм?

В творчестве Булгакова классические реалистические принципы типизации дополняются обращением к фантастическому. Это вовсе не противоречит принципам реалистической эстетики и не становится чем-то принципиально новым: вспомним, что в творчестве Гоголя реализм органично сочетался с фантастическим. Новыми становятся те художественные цели, к которым обращается Булгаков, совмещая реальное и фантастическое.

Булгакова интересует реакция людей, сталкивающихся с алогичным, непонятным, невозможным в реальной жизни. Чаще всего она

оказывается комической. Такова, например, реакция кондукторши, увидевшей кота, который собирается прокатиться на трамвае и оказывается к тому же не только дисциплинированным, но и платежеспособным зверем. Но она может привести героя и к ощущению ужасного. Такова реакция Римского на появление в его кабинете Гелы. А преобразование Маргариты в ведьму и ее полет на метле с последующим разгромом квартиры критика Латунского вызывает ощущение справедливого возмездия. Это почти катарсис, переживаемый читателем! Соотнесенность обыденного с фантастическим становится значимой доминантой художественного мира Булгакова.

Основополагающим художественным принципом романа становится столкновение социальной и бытовой реальности Москвы 30-х годов с шайкой Воланда, способной органично включиться в эту реальность и взорвать ее изнутри. Столкновение бытового с фантастическим формирует эстетически значимое противоречие. Таким образом Булгаков создает новое эстетическое качество реализма: он обращается к мистике, ее противопоставляя скверной действительности.

Когда Воланд размышляет о кирпиче, который никогда и никому просто так на голову не свалится, он отвергает не просто наивную философию слепого случая. Он утверждает тотальную причинно-следственную связь между событиями и явлениями, т.е. ту связь, которая становится основой основ реалистических принципов типизации. Однако это вовсе не та причинно-следственная связь, которая утверждалась классическим реализмом. Когда он размышляет о том, кто управляет всем порядком на земле, и отказывает в этом праве человеку, он отвергает не только социальный и исторический детерминизм как традиционную основу реалистических принципов типизации, но и самоуверенность советских историософских концепций, и утверждает иного рода предопределенность. Иначе говоря, Булгаков устами своего странного героя формулирует свои эстетические принципы. Можно сказать, что, не отказываясь от реализма как творческого метода, основанного на исследовании причинно-следственных отношений между событиями и человеческими характерами, средой и судьбами людей, сформированных этой средой, Булгаков ищет мистические основы этой взаимосвязи. Можно сказать, что он утверждает мистический детерминизм, мистическую предопределенность судеб и характеров. Подобный тип детерминизма позволяет писателю выразить собственную этическую позицию: причинно-следственные связи представлены не на уровне собы-

тий или же поступков людей, а на уровне этических законов, кантовского нравственного императива. Следование ему или же отступление от него прямо предопределяет в романе судьбы героев. Атеизм Берлиоза (т.е. отрицание существования Бога и, следовательно, нравственного императива в душе каждого человека) влечет немедленную смерть и лишает его надежды на бессмертие. Но такую судьбу он предопределил себе сам – Воланд лишь дает ему возможность получить по своей вере. На балу у сатаны получает свое и барон Майгель, политический доносчик и осведомитель, чью кровь пьет Воланд из черепа Берлиоза. Нарушение нравственного императива (причина) неизбежно влечет свое следствие – немедленное, как в случае с Михаилом Александровичем Берлиозом, или же отсроченное месяцев на девять – как смерть буфетчика Сокова в клинике Первого МГУ от рака печени. Напротив, возможность услышать нравственный императив предопределяет способность личности к развитию и становлению. Подобную эволюцию характера переживает поэт Иван Бездомный, которого в эпилоге читатель застаёт профессором Института истории и философии Иваном Николаевичем Поныревым.

Если с этой точки зрения посмотреть на идейно-композиционную роль образа Воланда, то мы увидим, что он предстает не только и не столько как судья героев, но лишь как персонаж, воплощающий силу, способную на немедленную реализацию причинно-следственных связей – между поступками героев, обнаруживающих их способность или неспособность следовать нравственному закону, и тем, как в прямой зависимости от этого складывается их судьба. Воланд – зримое, хотя и фантастическое, воплощение неких нравственных норм. Свои сверхъестественные возможности он использует для того, чтобы каждому воздать по делам его.

Итак, особенностью булгаковского реализма становится фантастический гротеск.

Именно банда Воланда привносит с собой в роман гротескно-фантастическое начало. Обладая сверхъестественными возможностями, ее члены читают мысли людей, и с этим связана целая серия комических разоблачений, как, например, на сеансе черной магии в варьете. Они предопределяют судьбы (смерть Берлиоза), играют жуткие шутки (высылка Степы Лиходеева из собственной квартиры нагишом в Ялту). Им доступно проделать не только невероятные фокусы с человеком (отвернуть голову конферансье Бенгальскому а затем приставить ее обратно), но и с целыми коллективами (так поют хором против собственной воли

члены филиала зрелищной комиссии в Ваганьковском переулке).

Источником комического оказывается столкновение нового лица, незнакомого с шайкой и ее проделками, со странным и алогичным, фантастическим. Таково появление Поплавского, киевского дядюшки, в квартире Берлиоза, его встречу с Азазелло и Бегемотом; появление в той же квартире Андрея Фокича Сокова; председателя домкома номер триста два-бис по Садовой Никанора Ивановича Босого. Каждый из них покидает ее в состоянии полнейшего потрясения. Таким образом выявляются общечеловеческие пороки, поразившие и москвичей, и киевского дядю (взяточничество, обман, желание несправедливо завладеть московской квартирой). Комический эффект создается столкновением обыденного, бытового – с невероятным и фантастическим.

Комический эффект столкновения обыденного и фантастического, когда новое лицо оказывается в сфере действия шайки, создается якобы неадекватным поведением ее членов: преувеличенная чувствительность и сердечность Коровьева при встрече с Поплавским, резкость кота, сомневающегося в правомочности получения им паспорта, странные проводы Азазелло, меняющего тон разговора в зависимости от того, на каком лестничном пролете находится Максимилиан Андреевич. Однако вся эта неадекватность выявляет сущность героя и характер порока, который движет им. Внешняя неадекватность поведения героя оказывается подкреплена этически и обретает статус справедливого возмездия, тяжесть которого определена пороком героя.

Но почему писатель обращается к дьяволу в поисках добра и справедливости? Если оставить в стороне возможности религиозно-философской трактовки этой книги и не говорить в шутку, что пером Булгакова водила рука его героя, профессора черной магии, то объяснение этому можно отыскать в том, что Булгаков, обращаясь здесь к центральной теме своего творчества, теме отношений художника, творчески одаренной личности, и власти, будь то власть государственная или же власть литературной общественности, толпы, черни, не видит возможности разрешить ее в позитивном для творческой личности ключе. Художник и власть – самая трагическая тема Булгакова. В условиях социально-политической и культурной обстановки советских 30-х годов, когда против Булгакова была развязана кампания травли, книги не

публиковались и пьесы не ставились (исключение составляет лишь пьеса «Дни Турбиных», полюболюбившаяся лично Сталину), писатель не видел иной возможности разрешения этого конфликта иначе, чем прибегая к помощи дьявола.

Трагические разрывы русской души стали главным предметом изображения в романе Булгакова. Это разрыв и контраст между дьявольским и Божественным, между святым и низменным, содержащимся в этой душе. Пафос этой книги так сформулировал духовный писатель, Архиепископ Иоанн Шаховской: «Мастер и Маргарита – не двойной ли это образ русской души, жаждущей мира и раздирающейся между бесовским искушением и зовом истины?»

Литература:

Булгаков М.А. Письмо правительству СССР // Новый мир. 1987. № 8.

Толстой А.Н. Хождение по мукам: роман (Продолжение) [Гл. XXIV–XXVII] // Современные записки. 1921. Кн. IV. С. 1–40.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Поступила в редакцию 30.04.2011

M.M. Golubkov

MYSTICAL WRITER MOSCOW AND "MOSCOW TEXT" IN THE MODERNIST AESTHETICS OF M.A. BULGAKOV

The article shows M.A. Bulgakov as one of the founders of "Moscow text". The author interprets his novel "The Heart of a Dog" and the novel "The Master and Margarita" through the prism of mysticism, artistic principle, based on the collision of domestic and fantastic and connecting the features of realism and modernism. The special attention in the work is paid to research of the mystical determinism of destinies and characters of the heroes of "The Heart of a Dog" and "The Master and Margarita".

Keywords: M.A. Bulgakov, modernism, realism, mysticism, "Moscow text".

ТАМБОВСКИЙ КОЛОРИТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: К ХАРАКТЕРОЛОГИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА*

Л.В. Полякова

В отечественном литературоведении самых последних лет значительно активизировалось внимание к краеведческому материалу, «хронотопической образности», «образам местности», «местнографии», «локально-историческому методу в науке о литературе», к методологии социально-исторического литературоведческого исследования [См.: Московская 2010]. Дискутируется мысль о том, что кроме «петербургского текста», открытого и описанного в свое время Н.П. Анциферовым, а в наши дни исследованного В.Н. Топоровым с помощью мифопоэтического и семиотического методов [См.: Топоров 2003], в русской литературе по аналогии представлены «московский», «воронежский», «пермский», «елецкий», «сибирский», «крымский» и другие тексты, характеризующиеся специфическими топонимическими сюжетами, героями, поэтикой, языком, когда даже сам «край» может восприниматься как образ или герой литературного произведения.

При этом литературоведы, в отличие от лингвистов, рассматривающих «текст» как коммуницируемую, сообщенную знаковую структуру на письме, минимальную единицу речевой коммуникации, обладающую относительным единством и относительной автономией, особенно не придерживаются каких-то определенных толкований понятия «текст» применительно к вопросу об «образах местности». Приняв во внимание эту ситуацию вокруг локального литературно-художественного «текста», есть все основания говорить и о «тамбовском тексте» русской литературы. Степень связи писателя с Тамбовским краем определяется содержанием и характером конкретных его произведений. Произведения Державина тамбовского периода, «Тамбовская казначейша» Лермонтова, лирика Баратынского, написанная в Маре, «Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле»,

В статье анализируются два рассказа А. Солженицына в основе с региональным аспектом - «Случай на станции Кочетовка» и «Эго». «Тамбовский текст» малой прозы писателя зафиксировал способность художника оставаться проповедником и пропагандистом так называемого «религиозного гуманизма» именно в произведениях с высоким трагедийным содержанием.

Ключевые слова: Солженицын, малая проза, характерология, «тамбовский текст» русской литературы.

«Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» Терпигорева, поэзия из сборников «Песни старости», «Прощальные песни» Жемчужникова, «Печаль полей» Сергеева-Ценского, «Уездное» Замятина, «Город Градов» Платонова, «Тамбовский мужичок в Москве» Серафимовича, «Вольный проезд» Цветаевой, «Одиночество» Вирты, произведения других авторов, в том числе современных, — отличаются яркими художественными картинками жизни «тамбовского человека» (по Платонову) в разные исторические периоды.

Следует иметь в виду, что о «тамбовском тексте» русской литературы, как, впрочем, и о других выше перечисленных, можно говорить лишь очень условно и то в пределах, главным образом, литературного краеведения. Пока в литературоведении научно обоснован лишь «петербургский текст», с его отношением к Петербургу как городу, являющемуся квинтэссенцией жизни России, в ко-

* Работа выполнена и опубликована при финансовой поддержке РФФИ, проект № 10-04-70401а/Ц.

тором зашифрованы этапы её духовного развития; с наличием в нём, этом «тексте», петербургского мифа (сакральной географии города, его творения «из ничего», его нереальный вид и особые отношения с временем); с раскрытием темы призрачности, пустынности северной столицы. «Тамбовский текст» складывается из разрозненных биографических реалий писателей и их произведений, имеющих связь с Тамбовским краем, из отдельных мотивов, образов, характеров, сюжетов, героев разных историко-литературных периодов, когда можно обобщённо говорить о тамбовской теме и «тамбовском человеке», о массовом образе тамбовцев на страницах отечественной художественной словесности в целом, на тех или иных исторических этапах её развития.

Значительно обогащает «тамбовский текст» русская литература А.И. Солженицын.

В 1962 году написан солженицынский рассказ «Случай на станции Кочетовка». Он входит в серию произведений, созданных писателем в «малом жанре», демонстрирует мастерство Солженицына, «самой крупной фигуры, – по словам Л.А. Аннинского, – выдвинутой нашей словесностью за последние полвека» [Аннинский 1991], в использовании художественной детали, специфически тамбовского диалекта, диалога (что придаёт повествованию особую сценичность, ориентирует его на театральную сцену), в создании подробного портрета литературных героев. Диалог, которым открывается рассказ, обеспечивает быструю смену повествовательного ритма, сцен и как бы сообщает зачину, всему сюжету произведения напряжённость и даже конфликтность.

«– Алё, это диспетчер?

– Ну.

– Кто это? Дьячихин?

– Ну.

– Да не ну, а я спрашиваю – Дьячихин?

– Гони цистерны с седьмого на третий, гони.

Дьячихин, да.

– Это говорит дежурный помощник военного коменданта лейтенант Зотов! Слушайте, что вы творите? Почему до сих пор не отправляете на Липецк эшелона шестьсот семьдесят... какого, Валя?

– Восьмого.

– Шестьсот семьдесят восьмого!» [Солженицын 2004: 127].

Писатель сразу вводит своего читателя в атмосферу военного времени, в жизнь и обстановку станций с узнаваемыми для тамбовцев реальными названиями – Кочетовка, Липецк, Богоявленск, Мичуринск, Ртищево и другими, и житель Тамбовской области легко представляет себе место, где

событиям предстоит развернуться. Сегодня сортировочная станция Кочетовка комплексно реконструирована, о чём рассказал на страницах газеты «Вперёд» (2006. 30 марта) главный инженер Мичуринского отделения Юго-Восточной железной дороги В.В. Сараев.

В основу рассказа положена история, произошедшая в годы Великой Отечественной войны с другом Солженицына, военным комендантом станции Л. Власовым. Как свидетельствует В.Е. Андреев, в 1995 году на станцию Кочетовка Юго-Восточной железной дороги по просьбе Солженицына приезжал поэт Ю.М. Кублановский «по делам инсценировки для Мичуринского драмтеатра рассказа А.И. Солженицына» [Андреев 1998: 107].

Читатель солженицынского рассказа прежде всего отмечает мастерство Солженицына-портретиста. Он фиксирует своё внимание на «рассыпанных обильных белых кудряшках», «весёлых спадающих волосах» военного диспетчера Вали Подшебякиной, «круглых очочках» Зотова, «сизом носище да толстых губах» старика Кордубайло. На дубке, который рос за окном и «его трепало, мочило – он держал ещё тёмных листьев, но сегодня слетели последние»: сама Кочетовка имеет свой портрет. Отдалённая от столицы небольшая железнодорожная станция вблизи Мичуринска, ничем не приметная в обычное время, во время войны приобрела облик и значение обобщённого символа жизни военного времени. «А то всё было – дождь-косохлёт. В холодном настойчивом ветре он бил в крыши и стены товарных вагонов, в грудь паровозам; сёк по красно-обожжённым изогнутым железным рёбрам двух десятков вагонных остовов (коробки сгорели где-то в бомбёжке, но уцелели ходовые части, и их оттягивали в тыл); обливал четыре открыто стоявшие на платформах дивизионные пушки; сливаясь с находящимися сумерками, серо затягивал первый зелёный кружок семафора и кое-где вспышки багровых искр, вылетающих из теплушечных труб. Весь асфальт первой платформы был залит стеклянно-пузырящейся водой, не успевающей стекать, и блестели от воды рельсы даже в сумерках, и даже тёмно-бурая насыпка полотно вздрагивала невсачивающимися лужами» [Солженицын 2004: 127]. И далее – самая интересная и многозначительная деталь этой мрачной, кажется, совсем равнодушной к жизни человека картины: «И всё это не издавало звуков, кроме глухого подрагивания земли да слабого рожка стрелочника, – гудки паровозов отменены были с первого дня войны». Не тишина, а беззвучие – вот что отмечено художественным зрением писателя.

Беззвучие как знак беды, страха, ужаса военной жизни.

С первой страницы рассказа нас увлекают портрет, характер, поведение и мысли одного из главных героев – лейтенанта Василия Зотова, дежурного помощника военного коменданта. Предельно честный, трудолюбивый, патриотичный, совестливый, он чувствует не просто усталость, а тоску, которая «подобралась к нему в темнеющем прежде времени дне – и заскребла». И автор уточняет, что не личная жизнь волнует героя, а «тоска была даже не о жене, оставшейся с ещё не рождённым ребёнком далеко в Белоруссии, под немцами. Не о потерянном прошлом, потому что у Зотова не было ещё прошлого. Не о потерянном имуществе, потому что он его не имел и иметь не хотел бы никогда... Угнетённость, потребность выть вслух была у Зотова от хода войны, до дикости непонятного» [Солженицын 2004: 127].

Зотов постоянно задаёт себе вопросы: почему война так идёт, по сводкам информбюро провести линию фронта невозможно, у кого Харьков, у кого Калуга, но среди железнодорожников хорошо было известно, что за Узловую на Тулу поезда уже не шлют. Досталось и Кочетовке: «свалились откуда-то два шальных немецких мотоциклиста, влетели в Кочетовку и на ходу строчили из автоматов». Но больше всего Зотова беспокоило то, что немец сейчас, в октябре 1941 года, уже под Москвой, а если сдадут Москву, что потом? «...Потом что? А если – до Урала?..». «Вася Зотов преступлением считал в себе даже пробегание этих дрожащих мыслей».

Зотову не давала покоя ещё одна мысль: все его сокурсники, друзья воюют на фронте, а он должен прозябать в комендатуре железнодорожного узла. А ещё он не мог понять – и это вызывало в нём обиду и даже «ощущение одиночества», почему все рабочие люди вокруг него как будто мрачно, как и он сам, слушали сводки и расходились от репродукторов с такой же молчаливой болью. «Но Зотов видел разницу: окружающие жили как будто и ещё чем-то другим, кроме новостей с фронта, – вот они копали картошку, доили коров, пилили дрова, обмазывали стёкла. И по времени они говорили об этом и занимались этим гораздо больше, чем делами на фронте. Глупая баба! Привезла угля – и теперь “ничего не боится”. Даже – танков Гудериана?» [Солженицын 2004: 127].

И здесь особенно колоритен образ тёти Фроси, «списчицы» вагонов. Именно она рассказывает о том, как выменяла чулки у эвакуированных за пяток картофельных лепёшек, «а Грунька Мострюкова надясь какую-то чудную рубашку выменяла –

бабью, ночную, мол, да с прорезьями, слышь, в таких местах... ну, смехота! Собрались в её избе бабы, глядели, как она мерила, – животы порвали!.. И мыло тоже можно брать у их, и дёшево...» [Солженицын 2004: 127].

Но именно тётя Фрося рассказывает и случай на станции Кочетовка с эшелонном окруженцев, когда на железнодорожных путях встретились тридцать вагонов окруженцев (на эти тридцать вагонов отчаянных людей было пять сопровождающих из НКВД, которые сделать с ними ничего не могли) и встречный эшелон из Ртищева с мукой. Когда окруженцы атаковали полувагоны с мукой, вспарывали ножами мешки, насыпали себе в котелки и обращали гимнастерки в сумки, головной часовой конвоя при мучном эшелоне (было двое солдат), совсем ещё паренёк, начал кричать, и когда понял, что ему никто не поможет, он выстрелил и застрелил одного окруженца. Зотов знал об этом случае и пошёл объяснять Фросе и её слушателям, как было всё на самом деле.

Прекрасно написана, опять в форме диалога, теперь уже диалога-полемики, сцена спора о народном добре и о роли военной присяги. В этом споре принимают участие Зотов, Валя, Фрося и Кордубайло. Портрет каждого героя детально написан. Спор закончился тем, что Зотов ушёл к себе, а тётя Фрося спокойно обращается к Вале с просьбой «подострить карандашик»: «Пойду семьсот шестьдесят пятый списывать».

Принято считать, что у Солженицына, исключая разве «Матрёнин двор», слабо, контурно выписаны женские портреты. Этого не скажешь о рассказе «Случай на станции Кочетовка», где, конечно же, ведущая роль отведена Зотову и Тверитинову. Однако женские судьбы, написанные рукой бесспорного мастера, запоминаются, и не только Валя или Фрося, но и Полина, на первый взгляд, лицо эпизодическое. «Полина стала ему (Зотову. – Л.П.) в Кочетовке – нет, по всю эту сторону фронта – самым близким человеком, она была глазом совести и глазом верности его...». Полина работала на почте, куда Вася ходил читать свежие газеты. «Как и для Зотова, для Полины война не была бесчувственным качением неотвратимого колеса, но – всей её собственной жизнью и будущим всем, и, чтоб это будущее угадать, она так же беспокойными руками разворачивала эти газеты и так же искала крупинки, могущие объяснить ей ход войны... Газеты заменяли им письма, которых они не получали... Полину, ребёнка её и мать он любил так, как вне беды люди любить не умеют...» (выделено мною. – Л.П.) [Солженицын 2004: 137], когда любят как своё спасение.

Писатель подчёркивает в Зотове его отзывчивость: ни по званию своему, ни по роду работы совсем он не должен был вставать навстречу каждому входящему сержанту. Но он действительно рад был каждому и спешил с каждым сделать дело получше. «Своих подчинённых не было у помощника коменданта, и эти, приезжающие на пять минут или на двое суток, были единственные, на ком Зотов мог проявить командирскую заботу и распорядительность» [Солженицын 2004: 140]. Основной случай на страницах рассказа, заложенный в его название, – встречу и расставание молодого Зотова с сорокадевятилетним артистом Игорем Дементьевичем Тверитиновым, отставшим от своего эшелона окруженцев, а «инструкция требовала крайне пристально относиться к окруженцам, а тем более – одиночкам», – предваряется сценой, названной автором тоже «случаем», тем самым, о котором рассказывала тётя Фрося, когда именно Зотов напомнил о роли присяги для судьбы военного человека и в военное время. Неслучайна связь этих «случаев». «Тверитинов смотрел на Зотова в полноту своих больших доверчивых мягких глаз. Зотову была на редкость приятна его манера говорить...». Они говорили о том, как Тверитинов отстал от своего эшелона, о подозрительности людей друг к другу как черте тоталитарной эпохи, о судьбе поколения, к которому принадлежит автор рассказа, кто защищал дипломы об окончании высшего учебного заведения в первые годы Великой Отечественной, рассматривали семейные фотографии. Зотов мог и был готов помочь артисту, человеку с «душу растворяющей улыбкой», догнать свой эшелон, но не сделал этого: его смутил и насторожил вопрос артиста: «Позвольте... Сталинград... А как он назывался раньше?»

И – всё оборвалось и охолонуло в Зотове! Возможно ли? Советский человек – не знает Сталинграда? Да не может этого быть никак! Никак! Никак! Это не помещается в голове!» [Солженицын 2004: 158]. Начался бескомпромиссный внутренний монолог, почти «поток сознания»: («Значит, не окруженец. Подослан! Агент! Наверно, белоэмигрант, потому и манеры такие.»), («Да не офицер ли он переодетый? То-то карту спрашивал... И слишком уж переиграл с одежкой.»), («Тюха-матюха! Раскис. Расстилался перед врагом, не знал чем угодить.»), («Что же придумать?»). И Зотов сдал Тверитинову службе НКВД. Он понимал, что инструкция в военное время не меньше значима, чем присяга.

Если поставить рассказ А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка» в контекст творчества писателя, то мы должны отметить его пере-

кликчу, прежде всего, с другими ранними, написанными в одно время со «Случаем...» рассказами писателя, – «Матрёнин двор» и «Один день Ивана Денисовича», с непредвзятым подходом автора к русскому национальному характеру, который Солженицын высоко ценил, но не идеализировал. Поступок Василия Зотова (лучше перестраховаться, чем непоправимо ошибиться) находит прямое толкование и в притче о Китоврасе из романа «Раковый корпус»: «Жил Китоврас в пустыне дальней, а ходить мог только по прямой. Царь Соломон вызвал Китовраса к себе и обманом взял его на цепь, и повели его камни тесать. Но шёл Китоврас только по своей прямой, и когда его по Иерусалиму вели, то перед ним дома ломали – очищали путь. И попался по дороге домик вдовы. Пустилась вдова плакать, умолять Китовраса не ломать её домика убогого – и что ж, умолила. Стал Китоврас извиняться, тискаться, тискаться – и ребро себе сломал. А дом – целый оставил. И промолвил тогда: мягкое слово кость ломит, а жёсткое гнев воздвигает». Эту притчу приводит в своей книге о Солженицыне жевневский славист Жорж Нива и заключает: «Всякий раз, как Солженицын применяет принцип Китовраса, он тяжело оскорбляет людей чувствительных и честных, но втянутых в компромисс с действительностью» [Нива 1992: 37].

Поступок молодого лейтенанта Василия Зотова – это тоже своего рода поведение в соответствии с принципом Китовраса, компромисс с реальностью военного времени, когда чувство подозрительности (а вдруг Тверитинов шпион) внушено обстоятельствами.

Для более глубокого прочтения и понимания «Случая на станции Кочетовка» возможен и ещё один контекст, с одной стороны, рассказ «Эго», с другой – публицистика писателя и, прежде всего, его работа «Россия в обвале» (М., 1998), а также Гарвардская и Темплтоновская речи [См.: Солженицын 1995-1997]. В условиях войны и других экстремальных обстоятельствах добродетель человека оборачивается против него.

Рассказ «Эго», опубликованный в «Новом мире», особенно интересен нам, тамбовским читателям, поскольку связан с событиями, происходящими, как и в рассказе «Случай на станции Кочетовка», на территории Тамбовского края и тоже в период войны, пусть и иной по характеру – Гражданской. Известно, что к событиям антоновского мятежа у Солженицына был особый интерес. Он работал с тамбовскими архивами, в начале 1970-х годов приезжал в село 1-я Иноковка Кирсановского района в гости к учителям А.И. и Т.А. Брыксиным, у О. Е. Брыксиной, интересовался под-

робностями тамбовского крестьянского восстания 1921 года. Был он и в селе Калугино Инжавинского района, в Кирсанове [Андреев 1998: 43].

Павел Васильевич Эктон, заглавный герой, как пишет Солженицын в «Эго», «к своим тридцати годам, ещё до германской войны, устоялся в осознании и смысле быть последовательным, если даже не прирождённым, сельским кооператором – и никак не замахиваться на великие и сотрясательные цели. Чтобы в этой линии удержаться – ему пришлось поучаствовать и в резких общественных спорах и выстоять против соблазна и упрёков от революционных демократов...» [Солженицын 1995: 12]. У себя в Тамбовской губернии он несколько лет был энергичным деятелем ссудо-сберегательной кооперации. И только в январе 1918 года, «накануне уже явно неизбежной конфискации всех кооперативных касс, – настоял, чтобы его кредитное общество тайно раздало вкладчикам их вклады...» [Солженицын 1995: 12].

Писатель в подробностях и деталях описывает события в Тамбове и в сельских местностях Тамбовской губернии в период 1919–1921 годов, и он однозначно на стороне предводителя мятежа и его сторонников. По жанровой характеристике «Эго» близок к очерку: здесь подлинная биография Антонова, свидетельства очевидцев, действительные исторические личности – Киквидзе и Мамонтов со своими конницами, губпродкомиссар Гольдин, начпгуб Вейднер, борисоглебский уездный продкомиссар Альперович, предгубисполкома Чичканов, завагитпропа губкома Эйдман; а в грозных распоряжениях чаще всего мелькали подписи секретарей губкома Пинсона, Мещерякова, Райвида, Мейера, предгубисполкома то Загузова, то Шлихтера, предгубчека Трасковича, начальника политотдела Галузо – и этих тоже Тамбов не знал никогда, и эти тоже были пришлые. А в составе их губ-губ властей мелькали и другие, кто не подписывал грозных приказов, но решали-то все вместе: Смоленский, Зарин, Немцов, Лопато и даже женщины – Коллегаева, Шестакова... И об этих тоже Эктон не слышал прежде, только один среди них был точно местный, всеизвестный оголтелый большевик Васильев, прохулиганивший в городе весь семнадцатый год, свистевший и топавший даже на чинных собраниях в Нарышкинской читальне... Хотя и не в деталях, но показана деятельность штабов Антонова, ВЧК, продотрядов. С документальной точностью воспроизведены населённые пункты, где разворачивались события. «А мятежный край не утихал!» [Солженицын 1995: 19]. «И Эктон не увидел и для себя, народника, народолюбца, иного выхода, как идти туда же и в то же.

Хотя: кончилась большая Гражданская война – и какие надежды были теперь у мужицкого восстания? Но несомненно, что крестьяне будут лишены грамотного связного руководства. Пусть никакой не военный, лишь кооператор, да грамотный и смышлённый человек, – Эктон пригодится где-то там.

Но – жена, Полина, сердце моё неотрывное! и Мариночка, крошка пятилетняя, глазки васильковые! – как оставить вас? и – на какие испытания? на какие опасности? даже просто на голод? Вот оно, наше самое трепетное – оно и высшее наше счастье, оно и наша слабость...» [Солженицын 1995: 15]. Полина – в острой тревоге, но отпустила его со словами: «Ты – прав. Да... прав... Иди». «И осталась одна с дочуркой на их городской квартире, со скудными запасами провизии и дров на будущую зиму, – но и что-то же заработает, учительница» [Солженицын 1995: 15]. И Павел Васильевич уехал из Тамбова искать предполагаемый центр восстания. Вскоре на страницах этого очеркового рассказа появляется и объяснение, почему произведение названо «Эго». Когда Эктон представился Антонову, тот спросил фамилию. «Странно, но Эктон не запялся. Уже начал: «Эк...», и тут же прохватило: нельзя называть! И горло само перешло на:

– а... га...

Антонову послышалось:

– Эгов?

А что? Псевдоним, и неплохой. Ответил уже чётко:

– Эго. Пусть так.

Ну, так и так, Антонов и не допытывался...» [Солженицын 1995: 16].

Работая в антоновском штабе, Эктон на пишущей машинке печатал прокламации: «Мобилизованные красноармейцы! Мы – не бандиты! мы такие же крестьяне, как вы. Но нас заставили бросить мирный труд и послали на своих братьев... Да здравствуют советы трудового крестьянства!».

Эктова со временем признали военным человеком и сделали помощником командира полка Особого назначения при штабе 1-й армии. Сильно простудился, занемог, должен был отстать от полка, полежать в селе, в тепле, однако на вторую же ночь по доносу соседской бабы был выдан чекистам и схвачен, но не расстрелян. Его повезли в Тамбов, который к тому времени имел «вид военного лагеря». И дальше, через Тамбов, в Москву. Сидел в лубянской тюрьме ВЧК.

Автор подробно описывает тюремное существование героя. И вот Эктону предложено сотрудничество с большевиками, которые только что издали

приказ № 130: арестовывать семьи повстанцев. И Эктов, выбирая между долгом перед своими народническими настроениями и судьбой семьи, лихорадочно обдумывает и мотивирует свой поступок: получает задание быть проводником при кавалерийской бригаде знаменитого Григория Котовского, потому что всё равно «вся боевая кампания Антонова проиграна», а как «обречь своих»?.. Сам ты, своими руками?..» [Солженицын 1995: 25]. Вскоре Эктов понимает, что его служебное предательство оказывается бессмысленным, даже более того, выясняется, что бывший соратник Иван Сергеевич Матюхин, командовавший отрядом антоновцев, с которым Эго и намерен соединить котовцев, собирался освободить концлагерь, где содержатся семьи повстанцев, в том числе и семья Эктова. Получилось, что Эго погубил и свою семью, и себя. Однако автор оставляет для заглавного героя открытый путь «нравственного возвышения», в котором, по словам Солженицына в Гарвардской речи, содержится подлинный смысл и цель человеческого существования.

Солженицына на всём протяжении его творческого пути интересовала русская характерология, русский национальный характер в процессе его деформации, оскудения нравственности, проявившемся, как в «Случае на станции Кочетовка», в подозрительности, взращённой в русском человеке, по Солженицыну, условиями жизни и со временем ставшей доминантой национального характера. Вряд ли столь однозначно это можно отнести к лейтенанту Зотову, по долгу службы и присяги вынужденному быть предельно осторожным. Невозможно однозначно трактовать и поведение Павла Васильевича Эктова из рассказа «Эго».

Среди сподвижников Александра Степановича Антонова Эктов самый образованный человек, потому и становится начальником штаба. Он воспитан в лучших традициях русской интеллигенции, народолюбец, честный и добрейший человек. Эктов сломлен и практически предаёт антоновский штаб. Ему предстояло «сдать» людей, к которым он, чтобы во время Гражданской войны не прятаться в своей норе в Тамбове, пришёл сам с намерением служить истине, а значит, крестьянам, или пожертвовать женой и дочерью. Эктов, не до конца ориентируясь в ситуации, выбирает жену и дочь.

Как и в рассказе «Случай на станции Кочетовка», читательские оценки поведения героев Солженицына – Зотова и Эктова – затруднены именно господствовавшими необычайными ситуациями. Во всяком случае, сравнение Зотова и Эктова (один служит государственной целесообразности, другой руководствуется ответственностью перед своим

домом) – материал для неравнодушного обсуждения, найти истину в котором нам может помочь художественное слово самого писателя. В рассказе «Случай на станции Кочетовка» – это финал произведения, сформулированный всего лишь в одной фразе и с многоточием: «Но никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека...». В рассказе «Эго» с его акцентом на «я», на индивидуализм, тем не менее художественная логика произведения «работает» на восприятие программного героя, Эктова, как значительной личности в условиях непростого исторического катклизма.

Несмотря на то, что рассказы «Случай на станции Кочетовка» и «Эго» разделяют 33 года, жизнь целого поколения, Солженицын остаётся проповедником и пропагандистом так называемого «религиозного гуманизма», считая главным мировоззренческим и бытийным заблуждением современного человека то, что «человек пытается не выявить Божий замысел, но заменить собою Бога» [Солженицын 1995-1997, 1: 453]. Человек в любой ситуации, даже в самой чрезвычайной, по Солженицыну, должен чувствовать «направляющую руку». «Я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий смысл я привык с тюремных лет ощущать, – писал А. Солженицын в очерках «Бодался телёнок с дубом». – Броски моей жизни я не всегда управлялся понять вовремя, часто по слабости тела и духа понимал обратно их истинному и далеко-расчитанному значению. Но позже непременно разъяснялся мне истинный разум происшедшего – и я только немел от удивления... Это стало для меня так привычно, так надёжно, что только и оставалось у меня задачи: правильней и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни» [Солженицын 1975: 126].

«Потенциал внутреннего сопротивления человека может быть очень высок, сила духа, если личность обладает ею, способна менять саму ситуацию, в том случае, если человек, оказавшийся в ней, способен слышать Божественную волю и остаётся верен своим принципам. Идея жизни не по лжи, отвергающая каждодневные компромиссы, и может, по мысли Солженицына, переломить ситуацию не только в масштабе, доступном частному человеку, но в значительно более крупном» [Голубков 2001: 257-258], – так формулирует религиозно-гуманистическую философию писателя М.М. Голубков. Однако мы не можем согласиться с вполне допустимыми мыслями о том, что Зотов и Эктов не следовали в своей жизни, в своих поступках этому фундаментальному принципу жизни не по лжи.

Литература

- Андреев В.Е. Литераторы на Тамбовской земле. Мичуринск, 1998.
- Аннинский Л.А. [Солженицын] // Лит. газета. 1991. 27 февр.
- Голубков М.М. Русская литература XX в. После раскола. М., 2001.
- Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920 – 1930-х гг. К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М., 2010.
- Нива Ж. Солженицын. М., 1992.
- Солженицын А.И. Избранное. Проза. Литературная критика. Публицистика. М., 2004.
- Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1995-1997.
- Солженицын А.И. Эго // Новый мир. 1995. № 5.
- Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж, 1975.
- Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Поступила в редакцию 20.04.2011 г.

L.V.Polyakova

TAMBOV COLOURING OF RUSSIAN LITERATURE: TO CHARACTEROLOGY OF A.I.SOLZHENITSYN

In the article two short stories by A. Solzhenitsyn "The Incident at Kochetovka Station" and "Ego" are analyzed through the regional aspect. "Tambov text" of the writer's short prose recorded the ability of the artist to be an advocate and a promoter of the so-called "religious humanism" especially in the works with sublime tragic content.

Keywords: Solzhenitsyn, short prose, characterology, "Tambov text" of Russian literature.

2. Художник и культурное пространство. Региональные исследования в литературоведении

АМУРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА 1920-х гг: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ*

С.И. Красовская

Что такое амурская литература? А тем более, амурская литература далёких 1920-х годов? Если принять за главный факт литературы книгу, то портрет амурской литературы означенного времени получится весьма бледным. В аннотированном указателе, созданном А.В. Лосевым [Лосев 1963:103], можно обнаружить упоминания о нескольких авторах, чьи книжки выходили в 1920-е годы. Это П.Л. Береснев («Молодые побеги», Зея, 1920), В.М. Грустный («Сборник стихотворений В.М. Грустного», Благовещенск, 1923), Сергей Зверев («Чаша скорби. Рассказы», Благовещенск, 1923), а также С. Зверев, И. Соколов, Г. Насыпайко («Солнцевый бег. Стихи». Благовещенск, 1924), И.И. Корытов («Посмертные стихи» – в сб. «Красная Голгофа», Благовещенск, 1920), Г. Отрепьев («Лучи красных дум. Стихи», Благовещенск, 1922¹), С. Шилов («Окровавленный серп. Рассказ», М.–Л., 1926), Г. Шпилёв («Голоса земли. Сборник стихов», Благовещенск, 1919). Почему-то не упомянут здесь Владимир Рудман с его сборником «Вольные песни», изданным в Благовещенске в 1923 году.

Личные поиски автора данной статьи в областной научной библиотеке привели к гораздо более скромным результатам. В отделе редких книг обнаружили только две из описанных А.В. Лосевым книг. Это – книга В.М. Грустного, коллективный сборник стихов «Солнцевый бег» (С. Зверев, И. Соколов, Г. Насыпайко). Да ещё не указанная автором аннотированного указателя книжка стихов В. Рудмана.

Статья представляет собой попытку обозрения амурской литературы и литературной жизни Приамурья в начале 1920-х годов. Материалом исследования послужили разножанровые художественные тексты, рецензии, информационные заметки, опубликованные в областной газете – «Амурской правде» за 1921-й, 1923-й годы, а также поэтические сборники тех лет. В статье делаются выводы о том, что литература Приамурья 1920-х годов несла в себе характерные черты провинциальности, выполняя основные архетипические функции – консервирования/охранения культурных традиций, с одной стороны, и их профанирования – с другой, обеспечивая, таким образом, устойчивую стабильность общенациональной культуры и литературы, являясь необходимым звеном её существования и развития.

Ключевые слова: амурская литература, провинция, литературный факт, стилизация, подражание.

* 1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

Можно ли на этом основании делать выводы о литературном процессе? Ответ на этот вопрос, очевидно, в разное время будет разным. Ведь понятие литературного факта, как на то указывал автор этого термина Ю.Н. Тынянов, исторично: «Определения литературы, оперирующие с её “основными” чертами, наталкиваются на живой литературный факт. Тогда как твёрдое определение литературы делается всё труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое литературный факт. <...> Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот» [Тынянов 1977: 257].

Когда-то, в хорошо известном литературном обзоре 1848-го года В.Г. Белинский, с удовлетворением отмечая возросшее количество ежегодно издаваемых книг, с радостью заключал: «теперь нечего обращать внимание на количество произведений или хлопотать об оценке каждого явления <...> Главная же задача тут – показать преобладающее направление, общий характер литературы в данное время, проследить в её явлениях оживляющую и движущую мысль» [Белинский 1948: 773]. Из чего легко предположить, что было время, когда состояние литературы определялось количеством издаваемых книг; оно было невелико, и потому все явления без исключения могли стать объектом внимания критика.

В 1960-е годы, когда только начиналось исследование амурской литературы, когда Анатолий Васильевич Лосев собирал материалы для своего аннотированного указателя, безусловно, главным литературным фактом была книга. Причём, это распространялось не только на региональную, амурскую литературу, но и на отечественную литературу в целом. Известно, что главным «пропуском» автора в Союз писателей было именно наличие отдельного издания сочинений. Этот же критерий применялся и к оценке состояния амурской литературы в 1920-е годы. Лосев как исследователь-следопыт зафиксировал все данные о разысканных книгах, не соотносясь с их художественными качествами, лишь вкратце отметив слабость некоторых из них.

Отчасти такой «количественный» подход к литературе сохраняется и сегодня.

Но, надо заметить, что сегодняшняя ситуация, тем не менее, коренным образом отличается от ситуации недавнего прошлого. И статус, а вместе с ним и авторитет института Союза писателей уже не тот – имеется множество альтернативных союзов, организаций, литобъединений; и, самое главное, ко-

ренным образом изменилась медиасфера: медийные средства и механизмы, с помощью которых литература становится частью культурного сознания, расширились и видоизменились.

Так, наряду с традиционной литературой на «бумажном носителе» появилась «сетевая» литература – литература, существующая только в Интернет-сети, но этим не проигрывающая, а, скорее, наоборот, выигрывающая «битву» за читателя. Появилось (читай – возродилось) множество перформансных, интерактивных форм поэзии – устных выступлений поэтов с элементами театрального и музыкального представления; огромную популярность приобрела звучащая поэзия: авторская песня, рок-поэзия, пришедший с Запада рэп. Если раньше под литературой подразумевалось то, что существует на бумаге как печатный текст и в то же время может быть прочитано вслух, то сегодня литература дрейфует в сторону устных синтетических форм существования, к поэтическому перформансу, предполагающему использование автором собственного физического тела в той же степени, в какой сам он использует звуки и слова для создания художественного образа.

Всё это сегодня – литературные факты. Однако в амурской глубинке эти процессы только начинают набирать силу. У нас ещё по-прежнему значимость писателя-поэта измеряется количеством напечатанных книг и включением его в Союз писателей. Да и деятельность Союза самими же его членами измеряется «в книгах», выпущенных за год. Надо ли говорить, что такой метод подсчёта «цыплят» сегодня недостаточно точен? Сегодня, когда книга уже не является единственным носителем литературного текста и когда не она первой доходит до читателя? Однако справедливости ради надо заметить, что наблюдаемый консерватизм является имманентным свойством провинциальной жизни. И литературная деятельность в провинции, по точному наблюдению С.А. Жадовской, «носит характер ритуализованной практики, главная функция которой – хранение самой важной информации, обеспечивающей групповую идентичность данного сообщества» [Жадовская 2009: 14]. В этом смысле старомодная приверженность провинции «бумажной» книге служит добрую службу, благодаря которой можно надеяться, что книга выдержит все испытания и не исчезнет совсем.

Да простится мне столь пространное отступление в настоящее – сделано оно с одной лишь целью: чётче очертить границы прошлого и обозначить точку видения его. Как это ни покажется парадоксальным, но сегодня, в начале XXI века, мы ближе к событиям начала века XX, нежели иссле-

дователи, жившие в его второй половине. Это близость типологическая. И тогда, и сейчас – время смены культурной парадигмы, время поисков новых литературных форм, которые не возникают из ниоткуда, а приходят, как на то указывал Тынянов, из быта. Он же и писал в 1924-м году, характеризуя литературную ситуацию того времени: «Газеты и журналы существуют много лет, но они существуют как факт быта. В наши же дни обострён интерес к газете, журналу, альманаху как к своеобразному литературному произведению, как конструкции» [Тынянов 1977: 268].

Мне уже доводилось немного писать об амурской литературе 1920-х годов. В частности и о том, что газета («Амурская правда») была почти единственным пристанищем для художественного слова и почти единственным способом его существования в то время. Анализ имеющихся материалов приводит к выводу, что именно газета объединила вокруг себя местные литературные силы, сформировала и круг постоянных авторов, и их жанровый репертуар, в который вошли стихотворения, главным образом, на злобу дня, носящие агитационный характер, песни, частушки, маленькие фельетоны и рассказы с сильно выраженным публицистическим началом. Кроме того, именно газета даёт нам конкретные сведения о других – не письменных формах литературного быта – литературных объединениях, проводившихся «устных журналах», литературных вечерах и т.д.

Из газеты мы узнаём, что литературное творчество тогда носило массовый, а не элитарный характер: писали не только те, кого считали признанными литераторами, брались за перо и люди, далёкие от литературы. Так, например, в «Амурской правде» за 16 марта 1921 года опубликована небольшая заметка о том, что из членов «конференции местного гарнизона образована литературная коллегия. В её задачи входит задача помочь литераторам проявить своё творчество и дать возможность здоровой критике оценить по достоинству каждое новое произведение. Не создавая определённых рамок, литколлегия предлагает молодым литераторам всех существующих направлений присылать свои произведения. Лучшие из них будут демонстрироваться в местных театрах.

К Вам, молодые силы, обращаемся мы, с искренним желанием совместного творчества. Ценна мысль – не форма. Первый “детский лепет” зачастую поражает нас своим умом и потому, кто-либо из нас плохо владеет пером, не значит, что он лишён творческой способности. Несите “детский лепет”, “паренье гордого орла” – всё несите!

Сдавать материалы можно членам президиума коллегии: просветчасть Политотдела – Подервянскому, Гарнизонный клуб – Полякову, Красный Крест – Юденкову». [Амурская правда 1921:16.03]

Из этого небольшого газетного материала можно извлечь косвенные свидетельства достаточно разнообразной литературной жизни того времени: и то, что занятия литературным творчеством носили массовый характер; и то, что существовало множество направлений, представители которых получали одинаковую возможность участия в литературной коллегии; и то, что существовала осмысленная потребность в «здоровой критике»; и, наконец, о той огромной идеологической роли, которую исполняла литература в то время.

Трудные условия послереволюционного быта, разрухи Гражданской войны, да и сам синкопированный ритм времени не давали авторам возможности печататься – это было дорого и долго. А потребность высказаться не только сохранялась, но и усиливалась, как и народная потребность в художественном слове. Это, по-видимому, и вызвало к жизни такую полуфольклорную форму художественного слова как «устный журнал». Проводились, они, как правило, в театре и собирали большую аудиторию. Авторы выходили на сцену, исполняли свои произведения, которые сопровождалось световым оформлением, музыкой, пантомимой или и тем и другим вместе. Таким образом, их произведения приобретали иное качество, усиливаясь музыкой и пластическим представлением (как сейчас бы сказали – «шоу»), они становились органической частью нового синтетического текста, более доступного аудитории, а потому и более действенного. Вот сообщение об одном из них, опубликованное в «Амурской правде» за 23 марта 1921 года. Очевидно, речь идёт о деятельности той самой литколлегии, об организации которой сообщалось ранее: «14 марта в театре “Наука и Жизнь” был прочтён первый номер устного журнала “У врат грядущего”. Инициатива организации устного журнала принадлежит литературной коллегии, в которую вошли, главным образом, товарищи красноармейцы. Цель журнала дать возможность самородкам из недр народа выявить свой талант, дать толчок к развитию их творчества.

Журнал распадается на отделы: литературный, общественный и другие. Очень оживляет журнал иллюстрирование его живыми картинками (группами на фоне световых эффектов). Большим пробелом в журнале было отсутствие сатиры, но литколлегия надеется к следующему номеру заполнить этот пробел».

Как видим, литература воспринималась вполне утилитарно, по-ленински – как дело, которое можно организовать и легко заполнить имеющиеся в нём пробелы.

Из опубликованных в газете театральных рецензий (надо сказать, что их было довольно много, что свидетельствует и об активной театральной жизни, и о том, какое значение придавалось театру в новом государстве) можно узнать и о предъявляемых требованиях к репертуару театра, и о самом репертуаре.

Так, в «Амурской правде» за 27 января 1921 года читаем: «В последнее время театр “Наука и Жизнь” безнадежно запутался в бесцветном для революционного времени быту Островского и бессодержательной для пролетариата лирике пьесы “Роман”. Это в то время, когда в Советской России театр поставлен на рельсы прямого служения пролетарской революции и политического, нравственного воспитания рабочих масс. <...> Общедоступность репертуара без предварительной подготовки, не уходя, однако, в сторону кинематографичности, вот главное требование к театру. У нас, на Дальнем Востоке нет почти пьес агитационно-политического содержания. Мне пришлось прочесть “В волнах революции” Отрепьева. Там есть такая сценка: работница угощает Ленина ватрушкой:

– Товарищ Ленин, ватрушки не скушаете ли?

– Ватрушку можно, – отвечает Ленин.

Конечно, лучше уже дотрё<пы>вать Островского, чем рисовать портрет великого вождя на фоне каких-то ватрушек, но, всё-таки, при желании, политотдел мог бы дать своим театрам что-нибудь поярче “Грозы” и “Романа” <...>».

Автор рецензии, подписавшийся «по-чеховски» – «Дядя Вася», как видно, не лишён остроумия и чувства слова (как он играет фамилией дальневосточного автора!), но не этого он ждёт от театральных пьес. От него мы узнаём, что русская классика устарела, что необходимость есть в агитационно-политическом искусстве, что за репертуар театра отвечает не художественный совет, а политотдел. Его небольшая рецензия достаточно информативна для современного читателя и немногими штрихами рисует объёмную картину культурной жизни и настроений того времени.

В этом смысле едва ли не самым любопытным является фрагмент о пьесе Отрепьева. В первую очередь, это интересно как факт. Георгий Отрепьев, партизанский поэт, о котором мне уже приходилось писать [Красовская 2010], известен, прежде всего, своими стихами и песнями, ставшими народными («Наш Трансвааль», например). Здесь же он выступает как автор пьесы «В волнах революции», кото-

рая, несмотря на своё, очевидно, революционное содержание, не выносит «революционной» же критики за образ Ленина, данный «на фоне каких-то ватрушек». 1921-й год: Ленин ещё жив, но уже начинает мифологизироваться, в официальной культуре начинается процесс причисления его к лику «святых». Уже тогда появляются первые признаки разминовения народной революционной стихии с официальной идеологией «от революции», что, в конечном счёте, и привело к трагической развязке в жизни певцов революции: Маяковского – в столице, Отрепьева – на Дальнем Востоке³. Примечательно и то, что с Отрепьевым это случилось на пять лет раньше, чем с Маяковским. Отбросив в сторону все субъективные, глубоко личные мотивы, можно вычленил и объективную составляющую трагических событий. То, что в метрополии только зарождалось и имело поначалу вполне невинный вид, в провинции с энтузиазмом подхватывалось, рьяно поддерживалось и принимало, в конце концов, гротескные формы.

Даже эти немногочисленные свидетельства литературной жизни (не говоря уже о фельетонах в стихах и прозе, о которых мне приходилось писать ранее [Красовская 2009]) красноречиво говорят о том, что амурская провинция в 1920-х годах становится активным участником процесса политико-экономического и культурного развития страны, а, кроме того, социокультурной средой, формировавшей ярких личностей, индивидуализировавших эпоху.

Никогда ещё до этого в России не было такого количества разных поэзий – это понятие, некогда существовавшее только в единственном числе, в те годы вполне могло употребляться во множественном, обозначая разноукладность поэтического хозяйства (ещё одно принципиальное сходство с современным литературным процессом), где стилизованные песни и частушки соседствовали с футуристической заумью и новоязом.

Свидетельств о том, что литературная жизнь в амурской провинции была столь же пёстрой, как и в столицах, а «поэтическое хозяйство» столь же «разно-много-укладным», достаточно много, для того чтобы составить общее представление. Здесь и далеко не лучшие образцы политической агитационной поэзии, как, например, стихотворение Николая Макова «Исправить каждый недочёт»:

Деревья машут жёлтым чубом...
Теперь зиме во всём почёт,
Настал момент в работе клуба
Исправить каждый недочёт.

Мы слышали рабочих мненья,
Каким теперь он должен стать, –
Ту цель достигнет, без сомненья,
Культурников стальная рать.

Тогда наш клуб в любую пору
Притянет массы, как магнит,
Тогда могучую опору
Найдёт в нём новый, красный быт.
[Амурская правда 1925: 16.06]

И агитационно-политические частушки, автор которых подписался псевдонимом «Ина», созданные по лекалу народных:

* * *

Скоро станет жизнь раздольем,
Нам открыты все пути,
Коли хошь Россией править –
Политграмоту учи.

* * *

Бог не даст нам ничего,
Бросим мы молиться,
А пойдём лучше в ликпункт,
Грамоте учиться.

В.М. Грустный внёс свои стилизованные частушки «Яблочко» («Эх, яблочко, / Сладость детская, – / А в России теперь / Власть советская») и «Матросы» («Из России к нам, в Сибирь, / Прибыли матросы. / Не махорочку они / Курят – папиросы!») в сборник стихотворений, один из немногих поэтических сборников, напечатанных в типографиях Благовещенска в 1920-е годы [Грустный 1923].

Встречаются в амурской литературе тех лет и образцы стилизаций народных песен-сказаний, как, например, «Колыбельная песня» Ивана Кулика, в которой отчётливо слышны однажды перепетые Лермонтовым народные мотивы:

Спи, дитя. Шлют звёзды ласку,
Сон струит ковыль,
Расскажу тебе не сказку,
А живую быть.
На Руси сегодня праздник –
Много, много лет
Был в России царь и стражник,
А теперь их нет:
Раздробил рабочий молот
Лютую змею.
Спи, дитя, пока ты молод –
Баюшки-баю.
За царём буржуазии

Наступил черёд,
И теперь по всей России
Правит сам народ.
Третий год бедняк рабочий
Строит жизнь свою.
Спи, дитя. Спокойной ночи –
Баюшки-баю.
Богачи стеной железной
Обступили нас,
И течёт рекой безбрежной
Кровь рабочих масс.
Но былому нет возврата –
Мир кипит борьбой.
Брат спешит на призыв брата
И вступает в бой.
Трудовую власть Советов
Враг не победит,
Ярче огненных рассветов
Стяг её горит.
Под его крылом кровавым
Встал рабочий класс.
Всем жестоким, всем неправым
Бьёт последний час.
Твой отец, повстанец бравый,
Спит в земле сырой.
Он погиб в борьбе кровавой
За рабочий строй.
Спит отец на дне могилы
Глубоко в снегу,
Завещал тебе он, милый,
Отомстить врагу.
Ты расти скорей и смело
Стройся в рать борцов,
Продолжать святое дело
Братьев и отцов.
Будешь ты отца достоин,
Будешь твёрд в бою,
Спи, в грядущем красный воин,
Баюшки-баю!
[Амурская правда. 1921: 7.01]

Позаимствовав у Лермонтова поэтический приём, автор приспособил ритмическую структуру и поэтический строй народной песни к актуальному современному содержанию. Заимствование не было доверчиво-наивным – в стихотворении слышен диалог поэта со знаменитым предшественником. Если у Лермонтова мать поёт своему младенцу: «Стану сказывать я сказки...», то у Кулика она подчёркивает: «Расскажу тебе не сказку / А живую быть...». Под этим ракурсом переосмысливаются и поэтические образы песни. Сказочно-романтические у Лермонтова («младенец мой прекрасный», «отец твой старый воин», «будет

время, / Бранное житьё», «Богатырь ты будешь с виду», «Ты в чужом краю», «бой опасный»), у Кулика они окрашены в новые героико-романтические краски. Архетипы врага и героя приобретают конкретную историческую плоть: «лютая змея» – «самодержавие», «железная стена» – «богачи», отец – «повстанец бравый», сын – «в грядущем красный воин». Стихотворение-песня Ивана Кулика отражает общую тенденцию в творческом механизме появления авторских песен, широко распространённых в то время. Вторичность, использование готовых, традиционных поэтических ритмов и форм для воплощения нового содержания роднит Кулика с другим дальневосточным поэтом – Георгием Отрепьевым.²

Любопытен в этом плане и образец поэзии Ильи Чёрного, обнаруженный в «Амурской правде» за 1926-й год (№ 2014). Его стихотворение «Золото», посвящённое труду амурских золотодобытчиков, явно повторяет ритмическую структуру некрасовской «Железной дороги», которая, в свою очередь, претерпела, как мы знаем, сильное влияние народной поэзии:

Золото! Золото! Вечностью смолото,
Вечностью всыпано в недра тайги.
Всё, что стремительно, смело и молодо,
К жёлтому золоту мерит шаги.
<...>
Золото! Золото! Вечно ты молодо,
Вечно горит твой землистый загар...
Бредит тобой побеждаемый голодом,
Алчный, безгранный, старательский жар...
Не охладят его шумные топоты,
Хрюканье вепря, ни крик кабарги –
Слышит он только лишь жаркие шёпоты,
Жёлтые шёпоты старой тайги.

В поэтическом сборнике Владимира Рудмана с «жанровым» заголовком «Вольные песни» (1923) встречается и такой распространённый в те годы жанр агитационной поэзии как марш:

Стекайтесь на бой, бунтари:
Колышется гордое знамя
И факел свободы горит...
Стекайтесь на бой, бунтари,
Вздымая могучее пламя!
Мы сталью идеи,
От злобы бледнея,
Ударом последним сметём
Всю подлость земную,
И жизнь молодую
Покроем нетленным лучом!

(«Марш бунтарей») [Рудман 1923]

На чеканные маршевые ритмы хорошо ложилась революционные призывы и агитки с их политической риторикой и предельно абстрактной образностью.

Не обошлось в амурской литературе 1920-х годов и без популярных в метрополии футуристических экспериментов. Косвенным доказательством их присутствия является обнаруженный на страницах газеты фельетон, посвящённый поэзии футуристов. Фельетон этот подписан псевдонимом «Дик», в то время достаточно часто мелькающим на страницах «Амурской правды». Из эпиграфа мы узнаём не только о существовании футуристов (скорее, поэтов, эпигонствующих в этом направлении), но и о целом поэтическом сборнике этого направления, до наших дней не дошедшем.

Поэзия футуристов

Вы всегда издевались над скальдами,
Вместе с ними и я лапы мук сосу.
На сплетне распяли Уальда вы!
И Христу на кресте дали уксусу.
(Из сборника «Причёмсанное Сердце»)

Это было в сарае,
Где стояли картинно
С однодырым просветом
Поросвинные клетки.
И пейзажем свинливым
Сверлили в глазу...
Ароматом вонливым
Спирались в носу.
Это было в сарае...
А в свиного же клетки
Голосило страдливо
Поросвинное рыло.
И в просвет однодырый
Неслись её звуки
И летели молнииво
В соседнюю клеть...

.....
.....
Продолжить далее предоставляется любому из футуристов.

Дик

Не трудно догадаться, ритмы чьих стихов пародийно перепеваются автором фельетона:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...

Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.
(И. Северянин. «Это было у моря... Поэма-миньонет»)

Однако если эстет-Северянина пародировали, то революционеру-Маяковскому старательно подражали. О том, что его творчество было широко известно и популярно, в том числе, и в качестве образца для подражания, свидетельствует помещённое в сборник «Солнцевый бег» (1924) стихотворение «Поэту» Сергея Зверева:

Солнце баграми стаскивай
Звёзды, кометы вниз.
Красною краской выласкивай
Здания мира – карниз.
В грохоте, в звоне рвущихся слов,
Завертись волчком и зигзагами.
Ударь по плесени старых снов
Новой красной отвагою.
Не хочу, чтоб в гнезде ином
Соловьи и воронами каркали.
Куском тополей и луны лучом
Мещанскую душу размякали.
Сердце удочкой вытащи,
Положи к себе на ладонь.
И вспыхнет пламенем тысячей
Красный поэзный огонь.
[Зверев, Соколов, Насыпайко 1924]

Совершенно очевидно, что стихотворение это, как и многие другие, обнаруженные мною, самостоятельной ценности не представляет. Зверев активно подражал не только Маяковскому, но и его «поэтическому оппоненту» Есенину. В сборник «Солнцевый бег» помещены откровенно эпигонские стихотворения «Бродяга» и «Дни весенние – дни без счёта» из цикла с красноречивым заглавием «Голубой огонь»:

Я бродяга, давно отпетый,
Крадучись твой покинул дом.
В эту ночь я поверил слепю,
Как не верил ещё никто.
(«Бродяга»)
[Зверев, Соколов, Насыпайко 1924]

Зверев перенимает у своих кумиров не только образный строй, но и самую ритмику стиха, поэтический язык. Безусловно, стихотворения эти интересны лишь настолько, насколько отражают общую тенденцию провинциальной литературы – подражание столичной литературе, часто неумеренное, запылающее, диспропорциональное, нередко

доведённое до абсурда.

Однако сказанное вовсе не отрицает существования действительно интересных произведений, хотя и претерпевших влияние традиций метрополии, но не лишённых собственного поэтического обаяния. Таковы, к примеру, на наш взгляд, стихотворения, судя по публикациям, довольно популярного в начале 1920-х годов поэта, подписывавшегося – В. Северный. В седьмом выпуске альманаха «Амур» за 2008-й год опубликована подборка его стихотворений. Здесь же приведём одно:

В церкви

Как в лесу берёзка серебристая,
В полутьме церковных мрачных ниш,
Безмятежно, стройная и чистая,
Ты в толпе молящихся стоишь.
Ты стоишь, подобна туберозе,
И душой прозрачна, как кристалл,
Замерла в молитвенном гипнозе,
Тихо пьёшь созвучностей хорал.
Плачешь ты? быть может, так и надо –
Подчеркнуть слезами торжество,
Но смешно, когда пигмеев стадо
Великана славят Великана Рождество.
Вот сейчас, назло твоим рыданиям,
В жизни слёз и сказок не любя,
В новый храм, к Рождённому восстаньем,
Уведу из церкви я тебя.
[Амурская правда 1921: 7.01]

Есенинские ноты здесь тоже звучат, но гораздо тоньше, деликатнее, чем у Зверева. Они ощущаются, прежде всего, в прорисовке образов – девушки-берёзы, за которой прочитывается и образ России-Родины; нового храма веры, куда герой намерен ввести свою невесту-Россию; в противопоставлении «ветхому» Богу-великану прошлого нового, «Рождённого восстаньем» Бога будущего. В самой разработке революционной темы сквозь призму библейских образов и мотивов ощущается блоковско-есенинское присутствие.

Завершая беглый очерк амурской литературы 1920-х годов, точнее, первой их половины, надо признать, что развивалась она по сценарию, заданному дуальной оппозицией – «столица – провинция». Литература представляла собой, с одной стороны, своеобразный «ковчег», сохранивший после революционного «потопа» образцы различных литературных практик предшествующих эпох – XIX и Серебряного веков, и в этом смысле выполняла одну из важнейших своих функций – консер-

вирующих и охранительных. Вытесненный в провинциальную литературу мировоззренческий и эстетический опыт прошлого продолжал свою ценностно-ориентационную работу, создавая «чернозёмную» многослойность провинциальной культурной почвы, на которой произрастали не лишённые собственного почерка авторы и собственного поэтического обаяния произведения.

С другой стороны, амурская литература смело и даже рьяно подхватывала политические и культурные инновации, приходящие из метрополии, стараясь усвоить, копировала и подражала. Отсюда такие её черты, как вторичность, наивность, подражательность. В этом смысле, она походила на кривое зеркало, в котором в гротескном, профанированном виде отражались сакральные интенции столичной культуры и литературы. Так, например, политический абсурд, который в столице только «наклёвывался», в провинции являл себя более отчётливо.

Таким образом, можно утверждать, что литературная жизнь в Приамурье 1920-х годов несла в себе характерные черты провинциальности, выполняя основные архетипические функции – консервирования/охранения культурных традиций, с одной стороны, и их профанирования – с другой, обеспечивая, таким образом, устойчивую стабильность общенациональной культуры и литературы, являясь необходимым звеном её существования и развития.

Литература

- Амурская правда. 1921.16.03;23.03.
 Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1948.
 Грустный В.М. Сборник стихотворений В. М. Грустного. Благовещенск, 1923.
 Жадовская С.А. Литература северно-русского провинциального города: текст, форма, традиция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
 Зверев С., Соколов И., Насыпайко Г. Солнцевый бег. Стихи. Благовещенск, 1924.
 Красноштанов С. Партизанские песни Г. Я. Отрепьева // Дальний Восток. 1968. № 1.
 Красовская С.И. Фельетон на страницах «Амурской правды» 1921 года: На материале фельетонов П. Сулова // Лосевские чтения – 2009. Вып. 2 / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск, 2009.
 Красовская С.И. О партизанском поэте Георгии Отрепьеве, Трансваале и превратностях истории и литературы // Лосевские чтения – 2010. Вып. 3 / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск, 2010.

Лосев А.В. Приамурье в художественной литературе. Аннотированный указатель. Благовещенск, 1963.

Рудман В. Вольные песни. Благовещенск, 1923.

Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Поступила в редакцию 12.04.2011

S.I. Krasovskaya

AMUR LITERATURE OF THE EARLY 1920-s: PROVINCIAL SCRIPT

The article represents an attempt to review the Amur literature and literary life of Amur region in the early 1920s. This research is based on different genres of literary texts, reviews, information notes, published in the regional newspaper - «The Amurskaya pravda» in 1921, 1923, as well as collections of poetry in those years. The article concludes that the literature of Amur region of the 1920-s contained the characteristic features of provinciality, performing basic archetypal functions such as preserving cultural traditions, on the one hand, and their profanation on the other, thus ensuring the sustainable stability of the national culture and literature as a necessary part of its existence and development.

Keywords: Amur literature, province, literary fact, stylization, imitation.

Примечания

1. С этим сборником надо ещё разобраться. А. В. Лосев утверждает, что он был издан в 1922 году в Благовещенске; объём его исчислялся 250 страницами, и входило в него более 150 стихотворений. По другим же источникам, в частности, по С. Красноштанову, он был опубликован в 1920-м году, в Хабаровске и состоял из 250 стихотворений [Красноштанов 1968].

2. Революционер по искреннему убеждению, Г. Отрепьев не принял ээпа, посчитал его отходом от социализма. Своей позиции не скрывал. И был исключён из партии. Наступил жизненный и творческий кризис. В 1925 году Георгий Отрепьев покончил с собой.

«НЕПОКОРЁННАЯ СТИХИЯ»

ЛОГИКА ЖИЗНЕННОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ГЕРАСИМА ШПИЛЁВ*

А.В. Урманов

В истории русской литературы, в том числе региональной, есть имена пусть и негромкие, не очень известные, но весьма и весьма важные и значимые. Не имея больших художественных достижений, не создав книг, пользовавшихся широкой популярностью у современников, их обладатели, тем не менее, заслуживают самого пристального внимания читателей-потомков. Хотя бы потому, что, являясь не только свидетелями, но и активными участниками драматических событий прошлого, предельно искренне воплотили в слове свой непосредственный эмоциональный и интеллектуальный опыт. Обращение к их творчеству открывает то, что ценно более всего: живые, подлинные чувства и мысли тех, кто проживал и изнутри постигал исторические катаклизмы начала XX столетия, кто на себе испытал колоссальное давление социально-исторических обстоятельств, кто стал добровольным пленником господствующих в обществе идей. Постигание переживаний, внутренней мотивации поступков, самой логики жизненной судьбы таких авторов даёт возможность лучше, глубже понять историческую эпоху, по-разному оцениваемую в наши дни.

Герасим Иванович Шпилёв – видный общественный деятель Приамурья первых послереволюционных лет, журналист, редактор, поэт, научный работник – интересен, в первую очередь, тем, что, находясь внутри революционного лагеря, прошёл непростой путь идейных и духовных исканий – путь заблуждений и прозрений. Этот физически крепкий, но душевно очень ранимый человек не был простым «винтиком» или «колёсиком» «единого социал-демократического механизма», бездумным и бездушным ретранслятором социалистических идей. Как всякий совестливый и глубоко порядочный человек, к тому же усвоивший не только уставные требования социал-демократической партии, но и, особенно в детские годы, основы христианской этики, сталкиваясь с проявлениями жесткости, в том числе револю-

Статья посвящена жизненной судьбе и творчеству одного из малоизвестных амурских поэтов начала XX века Герасима Ивановича Шпилёва (1884–1939?), автора двух вышедших в Благовещенске и ставших библиографической редкостью сборников: «Стихотворения» (1908) и «Голоса земли» (1919). В статье выявляются как универсальные, так и индивидуальные свойства эстетики и поэтики автора сборников, эволюция его взглядов и характер мироощущения.

Ключевые слова: литературное краеведение, литература Приамурья, Герасим Шпилёв, лирика, художественный мир, мировоззрение художника.

ционной, он порой колебался, испытывал мучительные сомнения. Постигая его судьбу, исследуя его жизненный и творческий путь, можно приблизиться к пониманию внутренней логики и побудительных мотивов тех людей, которые посвятили себя служению революционным идеалам, которые делали всё возможное, чтобы в России утвердился новый, социалистический, как им казалось, самый справедливый на свете строй. И которые, в конечном итоге, этим новым строем были безжалостно растоптаны.

Есть ещё одно важное обстоятельство, вызывающее интерес к личности этого не самого даровитого амурского поэта. В отличие от Леонида Волкова (1870–1900), Порфирия Масюкова (1848–1903), Александра Матюшенского (1862–1931), Сергея Синегуба (1851–1907), Фёдора Чудакова

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

(1887–1918) и некоторых других писателей дореволюционной эпохи, приехавших на Амур из других городов и краёв Российской империи, Герасим Шпилёв был одним из первых по-настоящему амурских авторов: родился и вырос на этой земле, считал её своей единственной родиной, тосковал по ней, когда судьба забрасывала в другие места. Иначе говоря, в его творчестве нашло отражение мировосприятие первых коренных амурцев, тех, для кого Амур стал малой родиной да и, пожалуй, центром мироздания. В этом смысле произведения Шпилёва являются ценнейшим материалом для изучения истории края, для воссоздания объёмной картины социально-политической и культурной жизни Приамурья первой четверти XX века, для понимания духовно-нравственной атмосферы того времени.

На свет Шпилёв появился в Благовещенске, и произошло это в високосном 1884 году, 29 февраля (по старому стилю). Если руководствоваться народными поверьями, с днём рождения Герасиму не повезло: в календаре это число бывает лишь раз в четыре года. Так что, надо полагать, Шпилёву на этот счёт приходилось не раз выслушивать сочувственные или иронические суждения окружающих. Родиться 29 февраля в то время считалось дурным знаком. По церковному календарю 29 февраля – день памяти святого Касьяна (Кассиана), жившего в IV веке и канонизированного за многочисленные благочестивые деяния. По народным же представлениям, Касьян был фигурой скорее отрицательной, чем положительной. Одна из самых распространённых легенд о Касьяне объясняет причины, по которым день этого святого праздновался не каждый год. По этой легенде, Николай, один из наиболее почитаемых на Руси святых, и Касьян, нелюбимый в народе, по-разному отнеслись к горю мужика, воз которого увяз в грязи: Касьян не захотел замарать свои светлые ризы и в таком виде предстать перед Богом, а Николай выпачкался, помогая мужику, и в награду за это получил два праздника в году: 22 (9) мая – Никола «вешний», и 19 (6) декабря – Никола «зимний». Касьян же, напротив, был наказан Всевышним: его день отмечался лишь раз в четыре года. Вопреки житийной литературе, в русских народных поверьях святой Касьян рисовался исключительно с помощью отрицательных эпитетов: Касьян немилостивый, злопамятный, немилосердный, скупой, остудный и т.п.

Видимо поэтому, вопреки сложившейся (особенно в крестьянской среде) традиции давать имя новорождённому по святым, в честь его святого, очередного младенца в семье ломового извозчика

Ивана Шпилёва нарекли не Касьяном, а Герасимом. То есть дни его святых покровителей приходились не на 29 февраля, как следовало бы по обычаю, а на 17 (4) марта – день преподобного Герасима (I в.), основавшего монастырь на реке Иордан, и 14 (1) мая – день преподобного Герасима Болдинского (XVI в.), основателя монастыря на Болдинской горе.

Тем не менее, выбор имени при крещении оказался удивительно точным, созвучным строю души и свойствам характера Шпилёва. Здесь уместно напомнить, что знаменитые русские религиозные философы рубежа XIX–XX столетий отец Сергей Булгаков, Владимир Соловьёв и особенно Павел Флоренский – основатели так называемой «философии имени», «имяславцы», считали, что внутреннее содержание укореняется в бытии посредством имени. Имя в этом смысле понималось как воплощение личностного начала, «плоть личности»: «Назначение имён – выражать и словесно закреплять типы духовной организации» [Флоренский 1990: 141]. Таким образом, имя – материализация духовной сущности, мистический код, в котором она находит своё словесно-звуковое воплощение.

Уже завершая работу над статьёй, автор этих строк любопытства ради заглянул в словари имён и был поражён: выстроенный на основе изучения жизненной судьбы и анализа творчества Шпилёва его психологический портрет практически полностью совпал с тем, что в этих словарях говорится об обладателе имени Герасим: «У Герасима ранимая душа... Человек с этим именем обладает очень чувствительной натурой... Судьба не делает Герасиму подарков... Всё, что у него есть, добыто упорным трудом... Очень порядочен, честен... Семья у него крепкая, дружная. Дети растут в атмосфере покоя и дружелюбия, много знают, всем интересуются... Герасим – человек упрямый, но добрый... Он помогает всем, кто к нему обращается, но нередко сам становится жертвой своей доброты... Герасим немногословен, предпочитает слушать, а не говорить, но при этом любит всё осмыслить...»

Вернёмся, однако, к истокам жизненной судьбы Герасима Шпилёва. Его дед, крестьянин Воронежской губернии, переселился на Амур в 1863 году. Отец будущего поэта (в момент переселения ему было не более 3–4 лет), занимавшийся извозом, переехал из деревни в Благовещенск как раз в год рождения Герасима. Семья у Шпилёвых была большая, дети с ранних лет приучались к труду, помогали родителям. В краткой автобиографии Герасим рассказывает, что рано пристрастился к чтению, что сильное впечатление на него произвели прочи-

танные в детстве произведения Лермонтова и Некрасова, многие стихи этих поэтов он выучил наизусть и помнил всю жизнь. Из прозы его привлекли «Тарас Бульба» Гоголя, «Юрий Милославский» Загоскина, Майн Рид... Но самое глубокое потрясение Герасим испытал, найдя хранившийся в доме томик «Кобзаря» Т. Шевченко на украинском. То, с чем он соприкоснулся, читая эту книгу, «было такое близкое, родное, дорогое и понятное, что невольно западало глубоко в душу и трогало её сокровенные струны» [Шпилёв 1925: 32]. Трудностей с языком не возникло потому, что в доме Шпилёвых нередко звучала украинская речь: старшие братья отца и матери говорили частью по-украински. Интерес к чтению поощряла мать Герасима, которая любила слушать, как он читает ей книги вслух. Она была неграмотной, но слыла в округе великолепной рассказчицей, знала множество занимательных историй. А вот отец страсть сына к чтению «ненавидел», «часто бил из-за книг». А позже, когда Герасим покидал дом, отправляясь в большой мир, дал юноше наказ: «не брать с собою этих дурацких книг», так как «от них сыт не будешь, а вреда они приносят много».

В 1900 году Шпилёв окончил в Благовещенске ремесленное училище, где получил профессию столяра. Но главная его школа – сама жизнь, в гуще которой он формировался. Это и позволило ему обрести большой жизненный опыт и закалить характер. В юности Шпилёв помогал отцу заниматься извозным промыслом, рубил и сплавлял лес по Амуру (всё это позже найдёт отражение в его творчестве).

В июле того самого 1900 года, когда он окончил училище, Благовещенск подвергся обстрелу и осаде со стороны китайцев. Шестнадцатилетний юноша принял участие в защите города, дежурил вместе с другими добровольцами на берегу Амура. А осенью уехал в Маньчжурию на строительство КВЖД, работал там «столяром и на изыскании» [Шпилёв 1925: 30]. Так началась его самостоятельная жизнь. О маньчжурском периоде какими-либо конкретными сведениями мы, однако, не располагаем. Слабо он представлен и в творчестве поэта: пожалуй, лишь стихотворением «Песнь генерала Тан-сту-на, идущего на казнь (Вольный перевод с китайского)», в котором схематично отражены события 1903 года в Китае. А между тем известно, что в Маньчжурии Шпилёв вёл дневники, «заполняя целые страницы описанием красот природы» [Шпилёв 1925: 32]. Эти дневники он хранил долго, до ареста в 1906 году. Возможно, они до сих пор хранятся где-нибудь в архивах жандармского ведомства, но, скорее всего, навсегда утрачены.

В августе 1905 года Шпилёв приехал в Томск, где надеялся продолжить образование. Он работал в столярной мастерской и одновременно занимался на общеобразовательных курсах при Томском технологическом институте, правда, недолго – жизнь вскоре направила Герасима в совершенно иное русло, заставив пройти другие «университеты». В этот период он уже печатался в сибирской и дальневосточной периодике. Стихи Шпилёв начал писать ещё в школе, но первое его произведение – очерк-корреспонденция (со стихотворными вкраплениями) о почти 2000-вёрстной поездке автора на лошадях от Николаевска-на-Амуре до родного города – увидело свет ранней весной 1904 года на страницах благовещенской «Амурской газеты». На рубеже 1904–1905 годов его стихи и, реже, прозаические опыты печатались в газете «Амурский край» (Благовещенск), а в 1906 году – в «Сибирской жизни» (Томск).

Помимо творчества, Шпилёв всерьёз увлёкся революционной деятельностью, бурный 1905 год, начавшийся с «кровавого воскресенья», к этому весьма располагал, тем более в Томске, где в ту пору сильны были антиправительственные настроения, где находилось немало ссыльных, где высок был процент учащихся и студентов, особенно восприимчивых к социалистическим идеям. Герасим вскоре стал начальником боевой дружины при Томском комитете РСДРП, вошёл в комитет Сибирского союза РСДРП – высший партийный орган Сибири. В Томске же он познакомился и близко сошёлся с Сергеем Костриковым (в будущем – С.М. Кировым), вместе с которым занимался оборудованием нелегальной типографии. 19 июля 1906 года Герасим был арестован и заключён в тюрьму г. Томска, где провёл более шести месяцев, пока шло дознание. В связи с тем, что полиции так и не удалось найти саму подпольную типографию, Шпилёва освободили из заключения за недостаточностью улик. В 1907 он вернулся в Благовещенск, стал работать судовым механиком на пароходе «Рыбак», женился.

Судя по дошедшей до нас фотографии той поры, Герасим был хорош собой: высокий, статный, с правильными чертами лица, с умными, пронизательными, немного грустными глазами. Почти не имея достоверных биографических сведений, сейчас трудно судить во всей полноте о родословной Шпилёва, о его корнях, но нельзя не заметить, что внешне он мало походил на типичного выходца из крестьянской среды. От него веяло и недюжинной физической силой (отсюда, видимо, литературные псевдонимы – Пахом Рослый, Глыба), и душевным здоровьем, но в то же время бросалась

в глаза возвышенность природы, отразившаяся в чертах внешности. Весь его облик выдавал в Герасиме человека мыслящего, рефлектирующего, внутренне сосредоточенного, самоуглублённого, несколько закрытого, погружённого в какие-то только ему одному ведомые размышления.

Тюрьма не испугала, не отбила раз и навсегда желание заниматься революционной борьбой: недавний заключённый вошёл в состав местной организации РСДРП, действовавшей в Амурской области нелегально. Однако в июне 1909 года Шпилёв вновь был арестован по делу томской типографии. Постановлением приамурского генерал-губернатора ему было запрещено жительство в пределах области. По требованию начальника томского губернского жандармского управления в сентябре 1909 года его препроводили по этапу в Томск. По приговору суда Герасим Шпилёв отбывал шестилетнюю ссылку в селе Косая Степь Иркутской губернии. Вернуться в родной Благовещенск он смог лишь в 1915 году.

После Февральской революции Шпилёв деятельно участвовал в политической жизни города: был секретарём Совета рабочих и солдатских депутатов, членом правления союза торгово-промышленных служащих, секретарём союза горнорабочих, избирался членом областного земства, гласным городской думы. До 1919 года он стоял на меньшевистских позициях, а в 1921 году вступил в большевистскую партию. В 1920-м принял активное участие в организации издания газеты «Амурская правда», несколько лет (1921–1923) был её главным редактором. В те же годы избирался членом Амурского обкома РКП(б).

В дальнейшем Г. Шпилёв жил в Москве, работал научным сотрудником в Институте Ленина (с 1931 года – ИМЭЛ: Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б); с 1956 по 1991 – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), был членом правления Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Однако в конце тридцатых годов (называются и 1937, и 1938 годы) подвергся репрессиям. По одной из версий, Шпилёв содержался в тюрьме Архангельска и в 1939 году скоропостижно скончался после оглашения документа о реабилитации. На правду это похоже очень мало. Тем более что внук Герасима Ивановича – народный художник России, лауреат Государственной премии РФ Михаил Николаевич Ромадин утверждает: его дед «в 1937 году был арестован и расстрелян» (Культура. 2003. № 32). Так или иначе, все эти немногочисленные биографические сведения нуждаются в уточнении и дополнении.

Первые публикации Г. Шпилёва в периодической печати Сибири и Дальнего Востока, в том

числе в газетах Благовещенска, появились, как уже отмечалось, в 1904 году, ему тогда исполнилось двадцать лет. С годами журналистика, художественное творчество всё сильнее захватывали Шпилёва. В разное время он являлся сотрудником или автором «Амурской газеты», «Амурского края», «Амурских отголосков», «Амурского эха», «Голоса труда», «Амурской правды», а также некоторых томских и иркутских газет. До революции 1917 года свои стихи и статьи Шпилёв обычно подписывал псевдонимами: Г. Шп., Пахом Рослый, Мисарег (имя Герасим, прочитанное наоборот), Рабочий, Фёдор Алых, Глыба и др.

Во многих его стихах, написанных в годы первой русской революции, проступает связь с традициями революционно-народнической поэзии XIX века. Однако, в отличие от тех же народников, Г. Шпилёв был поэтом уже новой эпохи – эпохи назревания пролетарской революции. Так что его раннее творчество правильнее рассматривать в контексте именно пролетарской поэзии. Стихи Шпилёва тех лет нередко выражали настроения, чувства, мысли не столько самого автора, сколько пролетарского коллектива, частичкой которого он стал себя осознавать. В таких случаях индивидуальное приносилось начинающим поэтом в жертву классовому. Отсюда – коллективистский пафос, безличное восприятие мира, особенно наглядно проявившиеся при обращении раннего Шпилёва к традиционной для пролетарской поэзии того времени теме подневольного труда:

Мы не знаем весёлого лета,
Мы не знаем гульливой весны,
Наша жизнь красотой не согрета,
Нам не снятся и вещи сны...

Эх, откройте, ребята, окошко,
Пусть простором весенним пахнёт,
В мастерской осветится немножко,
А работа от нас не уйдёт!

Однако и в процитированной «Песне столяров», и в некоторых других ранних стихах мотив нелёгкой доли рабочих оттесняется на периферию, а на первый план выходит мотив борьбы. Пролетарии начинают выступать уже не в качестве пассивно страдающей массы, а как коллективный носитель идей социального преобразования жизни. Призыв к революционному действию, к бою звучит, например, в стихотворении «Из тюремных мотивов», которое было написано в 1906 году в томской тюрьме:

Здесь закалимся душою,
В тюрьмах лишь крепнут борцы.
К бою, товарищи, к бою!
Спят лишь одни мертвецы.

Для подобных произведений характерны агитационно-призывные интонации, патетика, декларативность. Конечно, выходцу из простонародной среды Г. Шпилёву не хватало специальных знаний, общей и, тем более, филологической культуры, профессиональных умений. Его стремление поставить поэтическое слово на службу социальным задачам, сделать его инструментом классового боя не могло не обернуться тенденциозностью и схематизмом, существенным сужением эстетических функций этого слова. С другой стороны, поэзия Шпилёва отразила развитие художественной тенденции, которая найдёт продолжение в пролетарской поэзии уже советского времени. И он, и другие близкие ему поэты сделали сознательный выбор – своим творчеством стремились участвовать в строительстве, как они полагали, счастливого будущего страны. И их ли вина, что будущее это оказалось не столь радужным, а лично для Герасима Шпилёва – трагичным?

Поэтическое творчество Шпилёва не исчерпывается пролетарской тематикой. В первом его небольшом поэтическом сборнике, вышедшем в 1908 году в Благовещенске [Пахом Рослый 1908], помимо произведений с ярко выраженной социальной направленностью («Посещение Благовещенска», «Ломовой извозчик», «Песни ужаса», «Переселенцам»), значительное место занимает пейзажная лирика: «Песня родине», «Привет», «Утром», «На лугах», «На Зее». Некоторые из стихов, воспевающих амурскую природу, написаны вдали от Амура, в том числе в тюрьме Томска. Наверное, поэтому они буквально пронизаны остро-щемляющим чувством любви к родным местам, которые ассоциируются у Шпилёва с волей. Не случайно он открывает сборник стихотворением «Песня родине», имеющим подзаголовок «Из томской тюрьмы»:

Ах! если б сейчас бы пройти по полям
Родного, далёкого края,
Подняться бы к небу по горным хребтам,
Где видится даль голубая,

Где гулко шумят вековые леса –
Ласкает их ветер могучий;
Где скалы, утёсы – Амура краса,
Где ключ серебрится гремучий
[Пахом Рослый 1908:3].

В тюремном заточенье, как это ни удивительно, не идеологические догмы, не манящий свет зыбких коммунистических идеалов, а именно любовь к родному амурскому краю согревала душу, поддерживала веру в будущее, придавала сил.

Ещё одно пронизанное ностальгическими чувствами произведение сборника – стихотворение «Привет», лирический герой которого, закованный в кандалы узник, страстно мечтает увидеть «родной», «безумно любимый» Амур. На помощь ему приходит воображение:

И вот я увидел... встают предо мной
Забывшие детские грёзы,
Встают из тумана, бегут чередой...
И капают жгучие слёзы.

Теперь я измучен: иду в кандалах,
Их ляг мою душу терзает,
Мозоли и кровь на усталых ногах,
Но радость в груди вырастает...

Я снова увидел Амур мой родной...
И сердце забилось неволью...
Представилось всё мне мечтой голубой...
И радостно так, и так больно!..
[Пахом Рослый 1908:5-6].

Таким образом, помимо социального, классового чувства, ещё один значимый источник поэтического вдохновения автора сборника «Стихотворения» – сроднённость с амурскими просторами, ощущение неразрывной связи с родной природой. Не потому ли, когда, наконец, Шпилёву представилась возможность вернуться на родину, от соприкосновения с самыми обычными природными явлениями его охватывает необыкновенная лирическая взволнованность. В стихотворении «На лугах» он предстаёт не в ипостаси сурового пролетария, мечтающего избавиться угнетённое человечество от сковывающих его цепей, а в обличье вдохновенного и чувствительного пейзажного лирика:

Чуть забрезжит заря золотистая,
Выхожу я в луга на простор:
Сверху небо бездонное, чистое,
На вершинах лежащее гор,

А вдали предо мной расстилается
Трав медвяных зелёный ковёр,
И встаёт, к небесам подымается
Белый пар с призатихших озёр.

Зяя там, изгибаясь торжественно,
Катит быстрые воды свои...
Так светло, так легко, так божественно
На лугах в эти чудные дни!
[Пахом Рослый 1908:24].

Однако в последней строчке стихотворения автор как будто спохватывается. Вспомнив, видимо, о своей классовой принадлежности, об освободительной миссии пролетариата, он завершает поэтический гимн красоте родного края совершенно неожиданным итогом: «О, люблю вас, равнины зазейские, / Вы даёте мне сил для борьбы!..»

С сугубо классовых позиций Шпилёв излагает и историю переселения крестьянства из центральных губерний России в Приамурье. Замыкающее сборник стихотворение «Переселенцам», которому предпослан эпиграф «Припожалуйте, красные девицы!.. (Из народной песни)», – едва ли не единственная в своём роде поэтическая версия этих событий, ибо в ней амурский автор выражает точку зрения не общенациональную, не государственно-или местно-патриотическую, а узкоклассовую. В представлении Шпилёва, смысл организации переселения на Амур состоял в том, чтобы спровадить как можно дальше, к чёрту на кулички, социально активную, революционизированную часть народа: тех, кто посягал или мог посягнуть на власть и собственность дворянства, кто «не ждал уж теперь дозволения, / А протягивал руку и брал, / Если надо, сжигал и имение, / А придётся – и лес вырубал» [Пахом Рослый 1908:28].

Чтобы добиться задуманного, злокозненное дворянство не гнушается ничем: идёт на откровенный обман, раздаёт заведомо невыполнимые обещания:

...«Поезжайте: живётся там весело.
Мы даруем вас кучами льгот.

...Поезжайте! вы здесь голодуете,
Там же будете жить как купцы...»
[Пахом Рослый 1908:27].

И мужики поддались лживым увещаниям, «поверили сказкам сладчайшим», променяли родимую землицу на обещанный «рай» в далёком бесприютном краю. Спровадив бунтарей в гиблые места, дворяне от души «веселятся и тешатся».

А Петры да Иваны забрались
В отдалённый, брошенный край,
И когда же в делах разобрались,

То завывали отчаянно: «Ай!..

Тут леса да болота пустынные...
И работы нигде не найдёшь...
Хороши были сказки змеиные,
Но отсюда теперь не уйдёшь!..»
[Пахом Рослый 1908:28].

Возможно, такая искривлённая картина заселения Амурского края сложилась у Герасима Шпилёва под влиянием рассказов старшего поколения его семьи, других переселенцев, чьи ожидания были обмануты. Но, скорее всего, содержание, идейная направленность стихотворения «Переселенцам» оказались результатом воздействия революционно-демократического мировоззрения автора. Когда начинающий поэт всецело отдавался классовому чувству, когда ставил своё перо на службу интересам чаемой революции, его стихи заполнялись расхожими суждениями, почерпнутыми из модных в те годы на Руси социал-демократических брошюр и революционных прокламаций.

Живое поэтическое чувство рождалось лишь от прямого соприкосновения с действительностью – будь то трогающая душу родная амурская природа или события социально-политического характера, непосредственно задевающие автора, вызывающие у него острую эмоциональную реакцию. В числе последних – остродраматические события, произошедшие в Томске 20–22 октября 1905 года. События, свидетелем и активным участником которых стал несостоявшийся студент, социал-демократ по убеждениям и партийной принадлежности Герасим Шпилёв. К тому моменту он проживал в сибирском городе чуть больше двух месяцев.

Итак, 18 октября 1905 года на Соляной площади Томска казаками и полицией был необъяснимо жестоко, с применением нагаек разогнан революционный митинг, в котором участвовали преимущественно учащиеся средних учебных заведений. В тот же вечер состоялось чрезвычайное заседание городской думы, которая потребовала от губернатора немедленного устранения от должности городского полицмейстера и предания его суду, а также удаления из Томска казаков. Кроме того, было решено прекратить финансирование полиции и создать народную милицию для охраны и защиты населения города.

В ответ на это местная «чёрная сотня» при попустительстве губернских, полицейских и военных властей устроила в городе масштабный погром, вызвавший в России широкий общественный резонанс. 20 октября между вооружённым отрядом формируемой городской думой «народной милиции» и возбуждённой, подогреваемой провока-

ционными слухами толпой произошла перестрелка, были жертвы с обеих сторон. После этого погромщиками был подожжён театр Королёва, в котором проходил митинг революционно настроенной публики. Часть его участников попыталась найти спасение в трёхэтажном здании управления Сибирской железной дороги, там же укрылись и случайные прохожие, напуганные разъярённой толпой. Здание было окружено черносотенцами, атаковано (по одной из версий, в ответ на прозвучавшие из здания выстрелы) и подожжено. Многие из тех, кто выпрыгивал из окон, попадали под пули и удары палками. Сгоревших в огне, убитых, растерзанных толпой было несколько десятков человек.

В следующие два дня толпы черносотенцев с портретами государя, практически не встречая сопротивления со стороны сил правопорядка, продолжили погром. Были разграблены и сожжены десятки зданий, прежде всего – дома и магазины богатых евреев и либеральных городских деятелей, в том числе дом городского головы А.И. Макушина. Попутно толпа избивала и студентов.

Всё это Шпилёв видел собственными глазами. В составе рабочей дружины он участвовал в перестрелке с погромщиками и казаками, а когда дружинники, после безуспешной попытки остановить многотысячную толпу, были вынуждены отступить, едва не разделил участь тех, кто оказался в подожжённом здании. Об этом он упоминает в автобиографии: «Чуть не сгорел в здании Управления Сибирской ж.д., подожжённом черносотенцами...» [Шпилёв 1925: 30].

Пережитое потрясение Герасим Шпилёв не мог забыть до конца дней. Впечатления от томского погрома отразились в ряде его произведений, в том числе в двух стихотворениях, объединённых сквозной нумерацией и общим названием «Песни ужаса», с подзаголовком «Из воспоминаний о томском погроме». Первое, озаглавленное предельно выразительным словом «Кошмар», рисует апогей томских погромов – чудовищные зверства черносотенцев, которые добивали тех, кто пытался спастись из горящего здания управления железной дороги. Эти жуткие картины изображаются ретроспективно, сквозь призму граничащего с безумием ночного кошмара, преследующего лирического героя, не дающего ему покоя. Разум героя противится воспринимать всплывающие в памяти кошмарные видения как явь – слишком дико выглядят они, слишком сильно расходятся с идеальными представлениями о человеческой природе. Однако факт остаётся фактом: в стихотворении «Кошмар» воссоздаются подлинные обстоятельства томского

погрома – то, что на самом деле видел, пережил Герасим Шпилёв:

Мне мерещилось всё: люди гибнут в огне,
Их всё бьют, всё терзают, стреляют.
Они стонут и плачут и руки ко мне
Простирают – надежду питают.

Но куда!.. Я стоял одинокий меж тех,
Между тех обезумевших тварей,
Раздавался в толпе злой бессмысленный смех:
Гоготали звериные хари.

Кто из пламя бросался на землю и бежать
Лишь хотел, его тотчас хватали
И старались всего донага обобрать,
Убивали, ругались, терзали.

...И опять всё вставало, как видел, как есть:
Там мозги, там кишки растянулись...
«Люди, люди! где правда, где совесть, где
честь!» –

Я кричал – и в избе все проснулись... [Пахом Рослый 1908:15-16].

Потрясение, пережитое автором во время погрома, было настолько велико, что описанию своих чувств он посвящает добрую половину стихотворения. Об этом потрясении он говорит и в финальных строчках: «Этот ужас безумный мне в душу стучать / Будет, будет до самой могилы» [Пахом Рослый 1908:16].

Выходившая в Петербурге либеральная газета «Право», редактируемая В.М. Гессеном и Н.И. Лазаревским, в номере от 4 декабря 1905 года приводила свидетельства очевидцев томского погрома: «Один старик из окна пылавшего здания просил у негодяев пощады во имя детей. Ему подали шест и, когда он достиг земли, зверски убили. Молодую девушку, пытавшуюся спастись бегством, раздели донага и, взяв за ноги, буквально разорвали... Настигнутого на улице студента свалили с ног и, вставив кол в рот, разломали череп...».

Возможно, именно об этой упомянутой в газетном материале растерзанной девушке Шпилёв рассказывает в стихотворении «Над трупом» – то есть во второй части «Песен ужаса». Это в художественном отношении откровенно слабое произведение он считал, по всей видимости, чрезвычайно важным, так как включил его (с небольшими поправками и под новым заголовком – «Невеста») в следующую свою книгу, которая вышла через 11

лет, в принципиально иных исторических условиях. Казалось бы, ну что такое гибель этой безымянной девушки в давно всеми забытом томском погроме? Почему Шпилёв счёл необходимым вновь напомнить об этом диком случае в 1919 году, после череды потрясших Россию революционных катаклизмов, после двух истребительных войн – мировой и гражданской, после всех произошедших за сравнительно короткий исторический отрезок жестокостей, после неисчислимых жертв самой кровавой российской убоицы? Не потому ли, что в этом, казалось бы, частном, локальном событии 1905 года автор «Песен ужаса» увидел прообраз того, что будет происходить в России позже – разумеется, в неизмеримо больших масштабах?

Октябрь 1905 года в этом смысле стал для Герасима Шпилёва поворотным событием. После пережитого им потрясения период юношеского романтизма и книжного идеализма остался в прошлом, многие иллюзии развеялись. В том числе и главная – по поводу внутреннего потенциала, наклонностей значительной части русского народа. Он воочию увидел накопленную во многих своих соотечественниках энергию ненависти, которая при малейших благоприятных условиях вырывается на волю, превращая людей в подобие кровожадных зверей. С этого времени Герасим более осмысленно стал направлять собственную жизнь на решение важнейшей задачи – на создание социально-политических условий, которые смогут удержать русских людей от выплеска разрушительных инстинктов, которые, напротив, будут пробуждать в них созидательные, добрые начала. Шпилёв на практике убедился, что ни русская православная церковь (погромщиков благословил епископ Томский и Барнаульский Макарий), ни самодержавие со всеми его как будто бы мощными государственными институтами не способны подавить или, тем более, изжить зоологические инстинкты толпы. Возможное спасение, панацею он увидел в социалистическом учении, в политической программе российской социал-демократии. Именно в те дни он вступил в РСДРП.

Вернёмся, однако, к стихотворению «Над трупом». Оно во многих отношениях построено иначе, чем первая часть «Песен ужаса». В нём почти нет эмоционального надрыва, в прямой форме не передаются чувства автора. В нём нет реалистически достоверного портрета невинной жертвы погромщиков, автор ограничивается тем, что уподобляет её прекрасному цветку: «Лилия стройная, белая, чистая / пышно в саду расцвела». Мученическая гибель подобной ангелу прекрасному «невесты» также дана не через описание подробностей, а с

помощью развёрнутой метафоры, причём избитой: «Кто-то пришёл и ногою преступною / Лилию в грязь затоптал». В первом стихотворении «Песен ужаса», как помним, погромщиков-убийц автор именуется без каких-либо экивоков и эвфемизмов: «зверинные хари», «обезумевшие твари»; во втором ограничивается неопределённым местоимением «кто-то». Реалистически конкретно, с помощью выразительных подробностей в стихотворении «Над трупом» показан лишь результат жестокого надругательства над телом и душой чистого, невинного существа:

Вот, перед вами она так поругана:
Кровь запеклась на устах,
Очи раскрыты, и точно испугана,
Точно сковал её страх.

Страшно пред вами она растянулася,
Нагло оборвана, трупом лежит...
Что-то тревожное вдруг встрепенулося...
Мозг мой и грудь мою болью сверлит [Шпилёв 1919: 18].

Во второй сборник Шпилёва (1919), о котором речь впереди, последняя строфа вошла в отредактированном виде – с точками вместо последних двух строк. Резко, на полуслове оборвав стихотворение, автор тем самым ясно дал понять, что его замысел спустя годы подвергся существенной корректировке. Теперь он не столько передаёт собственные переживания («Мозг мой и грудь мою болью сверлит»), сколько стремится пробудить чувство ответственности за случившееся у читателей. Он предлагает им самим представить растерзанную девушку, самим ужаснуться, увидев этот бессмысленно погубленный прекрасный цветок. О том, что именно такую задачу ставил поэт, свидетельствуют начальные строки последних двух строф, обращённые именно к читателям: «перед вами она так поругана», «страшно пред вами она растянулася». То есть, возможно, он хочет сказать: и вы не защитили её и других невинных людей, и на вас лежит ответственность за случившееся в 1905 году и позже.

Как было сказано выше, уже после большевистской революции, в 1919 году, в Благовещенске в типографии товарищества «Труд» вышел второй (он же и последний), более объёмный (64 страницы убористого шрифта) поэтический сборник тридцатипятилетнего Герасима Шпилёва – «Голоса земли», на этот раз под собственным именем [Шпилёв 1919].

В сборнике 62 произведения, среди них: стихи

на революционные темы, в большинстве своём воссоздающие эпизоды и картины жизненной судьбы самого автора; пейзажные зарисовки – их особенно много; несколько бесцветных посвящений; лирико-философские размышления о смысле человеческого бытия, об устройстве мироздания; любовная лирика – в художественном плане по большей части слабая, раздражительная; наконец, два венчающих книгу объёмных сюжетных стихотворения о жителях амурской земли, которые в трудных условиях заготавливают и сплавляют лес, занимаются извозным промыслом.

Открывает книгу стоящее особняком программное стихотворение «Напев», играющее роль своеобразного вступления. В нём автор как бы анонсирует содержание книги, предувещивает читателя, о чём пойдёт речь: «Про леса-тайгу дремучую, / Про озёра серебристые, / Про любовь такую жгучую / К делу правому и чистому...» [Шпилёв 1919: 3]. То есть уже здесь обозначены магистральные темы сборника – природа и революционная борьба.

Все остальные произведения разбиты на восемь разделов: «Горицвет», «Красный плен», «Чёрный звон», «Подвиг», «В провалах», «Камень-горюн», «Тайга» и «Всполохи». Хотя стихи автором не датированы, есть основания предположить, что основной композиционный принцип книги – хроникальный. Иначе говоря, последовательность разделов-циклов соответствует последовательности этапов жизненной судьбы самого поэта. Об этом можно судить уже по тому, что включенные автором в «Голоса земли» три его ранних пейзажных стихотворения из сборника 1908 года («На горной вершине», «На лугах», «Май») получили прописку в первом разделе. Ещё одно – «Невеста», посвящённое томскому погрому 1905 года (о нём речь шла выше), – во втором. Впечатления, полученные Шпилёвым в тюрьме Томска, отразились в четвёртом разделе – «Подвиг». Следующий, пятый – «В провалах», воссоздаёт реалии иркутской ссылки. Подобный принцип сохраняется и в следующих разделах книги.

Удивительное дело: в художественном мире Герасима Шпилёва, создававшего свои стихи в одно время с Клюевым, Есениным, Блоком и многими другими поэтами Серебряного века, активно разрабатывавшими историко-патриотическую тематику, не встречаются такие понятия, как Россия, Русь, русская земля, не фигурируют названия столиц, других исконных русских городов и земель, вообще нет прилагательного русский и его производных. И это у внука переселенцев из центрально-чернозёмной России, наверняка

тосковавших по покинутому отчужденному краю и наверняка старавшихся передать ему своё любовное отношение к далёкой, но бесконечно дорогой сердцу земле предков.

Более того, автор «Голосов земли» ни разу не обращается к теме славного (или бесславного) исторического прошлого страны, не упоминает ни одного крупного события или исторического лица, ни одного выдающегося деятеля русской культуры. Напрашивается предположение, что он, возможно, не ощущает глубокой внутренней связи с Центральной Россией, с тысячелетней русской историей, с многовековой национальной культурой, не воспринимает себя живой частичкой древней русской цивилизации. В чём здесь причина: в особенностях ли мировосприятия типичного представителя далёкой окраинной территории? в географической ли удалённости поэта от эпицентра русского мира? в недостатке ли образования, узости исторического и общекультурного кругозора? в ограниченности ли классового сознания, привитого Шпилёву средой? Наверное, в той или иной мере сказалось всё перечисленное. Но главное не в этом, а в специфике его основного творческого принципа: поэт воссоздаёт преимущественно то, что видит и слышит вокруг себя, что постигает посредством собственного жизненного опыта. При этом у Шпилёва нет ощущения, что подлинная родина, её сакральный центр находится где-то далеко, что он по отношению к ней занимает какое-то заведомо проигрышное – окраинное положение. Автору «Голосов земли» не присущ комплекс провинциальной неполноценности. В отличие, скажем, от «первого амурского поэта» петербуржца по рождению Леонида Волкова, признававшегося: «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...» (Дальний Восток. 1896. № 25. 3 марта), Шпилёв не делит Россию на географический, исторический, культурный центр и отсталую, маргинальную периферию.

В книге «Голоса земли» совсем немного и топографических координат Приамурья – за исключением небольшого числа преимущественно ранних и самых поздних стихов, в которых фигурируют гидронимы Амур, Зея, Бурея, топоним Благовещенск. Родина (это слово встречается в «Голосах земли» лишь дважды) предстаёт у Шпилёва не в обобщённом мифологизированном виде, а в конкретном – видимом, осязаемом: в образах деревьев, кустарников, трав, цветов, диких животных, птиц. Родина для него – это, прежде всего, окружающий природный мир, экзотические ландшафты Приамурья и Восточной Сибири. И те люди, которые здесь живут и трудятся, которые осваивают этот дикий, заповедный край. Благовещен-

ская «Амурская жизнь» в рецензии на сборник Шпилёва отмечала, что «в воспевании тайги, в поэтическом понимании её, автор имеет очень мало соперников, может быть, не имеет никого», что «поэзия тайги» «придаёт всей книжке этнографический характер» [Амурская жизнь. 1919. № 76. 13 апреля].

Лирический герой большинства стихотворений сборника напрямую, без посредничества России как создававшейся веками исторической и культурной мифологемы, связан с дальневосточной и сибирской тайгой, с природными стихиями, включен в глобальные мировые координаты, ощущает себя частью беспредельного мироздания, предстоит перед ним. Мироздания, по его ощущениям, безучастного, равнодушного к человеку, к людским страданиям. Видимо, это и стало главной причиной разочарования поэта в Творце, не сумевшем или не захотевшем создать гармонию в мире людей:

Лишь в груди моей зло разгорается
Против жизни, обильной несчастьем,
А кругом меня всё улыбается,
Равнодушным полно безучастием!.. [Шпилёв 1919: 7].

Небосвод, звёзды, солнце, луна, земля, река, луга, степь, горы, тайга – таковы топографические контуры и координаты, а также сама субстанция создаваемого Шпилёвым поэтического космоса.

Удивительно, но факт: одним из наиболее частотных образов в книге «Голоса земли» является именно космос – беспредельное и совершенное мировое пространство, по контрасту оттеняющее несовершенство и ограниченность земного бытия, земного мироустройства:

Звёзды в небе горят
Светозарным огнём,
Их мерцающий взгляд
Говорит об одном:

Мир безмерно велик,
Бесконечно глубок,
И как здесь, на земле,
Человек одинок!.. [Шпилёв 1919: 42].
(«Песни тайги»)

Одно из самых выразительных стихотворений на эту тему – «Перед лицом космоса»:

Ночь... Красивая ночь над землёю!
Горы дремлют в торжественном сне,
Звёзды блещут во мгле надо мною, –

Сказку вечности шепчут оне.

Эта сказка о чём-то великом,
Как молитва пред Божьим лицом,
Пред сверкающим царственным ликом,
Что сияет во мраке ночном!..

Но забыли прекрасные звёзды
О страданье тяжёлом людском.
Им не видно из пасмурной бездны,
Как на жалкой земле мы живём.

И проходят прекрасные звёзды,
Эпопею поют о былом,
И не знают, что в пасмурной бездне
Мы в страданиях и горе живём!.. [Шпилёв 1919: 34].

Этот космос воспринимает, ощущает, как нелегко заметить, не завзятый материалист и атеист, коим революционеру, социал-демократу, пролетарию Шпилёву надлежало быть по определению, а человек, которому мистически открывается сияющий в ночном мраке царственный лик – Божье лицо, то есть человек, внутренне, душевно, сердечно предрасположенный к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. На рациональном уровне, мировоззренчески лирический герой сборника (и легко просматривающийся за ним автор), понимает, не приемлет религию, отвергает Церковь и Царствие Божие, убеждает читателя (но прежде того – самого себя), что Бог, Христос – всего лишь утешительный обман:

Так грустно и больно! В тревоге
Сажусь я на старый курган.
И думаю снова о Боге,
И вижу я снова обман... [Шпилёв 1919: 35].
(«На путях жизни»)

На уровне же мироощущения, непосредственного чувственного восприятия лирический субъект сборника Шпилёва не является атеистом. Какая-то непостижимая и властная сила, сопротивляясь которой лирический герой не в состоянии, вновь и вновь приводит его в Божий храм, заставляет с волнением вслушиваться в перезвон церковных колоколов. Что забыл в православном храме как будто бы завзятый атеист, член РСДРП, революционер? Автор пытается убедить читателя, что лирическим героем движет стремление лишний раз продекларировать, подтвердить своё неверие. Но зачем, спрашивается, ему для этого заходить в церковь, зачем раз за разом возвращаться к одному и

тому же вопросу – о вере?

Мироощущение Шпилёва – это мироощущение человека если и не верующего в привычном, обыденном смысле этого слова, то, безусловно, внутренне тянущегося к вере, к высоким идеалам. Его уход в революцию, участие в классовой борьбе по душевному побуждению и главному жизненному вектору не были уходом от веры к безверию, к атеизму, это был путь к новому Храму, это была попытка обретения иной веры – более действенной, чем христианство, способной более быстро исправить несовершенный мир и ещё более несовершенного человека.

Шпилёв принадлежал к той разновидности русских революционеров, для которых нравственные идеалы, истина, справедливость были высшей ценностью. В каком-то смысле он был из категории взыскующих Града. Его тяга к духовным поискам отразилась в целом ряде произведений, например в стихотворении «Храм»:

Захожу я в храм. Там пышные колонны
Серебром и золотом причудливо горят.
В драгоценных ризах старые иконы
Мрачно и угрюмо на меня глядят.

В этом храме скука, лень и запустенье:
Свечи и кадила сумрачно курят,
И уныньем веют скорбные моления –
Люди монотонно, тупо их твердят.

Нет, я не желаю храма усыпленья,
Где и мысль, и совесть робкие молчат!
Я хочу другого – храма возрожденья
Светлого, как солнце, как пророка взгляд,

Где бы мысль сверкала яркая, как пламя,
Научая правду и простор любить,
Где бы развевалось Пурпурное Знамя...
...В этот Храм Великий буду я ходить!.. [Шпилёв
1919: 20].

Этот желанный Храм (непрененно с большой буквы!) видится поэту не очень отчётливо, идиллические представления автора имеют не очень много общего с контурами светлого будущего, которое рисовалось в политических и экономических программах российской социал-демократии.

Судя по процитированному стихотворению, автор стремится найти замену христианской вере. Ему кажется, что коммунистический идеал и является той путеводной звездой, которая должна придти на смену потускневшей к началу XX столетия Вифлеемской звезде. Однако когда поэт пыта-

ется поэтически выразить символ своей новой веры, вместо живых картин, которые прежде легко рождались при соприкосновении с евангельскими сюжетами и образами, из-под пера Шпилёва начинают чередой выходить шаблонные образы, банальные эмблемы. Характерный пример – стихотворение «Знамя Интернационала»:

Шёлковые красные знамёна
Развеваются над грозною толпой:
Среди проклятий и среди стопа
Пролетариат ведёт бой!

...Встаёт великое, прекрасное светило
Всечеловеческий, бессмертный идеал,
Как сталь из страшного, гудящего горнила,
Рождается в борьбе Интернационал!..

Пусть рушатся дворцы, грохочет канонада,
И царствует везде безумие и бред,
На площадях пусть строят баррикады,
Без смерти не бывает и побед! [Шпилёв 1919: 24].

За всеми этими дежурными лозунгами и голой риторикой, за всем этим чрезмерным пафосом совершенно теряется автор – человек, прошедший через тюремную камеру (в общей сложности почти три года одиночки!) и многолетнюю ссылку, через сомнения и разочарования, через «безумие и бред» томского погрома, написавший «Песни ужаса». Когда-то от одного воспоминания об убитых убитых людях он «плакал и рвался», «страдал» и «убивался», теперь всё изменилось. Если раньше ему «багровая кровь заливала глаза», если прежде от её вида «в душу безумство вползало», то теперь кровь как будто бы не страшит поэта:

Несите же сквозь дым кровавые знамёна
Во имя светлых и далёких грёз;
Пусть льётся кровь и раздаются стоны,
Но вы не бойтесь ни стопа и ни слёз!..

Похожий мотив чуть позже прозвучит и в стихотворении «Полночь»: «Знамя кровавое / С честью и славою / К зорям далёким несите! // Тропы тернистые / Кровию чистою / Смело опять оросите!..» [Шпилёв 1919: 53]. Возникает, правда, вопрос: чьей кровью поэт предлагает революционерам оросить тропы – свою собственную или чужой, кровью классового врага? Хорошо, если это призыв к самопожертвованию...

Кстати, стихотворение «Знамя Интернационала» впервые увидело свет в 1918 году в выходившем в Благовещенске «Голосе труда», а уже

оттуда было перепечатано рядом большевистских газет, в том числе центральных и сибирских: «Петроградской правдой», «Красноярским рабочим» и др. Реакция демократической прессы была иной. Так, газета «Амурское эхо», орган так называемого «Амурского союза республиканцев», писала, что в стихотворении Шпилёва «нет и признаков какой бы то ни было поэзии», что в нём царит «большевистский дух» и звучит «призыв к убийству» [Амурское эхо. 1919. № 1019].

Что же на самом деле произошло с автором в 1918–1919 гг.: испытал ли он временное помутнение духа, поддавался ли царящим вокруг настроениям и, как результат, бесповоротно отрёкся от прежних нравственных идеалов, захватила ли его логика и инерция ожесточённой гражданской усобицы?

Так или иначе, но повторяющиеся в стихотворении декларативные призывы («Пусть льётся кровь и раздаются стоны», «не бойтесь ни стоны и ни слёз!») плохо вяжутся с тем, что звучало в более ранних стихах Шпилёва. Способен ли был сам автор «Знамени Интернационала» убивать, да ещё и не обращая внимания на стоны и слёзы? Даже если причинять людям страдания пришлось бы «во имя светлых и далёких грёз»? Сомнительно. Судя по «Песням ужаса», многим другим предельно искренним произведениям, Герасим Шпилёв боялся, не хотел крови, человеческих страданий, слёз. В стихотворении «Сад пыток» (оно написано позже «Знамени Интернационала») – одном из своих программных поэтических текстов, Шпилёв прямо заявлял, что будущему, если оно будет строиться на насилии, на крови, на тиранстве, он предпочтёт возврат к христианскому идеалу:

Нет, я не желаю крови и тиранства,
И я уйду, уйду, уйду,
Чтобы не видеть власти хулиганства,
В Гефсиманском я укроюся саду... [Шпилёв 1919: 48].

Увы, как мы теперь знаем, укрыться не удалось...

Трагический финал судьбы поэта был предопределён. Каков бы ни был конкретный повод для ареста Герасима Шпилёва, именно глубинное неприятие «крови и тиранства» стало подлинной причиной гибели автора «Голосов земли». Как ни скрывал он своё критическое отношение к происходящему в 30-е годы, как ни прятал скепсис, как ни маскировал своё внутреннее отторжение, всё это не могло, так или иначе, не прорываться наружу. Но запоздалое прозрение идейного револю-

ционерера, если оно и имело место, ничего уже изменить не могло – ни в его собственной судьбе, ни в судьбе страны, пожинающей горькие плоды очередного своего трагического заблуждения.

Но завершить статью о Герасиме Шпилёве хочется на другой, не столь печальной, ноте. Чрезвычайно показательная деталь: сборник «Голоса земли», выпущенный в годы братоубийственной гражданской войны, он завершает стихами не о классовых сражениях, не о революции, не о манящих даях светлого будущего. В двух венчающих книгу произведениях – «Непокорённая стихия (Из жизни амурских лесорубов)» и «Таёжный извозчик (На Бурею)» – взор автора неожиданно для читателя вновь обращается к прошлому – к картинам, которые Шпилёву довелось увидеть в детстве и юности. С огромным поэтическим вдохновением рисуя неравный поединок человека и могучей, необузданной природной стихии, автор и ужасается мощи этой стихии, и восхищается её красотой и величием. Человек – лишь маленькая частичка мироздания. Стихи Шпилёва подводят читателя к закономерному итогу: смысл человеческого бытия не в классовой борьбе, не в истреблении себе подобных, под каким бы благовидным предлогом это ни совершалось. Он в укрощении губительных природных стихий, в преодолении существующих в мире дисгармоний, в созидательном труде, в поиске форм органичного сосуществования с грандиозным Божьим мирозданием.

Финальные стихи сборника – из лучших в творчестве Герасима Шпилёва. Так увидеть и первоизданную амурскую природу, и людей, отстаивающих своё право на существование, в дооктябрьской поэзии Приамурья не удалось никому.

В Приложении к статье вниманию читателей предлагаются оба текста, стихотворение «Непокорённая стихия» – в сокращении. В нём повествуется об Илюше – мальчике из бедной крестьянской семьи, которого от безысходности мать отправляет на заработки в амурскую тайгу – валить и сплавлять лес. В первых двух (сокращённых) частях речь идёт о самых трудных, зимних месяцах, о тяжкой, смертельно опасной работе лесорубов, об испытаниях, которые выпали на долю главного героя.

Стихотворения «Непокорённая стихия» и «Таёжный извозчик» печатаются по изданию: Шпилёв Г.И. Голоса земли: сборник стихов. Благовещенск, 1919. С. 55–64.

Литература

Амурское эхо. 1919. № 1019

Пахом Рослый [Шпилёв Г.И.]. Стихотворения.

Книга 1. Благовещенск: Типография т-ва «Амурского печатного дела» (Д.О. Мокин и Ко), 1908.
Флоренский П.А. Имена // Социологические исследования. 1990. № 8.
Шпилёв Г.И. [Автобиография] // Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / сост. и авт. предисл. П.Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск, 1925.
Шпилёв Г.И. Голоса земли: сборник стихов. Благовещенск, 1919.

ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический институт»

Поступила в редакцию 24.04.2011.

A.V.Urmanov

«UNSUBDUED ELEMENT»

The logic of life and creative destiny of Gerasim Shpilyov

The article is devoted to the life story and creative work of one of the lesser-known Amur poets of the early 20th century Gerasim Ivanovich Shpilyov (1884-1939?), the author of two book collections: «Поём» (1908) and «the Voice of the Earth» (1919), which were published in Blagoveshchensk and became a bibliographical rarity. In this article, universal and individual properties of aesthetics and poetics of the author's collections, the evolution of his views and the nature of perception of the world are revealed.

Keywords: literary study of local lore, literature of Amur region, Gerasim Shpilyov, the lyrics, the art world, the world view of the artist.

Приложение

Герасим Шпилёв

Непокорённая стихия
(Из жизни амурских лесорубов)

<...>

III.

Светлый день! Несутся птицы
Из далёких, тёплых стран:
Тут и уток вереницы,
И гусей тут караван;

Тут и ласточка летает
Над оттаявшей землёй:
Вёсну, вёсну предвещает

Песней нежною своей!

Ветер южный чуть колыхнет
Прошлогоднюю травой,
Он в лицо приятно дышит
Разопрелою землёй.

Запах лиственницы пряный,
Дух берёзы и сосны,
Ароматом воздух пьяный:
Этот воздух – вздох весны!

В синеве далёкой, чистой
Распластались облака,
Лентой ярко-золотистой
Обрамлены их бока.

Горы, будто бы вуалью,
Дымкой все заволокло.
И над трепетною далью
Солнце льёт своё тепло.

Но Амур всё так же скован:
Он спокойно, крепко спит,
Он как будто заколдован:
Не бежит и не шумит.

Скалы серые угрюмо
Охраняют сон его,
И объят он сонной думой,
Спит, и больше ничего!..

А с полудня ветер дует,
Обвевая мир теплом,
Он и рвётся, он бушует
Над рекой и над хребтом.

Вдруг и лёд зашевелился,
Он ломался и трещал,
Он горами громоздился,
Поднимая валом вал.

Что-то чудилось живое
В передвижке этой льда.
И Амур, как после боя,
После бранного труда

Торопился снять оковы,
Поскорей их разорвать,
Чтобы враг его суровый
Снова их не мог сковать, –

Чтоб не мог сковать навечно
Эту грудь богатыря;

И Амур теперь беспечный
Далеко несёт в моря

Свой покров холодный, тесный,
И восторженно ревёт,
И заманчиво прелестной
Он надеждою живёт.

И бурлит Амур сердито
(Лёд идёт, идёт, идёт!..)
У подножия гранита
Тело он своё согнёт,

Завернёт там круто плёсо,
Здесь на остров лёд набьёт,
Там на выступе с утёса
Глыбу серую сорвёт.

Загудит скала, срываясь,
Разбивая рыхлый лёд.
Звонким эхом отзываясь,
Гул ответный берег шлёт.

И кричат сторожевые
Вековечные хребты –
Это крики боевые
Бога Вещей Красоты...
<...>

IV.

Дни идут... Амур, сверкая
Пеной волн, спешит в моря,
Все преграды разрушая,
Точно меч богатыря.

То, притиснутый горами,
Он шумит, бурлит, ревёт,
То, разбитый островами,
Он тихохонько течёт.

Настаёт иное дело
Для бесстрашных мужиков:
Можно в путь пускаться смело:
Нет «шуги», и плот готов.

Наконец, они поплыли:
Грузно двинулся паром.
Мужики себя крестили,
Кто «щепотью», кто «перстом»...

– «Вот так май! Смотри-ка: тучи
Весь закрыли небосклон,
Дует ветер злой, колючий,

Вихрем вьёт со всех сторон!

Ночью будет плыть опасно:
Вижу плохо, – я уж стар...
Не пристать ли?..» – «Вот прекрасно! –
Отвечает Елизар.

– Доплывём!» – «Но там протоки,
Там Кумаровский утёс...
И протоки неглубоки...»
– «Ну, так что ж?.. Пошёл! Понёс!..»

И плывут... А ветер дует
С воем, визгом и тоской;
Разъярённый, – он бушует
Над взволнованной рекой.

Ронжи¹, плот скрипят и плачут,
Сплотки ходят ходуном.
Как степные кони, скачут
Волны гневные кругом.

Тучи чёрные нависли
Низко, низко над водой
И гнетут, как ум мой мысли,
Порождённые тюрьмой.

И стихии наступают
На людей, на жалкий плот,
Вихрем волны поднимают,
Скачет адский хоровод!..

«Горе нам!..» Амур бушует,
Бьётся, хлещет в берега.
Он в безумии целует
Трон надменного врага.

V.

Крепнет буря! И вдруг в небе
Грянул первый страшный гром:
Вынут, вынут тяжкий жребий,
Не спасись тебе, паром!

Вот и молния зигзагом
Пронеслася между туч.
И тайфун победным шагом –
Страшен, гневен и могуч –

Наступает на утёсы,
Наступает на людей...
Разметались, будто косы,
В небе отблески огней...

Ветер... Гром... И дождь полился,

Как бичом поля хлестал,
И Амур сильнее бился
У подножья вечных скал.

И в тот миг, когда вдруг стало
Так темно, темно, темно,
Когда сил уже не стало
Биться с бурей – «всё равно!»,

Лесорубы порешили.
И, отдавшись волнам,
С тою лишь надеждой плыли,
Что прибьёт их к островам;

В небе вдруг раздался грохот,
Треск, и шум, и бури вой,
Вопль реки и ветра хохот,
Натиск бездны роковой!..

Плот ударило о выступ,
О гранитный бык – утёс...
Это был последний приступ
И последний натиск гроз!..

Плот разбило, поломало:
Ронжи, гребни разнесло...
А во тьме заря вставала,
Освещая ночи зло...

Таёжный извозчик
(На Бурее)

Неприглядный край далёкий,
В сорок градусов мороз.
По реке, в снегу глубоком
Кое-как идёт обоз.

Всюду скалы громоздятся,
Раздавить хотят обоз...
Только вон – вверху гнездятся
Две сосны да пять берёз.

Белым саваном обвита,
Мертвецом природа спит,
И лишь ветер злой сердито

Между скалами гудит.

И гнетёт картина эта
Душу тяжкою тоской.
Страшно, жутко без привета
Здесь в «дерябе» вековой.

Свист метели, завыванье,
Прямо – «Чёртова Ноздря»,
Этой местности название
Кто-то дал, и дал не зря.

«Ах, мороз!» – мужик трясётся,
Греясь, хлопает в бока,
Крепче в шубу завернётся
Да стегнёт коня слегка.

Ночь окутала всю землю
Чёрным бархатом своим,
Ночь покоем всё объемлет,
Лишь мороз клубит, как дым.

Вдруг – Чу!.. – треск... Передний прынул,
Дико, жалобно заржал.
Лёд сломался, вал нагрнулся,
Захлестнул и убежал.

«Полынья! Сюда! Скорее!..»
– «Что такое? – Мы сейчас!..» –
И спасти коня, жалея,
В воду кинулся Тарас.

Лошадь билась, погружаясь
В глубь холодных, чёрных вод,
За неё мужик цепляясь,
Вместе с ней ушёл под лёд.

Весь обоз вдруг заметался:
Кони чуяли беду.
А буран стонал и рвался,
Поднимая снег на льду...

1. Жерди, укрепляющие сплоток. – Примеч. автора.

ЗАИГРАВШИЕСЯ ЛЮДИ

Т.Г. Струкова

Современная проза, в отличие от религии, образования, семьи, которые формируют жизненный мир и мир повседневности [см: Струкова 2010], участвует в создании «виртуального социального пространства» (С. Бенхабиб). По словам М.В. Мозеса, «литература, обусловленная реальностью, помогает нам увидеть, что формы человеческого удовлетворения многообразны и зачастую несовместимы» [Mozes 1996: 222].

Темой многих романов рубежа XX-XXI веков становится потребительское общество во всех его ипостасях – материальных, физических, психологических, социальных. Об этом пишут канадец Д. Коупленд, французы Ф. Бегбедер и М. Паж, англичанка С. Кинселла.

В 2000 году Софи Кинселла публикует роман «Тайный мир шопоголика», за ним последовали «Шопоголик на Манхэттене» (2001), «Шопоголик и брачные узы» (2002), «Шопоголик и сестра» (2004). Ответ на вопрос, в кого превращается человек в обществе потребления, заключен в названии романов английской писательницы, которая использовала слово «шопоголик», призванное подчеркнуть безудержную страсть к обладанию вещами, соединив два слова - «alcoholic» и «shopping».

Софи Кинселла исследует сегодняшний мир, который стремительно меняется, и, меняясь, достаточно агрессивно навязывает людям стандарт успешности: человек теряет свободу распоряжаться собой, своей жизнью, своим временем. Принцип успеха четко определяет пространство, в котором обязан существовать индивидуум, претендующий на статус триумфатора, - современный мегаполис.

Та же претензия на победу над миром изменяет понятие времени: сутки распадаются не на день и ночь, а на отрезки в пять-десять минут, которые отведены на выполнение работы, и опоздание на полчаса приравнивается к вселенской катастрофе. Циклическое время сменилось механическим в урбанистических сообществах еще на заре модерности, но в XXI веке оно все более убыстряется, спрессовывается, уже не бежит, а несется вскачь, и человек, алчущий успеха, не может расслабиться, иначе он выпадает из общего потока. В технологическом обществе человек есть часть системы, и он уверен, что если не оправит e-mail или не напишет собственный коммент в Twitter через тридцать се-

В статье анализируются романы современной английской писательницы С.Кинселла, посвященные одной из наиболее актуальных проблем литературы на рубеже XX и XXI веков. Эта проблема - человек и общество потребления. Художественная рефлексия С.Кинселлы раскрывает неуверенность современного человека, его низкую самооценку, отсутствие гармонии между внутренним миром личности и внешней реальностью.

Ключевые слова: современный роман, английская проза, потребительское общество, С.Кинселла, шопоголик.

кунд, то мир рухнет. Саманта, героиня романа Софи Кинселла «The Undomestic Goddess» (2005), юрист-трудоголик, так говорит о ритме своей жизни:

«Часы – вовсе не вредная привычка. Я на них полагаюсь. И вы бы полагались, если бы ваше время измерялось шестиминутными фрагментами. Каждые шесть минут рабочего времени я обязана посвящать отдельному клиенту. Все делается в соответствии с расписанием, все подсчитано компьютером и нарезано на сегменты» [Кинселла 2006: 17].

Основная мысль романов Софи Кинселла заключается в следующем: современное общество больше, чем прежде, провоцирует жажду обладания – недвижимостью, машинами, людьми, вещами, позицией в фирме, а, главное, статусом, который дает власть, что неизбежно порождает латентную или открытую конфликтную ситуацию. Если на индустриальной стадии столкновение происходило между рабочим и владельцем, то в постиндустриальной культуре конфликтность не уменьшилась, а даже увеличилась, так как само общество стало более активным, подверженным разным трансформациям, расширился спектр социальных явлений и движений [см: Verude 1998]. На постиндустриальном этапе развития конфликт пролегает уже не между рабочим и владельцем, а между производством / управлением и самим по-

требителем [Williams 2000: 410- 426].

Страх кризиса перепроизводства делает любой вариант сбыта приемлемым, но психологически самым верным является возвращение вожделения к обладанию. Возвращение последовательное и тонко завуалированное, потому что человеку трудно признаваться самому себе, что его давным-давно весьма талантливо сделали даже не субъектом, а объектом купли-продажи. В принципе, именно об этой проблеме писали в восьмидесятые годы прошлого века Ж. Бодрийар и Ж.-Ф. Лиотар. А в романе Ф. Бегбедера «99 франков» читаем безжалостную фразу: «Человек — такой же товар, как и все остальное, и у каждого из нас свой срок годности» [Бегбедер 2005: 17].

В романе «Романтический эгоист» (2005) Ф. Бегбедер еще раз констатирует, что жизнь человека в XXI веке — это заранее определенная роль в шоу, сценарий которого написан не им. Эта мысль звучит рефреном к утверждению Ги Дебора о том, что современное общество — это «шоу мир». Но оценка Бегбедером этого факта изменилась: если в книге «99 франков» очевидно нескрываем обличительный пафос, то в «Романтическом эгоисте» явно ощущается скепсис относительно попыток вырваться из объятий «рекламного тоталитаризма» [Бегбедер 2005: 17]. В «Романтическом эгоисте» звучит lamentация уставшего от бесплодных усилий бунтаря, своего рода современного Сизифа: «Мы думаем, что знаем, чего хотим. А на самом деле наши желания нам больше не принадлежат. Реклама побуждает нас делать то, что, в общем-то, мы делать не собирались. Так, в конце концов, мы начинаем жить чужой жизнью» [Бегбедер 2006: 70].

Человеку рубежа XX-XXI веков кажется, что он самостоятельно выбирает свой путь, но это не более чем иллюзия. Талантливо провоцируемая страсть к безудержному обладанию, как невидимая паутина, охватила весь мир, который превратился в бескрайний гигамаркет. Меган Моррис анализирует эту проблему в статье с броским названием «Что нам делать с торговыми центрами?» [Morris: 391-409].

Ту же идея — а чью жизнь проживают современные люди, действительно ли они исполняют собственные или навязанные извне желания — излагает Софи Кинселла в тетралогии о шопоголике. Главная героиня, жительница Лондона, финансовая журналистка Ребекка Блумвуд должна рассказывать людям, как правильно распоряжаться деньгами, но сама она этого делать совсем не умеет. И не только потому, что мотовство у нее в крови, а потому, что банковская система создает у людей

ощущение возможности покупать все, что угодно и в любых количествах, без какого-либо контроля. Любопытно, что отечественная реклама активно подогревает подобные желания! [Комсомольская правда 2006: 5].

Роман «Тайный мир шопоголика» Софи Кинселла демонстрирует катастрофический результат кредитомании. Книга начинается письмом из банка «Эндвич», который навязал Ребекке, выпускнице заштатного университета, дополнительный «кредитный лимит в 2000 фунтов» [Кинселла 2003: 8]. В рекламном проспекте банка героиню привлекли слова «профессиональная карьера», «автоматическое предоставление лимита», «индивидуальный подход», что повысило самомнение Ребекки до небес. Она почувствовала себя если не Крезом, то уж, несомненно, ощутила принадлежность к клубу состоятельных людей. Во втором письме менеджер Дерек Смит предупредил Ребекку, что она превысила кредит на 3794,56 фунта, в третьем письме он выразил героине сочувствие по поводу недавнего перелома ноги, а в четвертом — сожаление по поводу ангины. Правда, все эти несчастья Ребекка придумала, чтобы не встречаться с банковским служащим!

Ребекка Блумвуд страдает от ониомании — неудержимого желания тратить деньги, болезни многих современных горожан. По мнению Ребекки, шопинг — самое лучшее средство от хандры. Можно было бы просто посмеяться над незадачливой девицей, что, в принципе, и предлагает писательница, если бы Софи Кинселла не передоверила героине озвучить важнейшие проблемы нынешнего общества потребления.

Банки достаточно агрессивно внедряют в сознание людей мысль, что жизнь в кредит — это нормально, а кредитная карточка — это непременный атрибут цивилизованной личности. Но, расплачиваясь кредиткой, человек перестает контролировать себя, подсознательно ответственность перекадывается на кредитную организацию. За этим скрывается гедонизм и откровенный инфантилизм современного человека — жажда наслаждаться, покупать сегодня, а платить потом. Героиня постоянно ожидает золотого дождя с небес, пребывая в состоянии детской, наивной уверенности в том, что если нет денег, то все решится как-нибудь само собой.

Вторая проблема состоит в том, что в потребительском обществе реклама провоцирует приобретение «правильных» вещей, без которых пропуск в элиту невозможен. Современные люди страдают от множества фобий, низкой самооценки. Статус успешности диктует правила игры, по которым це-

нится не индивидуум, а оболочка, окружающие его вещи, одежда, машины и механизмы. И без внешнего антуража человек перестает чувствовать собственную значимость.

Именно об этом идет речь в первом романе Софи Кинселлы. Ее героиня смешно повествует о том, как ей, девушке из простой провинциальной семьи, хотелось стать светской львицей, поймать в сети богатого принца, жить с ним долго и счастливо. Полный набор «розового» романа! Если бы не ирония и нелепые комичные ситуации, в которые постоянно попадает Ребекка.

Софи Кинселла широко использует принципы комедии положений, когда смех обнажает глупое, претенциозное и наносное. Героиня романа с упоением читает гламурные журналы, которые дают советы по любому поводу. Ребекке важно запомнить, какой стиль моден в этом сезоне, чтобы потом блеснуть в разговоре. Но ее общекультурный уровень низок, она постоянно попадает впросак. К примеру, аристократу-меломану Таркину она заявляет, что обожает «оперы Вагнера», а когда ее визави в замешательстве говорит, что не знает опер немецкого композитора, Ребекка немедленно меняет тему.

Отправившись с туристической группой на обзорную экскурсию по Нью-Йорку (роман «Шопоголик на Манхэттене»), Ребекка, увидев магазин «Сакс на Пятой авеню», приходит в неопишуемый восторг и не понимает настырности туриста, расспрашивающего гида о достопримечательностях сооружения. Правда, когда группа намеревается войти в здание, выясняется, что они имели в виду совершенно разные вещи: «И только когда моя рука уже лежит на ручке входной двери, я понимаю, что за мной никого нет. Куда они делись? В растерянности оглядываюсь и вижу, что группа направляется к каменному собору, на стене которого висит табличка «Собор Святого Патрика» [Кинселла 2004: 197].

Ребекка живет в двух мирах – в мире реальном, который неласков к ней, и в мире иллюзий. Шопинг для героини – это своего рода компенсация за несовпадение мира ее повседневности и вождельного мира, когда объективные ситуации не соответствуют идеалу, а ее жизнь зачастую несправедлива. Мечты Ребекки требуют признания, которое для нее заключается во внешнем соответствии образцу успешности. Она частенько не говорит правду, но не потому, что патологически лжива, а потому, что выбирает страусиную позицию: Ребекка подсознательно избегает неприятного варианта решения жизненных проблем.

Но именно этой героине, смешной и нелепой в

своих претензиях, не слишком большой эрудитке, предпочитающей модную лавку музею Гуггенхайма, писательница передоверяет высказать идею, которая, по большому счету, идет вразрез с философией богатства. Жизнерадостная Ребекка понимает, что стандарт успеха и богатства навязан извне, он не имеет ничего общего с реальной свободой выбора, что современные люди страдают от тотального разочарования. Ребекка убеждается, что обладание – это весьма эфемерный феномен, даже получив вождельную вещь, должность, деньги, человек не достигает цели. Счастье оказывается призрачным, а личность уступает в бесконечном споре с вещами, и уже они начинают «потреблять» человека, жестко диктуя ему правила игры. Та же идея звучит и в романе «99 франков» Бегбедера: «Вы нуждаетесь в некоем товаре, но стоит вам завладеть им, как вы уже хотите чего-то нового. Гедонизм – это не гуманизм, это – cash-flow» [Бегбедер 2005: 20].

В последнем романе тетралогии «Шопоголик и сестра» исследуется модная на настоящий момент жизненная позиция – антипотребление, намеренное ограничение трат, подчеркнутая бережливость и экономность. Джесс, сводная сестра Ребекки, порицает последнюю за избалованность и легкомыслие, за неуместную покупку безделушек, новых вещей, когда есть добротные старые. Джесс умеет блестяще инвестировать деньги в перспективные проекты, приносящие устойчивые дивиденды. Она ненавидит мотовство, покупает вещи и еду на оптовых рынках, использует оберточную бумагу несколько раз, считает, что реклама бессовестно обманывает людей.

Ребекка приобретает вещи от кутюр, а Джесс собирает редкие камни, которые ей ничего не стоят в денежном эквиваленте. Но, по сути, транжирство Ребекки и подчеркнутая экономность Джесс – это две стороны одной медали. Неистребимая страсть к обладанию заставляет и ту, и другую гоняться за чем-то уникальным, во всяком случае, таким, чего нет у других людей.

На первый взгляд, кажется, что в отсутствии различия между коллекционированием сумочек от Гуччи и собиранием редких минералов заключен парадокс. Однако парадокс как раз отсутствует, потому что в основе лежит тот же культивируемый рефлекс накопления, собирательства, потребления, когда переходит граница приобретения предметов первой необходимости и соблазна владеть тем, что является чрезмерным и никак не влияет ни на качество жизни, ни на ее сохранность, развитие или улучшение.

Удивительно, во всех романах Кинселла рефре-

ном звучит слово «кризис», правда, оно имеет отношение в большей степени к неумению героини контролировать собственные расходы и брать у банков кредиты, попадая из одного личного банкротства в другое. Но в частной жизни Ребекки Блумвуд отражается общее состояние мира, в котором правит соблазн, неуемная жажда обладать. Потребление, по мнению автора, это всегда баланс между аскетизмом и мотовством. При этом рекламный бизнес сильно воздействует на нынешнюю среду обитания, провоцируя безудержное потребление. И по большому счету, чрезмерное транжирство и подчеркнутая скупость свидетельствуют о неуверенности современного человека, его низкой самооценке, отсутствии гармонии между внутренним миром личности и внешней реальностью.

Литература

Бегбедер Ф. 99 франков. М., 2005.
Бегбедер Ф. Романтический эгоист // Иностранная литература. 2006. № 2.
Кинселла С. Богиня на кухне. М., 2006.
Кинселла С. Тайный мир шопоголика. М., 2003.
Кинселла С. Шопоголик на Манхэттене. М., 2004.
Комсомольская правда. 2006. 6-13 апреля.
Струкова Т.Г. Повседневность и литература. Научно-философский анализ повседневности: про-

блемы развития и перспективы в XXI веке. Воронеж, 2010.

Berube M. The Employment of English: Theory, Jobs and the Future. N.Y., 1998.

Mozes M.V. The Novel and the Globalization of Culture. N.Y., Oxford, 1996.

Williams R. Advertising: the Magic System // The Cultural Studies Reader / Ed. by S. During. 2 ed. L., 2000.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»

Поступила в редакцию 7.04.2011.

T.G. Strukova

People forgetting themselves in playing

The article analyzes modern novels by the English author S. Kinsella, dedicated to one of the most important problems of literature at the turn of the XX and XXI centuries. This problem is connected with the person and the consumer society. The art reflection of S. Kinsella reveals the uncertainty of a modern man, his low self-esteem, lack of harmony between the inner world of the personality and external reality.

Keywords: modern novel, English prose, the consumer society, S. Kinsella, shopaholic.

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ИЛИ «НЕВЫНОСИМАЯ ЛЮБОВЬ»

(ОБ ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ И. МАКЬЮЭНА)

Н.Л. Потанина

Повседневность (“everyday life”) стала предметом научной рефлексии после публикации широко известной сегодня работы З. Фрейда «Психопатология повседневной жизни» (1904) [Фрейд 1997]. В прошлом и начале этого столетия она исследуется культурологами, философами, психологами, филологами [См.: Бродель 1986; Касавин 2004; Ортега-и-Гассет 2005; Сыров 2000; Шапинская 2009; Эко 1998; Derrida 1980]. Социологи трактуют повседневность как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [Бергер, Лукман 1995: 38]. П. Рикер рассматривает ее как источник «разрушительной эрозии, подчиненной интересам технократии и политики» [Рикер 2002: 247], которой только язык способен противостоять.

Согласно известному определению Анри Лефевра (1905–1979 гг.), повседневность представляет собой самостоятельный срез жизни общества, включающий, в свою очередь, ряд уровней, имеющих собственное значение [Lefebvre 1961]. Повседневность индустриального общества, по мнению Лефевра, существенно отличается от повседневности общества традиционного. И это отличие наиболее отчетливо проявляет себя в восприятии времени. В повседневной жизни, утверждает Лефевр, человек постоянно находится между двумя полюсами – двумя типами времени: циклическим, обусловленным природным ритмом и характерным для традиционного общества, и новым, кумулятивным, линейным, прогрессивным, связанным с механическими объектами, уже не имеющими ритмического характера. Кумулятивное время понижает все, однако повседневность тяготеет к высвобождению из его пут и тем самым актуализирует другой, традиционный тип времени – для отдыха, творчества и, в конечном счете, для восстановления жизненных сил человека. Как справедливо отмечает Н. Шихардин, эта координата повседневности у Лефевра «совпадает с ее рас-

В статье анализируется концептуальное поле проблемы повседневности, апробируется литературоведческий ракурс ее интерпретации, определяются способы ее художественного осмысления и функциональность в романе И. Макьюэна – одного из крупнейших английских прозаиков рубежа XX – XXI веков.

Ключевые слова: повседневность, “everyday life”, приватность, современность, сюжетостроение, роман, Макьюэн.

смотрением в других концепциях (например, в социальной феноменологии А. Шюца)» [Шихардин 2008: 16]. «Повседневная жизнь есть... время желания, спонтанного обновления», – утверждает Лефевр [Lefebvre 1961: 182]. Этой сферой реализации индивидуальных желаний, сферой спонтанного обновления в условиях технологического прогресса стала, по Лефевру, повседневность. Только она позволяет индивиду обеспечивать себе условия для проявления личностной свободы и тем самым – для самосохранения и развития личности. Вот почему, считает Лефевр, сфера повседневности (читай – сфера приватной жизни) уже во второй половине XX века обретает для человека большее значение, чем сфера производства. «Здесь происходит переворот в человеческом существовании, сглаживаются драмы и трагедии эпохи. Повседневность приводит даже вопреки себе к торжеству добра. Бегство в повседневность, предлагаемое Лефевром, напоминает идею Руссо о спасении от пороков современного мира возвращением к естественному существованию...» [Шихардин 2008: 17].

Трактуя повседневность как некую противоположность потребительскому миру, Лефевр становится одним из создателей идейного комплекса, провоцирующего напряженные размышления художников рубежа XX-XXI столетий над поставленной еще Кафкой проблемой спасения личности от технологических и бюрократических тотальностей.

И. Макьюэн (р. 1948) – один из таких художников. Его роман «Невыносимая любовь» (“Enduring Love”, 1997) – шестой по счету в творческой биографии писателя – начинается описанием события, ставшего, по знаменательному слову автора, «флажок на карте времени» [Макьюэн 2007: 2]. Речь идет о том моменте, когда герои – преуспевающий журналист и его жена, ученый-филолог, занимающийся творчеством Д. Китса, – оказываются ввергнутыми в мучительную историю, причиной которой стало трагическое происшествие с огромным воздушным шаром. В результате этого погиб человек – один из тех, кто вместе с центральным героем пытался предотвратить катастрофу. Этот «флажок на карте времени» отделяет спасительную повседневность центральных героев от огромного и пугающего своей непостижимостью мира: «Вспомнить начало легко. Было солнечно, мы сидели под дубом, укрывшись от сильного порывистого ветра. Я стоял на коленях в траве, держа в руке штопор, Кларисса протягивала мне бутылку – «Дом Гассак» урожая 1987 года. Этот момент – флажок на карте времени: я протянул руку, и когда холодное горлышко и черная фольга коснулись моей ладони, мы услышали крик. Кричал мужчина» [Макьюэн 2007: 2]. Тем самым точка «встречи» повседневности с миром, лежащим за ее пределами, становится отправной точкой в развитии сюжета, а идея борьбы/взаимодействия/взаимопроникновения этих сфер – сюжетообразующим фактором и композиционным стержнем романа.

Уже в его начале мы узнаем о том, что герои, муж и жена, встречаются друг с другом после шестинедельной разлуки («самой долгой за семь лет нашей с Клариссой жизни вместе» [Макьюэн 2007: 2]), что Кларисса в эти недели изучала обстоятельства последних дней жизни Джона Китса и его любви к Фанни Брон.

Третьим участником драмы становится Джек Перри – двадцативосьмилетний религиозный фанатик, убежденный в том, что «Бог готовит ему испытание, которое он должен выдержать» [Макьюэн 2007: 251]. Во время происшествия с воздушным шаром он встречается взглядом с Джо и решает, что Джо в тот момент влюбился в него. Перри воображает, что задание Бога состоит в том, чтобы ответить на любовь Джо и «привести его к Гос-

поду». Его уверенность возрастает, когда он узнает, что Джо – широко известный автор научно-популярных статей, написанных с атеистической точки зрения.

Обстоятельства, описанные в романе, даны с разных точек зрения, поскольку в нем три основных повествователя. Кроме того, финальные страницы романа демонстрируют еще одну точку зрения, по-видимому, претендующую на особую объективность. Они написаны в форме медицинского документа – «истории болезни» пациента психиатрической клиники, куда помещен Джек Перри.

Экспозиция романа предельно детализирована. Уже в начале повествователь намеренно медлит с развитием действия, стремясь задержать наш взгляд на подробностях, которые он прямо называет успокаивающими. Повествователь тщательно фиксирует действия героя, ожидающего встречи с женой. Ведь они, хоть и совершаются в не совсем обычный день, сами – из сферы их благополучной повседневности, обустроенной за семь лет счастливого брака («...набрал продуктов для пикника, главным лакомством которого должна была стать большая головка моццареллы, которую продавец выудил из глиняной бочки деревянной лопаткой... купил маслин, готовый салат и фокаччу...» [Макьюэн 2007: 5]). Даже приобретение редчайшей антикварной книги ко дню рождения жены выглядит в сравнении с дальнейшими событиями одной из привычных составляющих их общего жизненного уклада, исполненного уважения и внимания к интересам и пристрастиям друг друга. Итак, экспозиция строится как воспоминание о спокойном счастье, которое дает повседневность.

Но здесь же, в начале романа, заложена и прямо противоположная идея – об имманентной тревожности повседневья, которое несет в себе точку бифуркации, отмечающую множество вероятных выходов в мир непредсказуемости и вызывающую в памяти образ игры, тоже предполагающую разные и при этом равновероятные исходы: «Я задерживаюсь на предшествующем, ибо тогда еще были возможны другие развязки; с высоты ястребиного полета сближение шести фигур на зеленой плоскости – успокаивающая геометрия, легко узнаваемый символ бильярдного стола» [Макьюэн 2007: 4].

Уже из сказанного ясно, что для Макьюэна мир непредсказуемости, очевидно, не исчерпывается, как для Лефевра, социальной современностью. Он соотношен с миром Вселенной – каким он был при ее рождении. Именно этот образ возникает в сознании центрального героя (Джо), когда он бежит

к воздушному шару, совершившему неудачную посадку: «Это был огромный шар с гелием, природным газом, скованным из водорода в ядерном горниле звезд первым, в начале сотворения многочисленных и разнообразных материй Вселенной, включая нас самих и все наши мысли. Мы бежали навстречу катастрофе, которая сама по себе была своеобразным горнилом, где личности и судьбы переплавлялись в новые формы» [Макьюэн 2007: 4,5]. Этот мир, лежащий за пределами повседневья, чреват опасностями - вплоть до гибели - но вместе с тем - рожденьями и перерождениями, обретением нового знания о себе и других.

Так уже в начале романа фиксируется мысль о сложном характере обеих изображаемых сфер - повседневности и мира за ее пределами.

Повседневность сложна не только вследствие того, о чем было сказано выше. Повседневность исторична. В ней выделяются различные страты - в зависимости от социального, профессионального, возрастного, психологического, интеллектуального статуса проживающих ее субъектов. Так, повседневность Джо - журналиста, специализирующегося на естественнонаучной проблематике, и его жены, филолога Клариссы, существенно отличается от повседневности несостоявшегося учителя английского языка Джеда Перри, а также других персонажей романа из среды рабочих и мелких предпринимателей. А повседневность их всех, британцев конца XX столетия, конечно, отличается от повседневности современников Шекспира или Диккенса.

Романтики, как правило, отвергали повседневность как чуждую творческой личности. Однако фигура романтика Д.Китса оказывается у Макьюэна вписанной в повседневность - пусть и особую, окрашенную итальянским колоритом: «Китс посетил виллу Боргезе, прогулялся на Корсо. С удовольствием послушал Гайдна в исполнении Северна; возмущившись качеством стряпни, кинул в окно свой обед и даже подумывал о новом стихотворении» [Макьюэн 2007: 9]. Этот прием становится оригинальным способом характеристики поэта. Его повседневная неловкость в манерах (тактика), привычная для друзей и знакомых, но отличающая поэта от окружающих, оказывается, в конечном итоге, созвучной творческой стратегии романтика (Макьюэн приводит письмо Д.Китса, содержащее «знаменитое прощание, столь пронзительное в своей сдержанности и учтивости: «Вряд ли сумею с Вами попрощаться, даже в письме. Я всегда так неловко откланивался. Благослови Вас Господь! Джон Китс» [Макьюэн 2007: 9]). Перечень художественных впечатлений, поэтических занятий

и творческих планов Китса, перемежающихся бытовыми подробностями, - с одной стороны, будто бы поддерживает идею романтического контраста поэзии и обыденности (перспектива романтика), а с другой - подчеркивает умозрительность такого противопоставления, далекого от реальности (перспектива Макьюэна-автора).

Если говорить о других героях Макьюэна, то повседневность для них - преимущественно сфера безопасности или, по крайней мере, умиротворения. Они переступают ее границу, когда слышат крик о помощи, что совершенно отчетливо фиксируется повествователем: «Это было начало и, соответственно, конец. Завершилась глава, нет, целый этап моей жизни» [Макьюэн 2007: 10]. При этом Макьюэн формулирует признаки повседневности своих героев - стабильность, защищенность, взаимопонимание, любовь и свобода: «Семь лет нашего бездетного брака прошли в любви... Мы жили в квартире, стилизованной под ар-деко, на севере Лондона, без особых волнений... в целом ничто не угрожало нашему существованию, полному глубины и свободы» [Макьюэн 2007: 10-11].

Несмотря на свою принципиальную противопоставленность этой супружеской паре, Джек Перри тоже воспринимает повседневность как охранительное пространство. Правда, для него оно к тому же наполнено провиденциальным смыслом. Это пространство, с точки зрения Джеда, дано человеку, чтобы предаваться мыслям о Боге. В одном из писем, обращенных к объекту своей болезненной страсти, замешанной на религиозном чувстве, Джек пишет: «Я считал, что нахожусь как бы в убежище - и в ожидании. Я всегда отдавал себе отчет, что получил этот потрясающе красивый дом не просто так. Во всем этом чувствовался промысел, и моя обязанность, как я думал (и время подтвердило мою правоту), заключается в том, чтобы быть готовым и внимать тишине» [Макьюэн 2007: 103-104]. Повторим: несмотря на религиозную окрашенность в трактовке повседневности, идея защищенности, с ней связанная, сохраняет для Джеда свою актуальность.

Подобное отношение к повседневности демонстрируют и второстепенные персонажи (вдова Логана, Гэдд и др.).

Тот факт, что столь разные персонажи сходным образом воспринимают повседневность, свидетельствует, вероятно, о том, что таковы, в понимании автора ее наиболее общие, конститутивные черты.

Итак, подведем итоги. Повседневность в рассмотренном романе Макьюэна трактуется как сфера относительной стабильности и защищенно-

сти человека. Вместе с тем, она не лишена негативных коннотаций, так как, во-первых, ее границы проницаемы для вторжений из «большого мира», а во-вторых, человек, находящийся в ней, испытывает напряжение между соблазном защищенности и свободы и тягой к выходам за пределы, в пугающе непредсказуемую неизвестность. Время повседневности не противопоставляется у Макьюэна времени социальной современности – как это имеет место у А.Лефевра. Скорее, он соотносит время повседневности со временем иного масштаба – временем существования Вселенной. Выход за пределы повседневности дает герою Макьюэна, возможность по-новому осмыслить себя и свое место в мире. Встреча предсказуемой повседневности с непредсказуемостью большого мира становится у Макьюэна сюжетобразующим фактором, композиционным стержнем и принципом характеристики персонажей романа «Невыносимая любовь».

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. Т.1. М., 1986.
Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.
Макьюэн И. Невыносимая любовь. М., 2007.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005.
Рикер П. Творческие возможности языка // Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002.
Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности

(Методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. Т.2. М., 2000.

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. СПб., 1997.

Шапинская Е.Н. Критическая концепция повседневности П. Лефевра // Полигнозис. 2009. № 2 (35).

Шихардин Н.В. Концепция повседневности в неомарксизме А.Лефевра // Вестник ВолГУ. Сер. 7. 2008. № 1.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Derrida J. Violence and Metaphysics // Writing and Difference. L., 1978; Golding W. The Rites of Passage. L., 1980.

Lefebvre H. Everyday Life in Modern World. N. Y., 1961.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Поступила в редакцию 30.03.2011.

N.L. Potanina

MAN FACING EVERYDAY LIFE, OR «UNBEARABLE LOVE» (ON THE EPONYMOUS NOVEL BY I. McEwan)

The article analyses the conceptual field of the problem of everyday life, tests literary perspective of its interpretation, determines the methods of its artistic comprehension and functionality of the novel by I. McEwan, one of the greatest English writers of the XX - XXI centuries.

Keywords: everyday life, privacy, modernity, construction of the plot, novel, McEwan.

ПОЭТИКА АНГЛИЙСКОГО ДОМА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОМАНЕ АГАТЫ КРИСТИ «УБИЙСТВО РОДЖЕРА ЭКРОЙДА»

А.Н.Чеканова

Убийство Роджера Экройда («The Murder of Roger Ackroyd», 1926) был шестым опубликованным романом Агаты Кристи. Его появление привлекло внимание миллионов читателей и принесло автору мировую славу. Как известно, Агата Кристи – блистательный мастер английского детектива, тонкого, умного, увлекательного, изящного и при этом безупречно нравственного. Немалую роль в создании такой особой атмосферы детективов А.Кристи играет тихая повседневность «английской деревни», на фоне которой разворачивается действие [Zembov 2008: 42]. Однако необходимо сразу подчеркнуть, что этот фон активен. Не случайно так много внимания автор уделяет повседневным бытовым обстоятельствам, с которыми мастерски совмещаются зловеще-хитроумные интриги преступников.

В данной статье рассматривается художественная рефлексия тех пространственных параметров, которые считаются традиционными для провинциального английского дома. В жизни самой Агаты Кристи родной дом играл огромную роль. Самый дорогой ее сердцу дом описан в воспоминаниях знаменитой писательницы – усадьба «Эшфилд» в Торки. Поэтический образ этого уникального образца английской провинциальной культуры стал концентрированным выражением всей Англии, какой ее знала и любила Агата Кристи. Это Англия зажиточных домов и буйно цветущих садов, салонов с угловыми диванами и забытых книгами библиотек, жарких кухонь и утопающих в садах веранд. Эта Англия богата не только национальными традициями, но и своим колониальным прошлым: фарфор, шелка, расшитые ковры, навощенная мебель наполняют ее комнаты [Бушардо 2001: 29].

«Убийство Роджера Экройда» стал первым романом Агаты Кристи, где местом действия служит тихая деревня Кингз-Эббот. Характеристика, которую дает ей доктор Шеппард, актуализирует тему привычной, обыкновенной, ежедневной жизни -

В статье рассматриваются национально значимые характеристики английского дома, устанавливается их роль в создании художественного образа повседневности как сюжетообразующего фактора детективов А.Кристи.

Ключевые слова: А.Кристи, детектив, поэтика, английский дом, повседневность, приватность, преступление, свобода личности.

тему повседневности: «Наша деревня Кингс-Эббот – самая обыкновенная деревня. Наш город – Кранчестер - расположен в девяти милях. У нас большая железнодорожная станция, маленькая почта и два конкурирующих универсальных магазина» [Кристи 2009: 11]. В романе не указано, в какой части Англии располагается это место, что, по-видимому, свидетельствует об обобщающем характере локуса повседневности. Жизнь английской провинции течет день за днем, почти не нарушаема скольконибудь заметными событиями. Потому вполне объяснимо, что ее жители очень заинтересованы в подробностях частной жизни друг друга. Одним из немногих источников информации (и одновременно – развлечений) для этих персонажей романа А.Кристи служат сплетни о том, что происходит внутри домов. Тем самым локус дома и его повседневность становятся сюжетообразующим фактором романа. В деревне, изображенной А.Кристи, выделяются два «важных» дома, принадлежащих богатым жителям. Один из них «Папоротники» - дом Роджера Экройда, который характеризуется как «образчик деревенского сквайра» [Кристи 2009: 12]. Другой - «Королевская лужайка» - дом миссис Феррар, богатой вдовы. Этот дом не опи-

сывается подробно, так как события романа развиваются уже после смерти его хозяйки. Действие романа разворачивается в трех значимых домах: ранее упоминавшихся «Папоротниках»; доме, где проживает Эркюль Пуаро («Лиственница»), и доме доктора Шеппарда и его сестры Каролины.

Образ дома у Агата Кристи складывается из пространственных характеристик, деталей повседневной жизни персонажей и их действий. Пространственные характеристики дома подчеркивают условия и содержание повседневной жизни. Наиболее детально пространственные характеристики представлены в образе дома «Папоротники». В романе дается подробное описание интерьера дома. Нижний этаж включает бильярдную, гостиную, столовую, кабинет, холл. Небольшая лестница ведет к спальне Роджера Экройда на верхнем этаже. Отдаленность спальни хозяина и его кабинета от бильярдной и спальни дам свидетельствует о стремлении англичанина к сохранению личного пространства и приватности даже в собственном доме. «Прежде была дверь в верхний коридор, но мистер Экرويد приказал ее заложить. Ему нравилось чувствовать, что его личные комнаты отгорожены от остального дома» [Кристи 2009: 65]. Двери в доме, в том числе и комната Роджера, закрываются на ключ, что подтверждает желание героя уединиться.

Важной частью жилого пространства англичан является прилегающая к дому территория. Англичане уделяют большое внимание оформлению садов и лужаек, что тоже отражается в конструировании образа повседневности у Агаты Кристи: «Мы прошли по тропинке вдоль живой изгороди из тиса, мимо цветочных клумб. Тропинка вилась вверх по лесистому склону холма; на вершине его была небольшая вырубка, и там стояла скамейка, откуда открывался великолепный вид на нашу деревеньку и на пруд внизу, в котором плавали золотые рыбки» [Кристи 2009: 113]. Эркюль Пуаро восхищается красотой Англии и замечает любовь англичан к свежему воздуху. Сам Пуаро, уйдя на покой и поселившись в Англии, выращивает тыквы.

В одной из глав романа представлен подробный план нижнего этажа дома Экройда и кабинета хозяина. Кабинет является важным местом в повседневной сфере героев романа. «Этот кабинет очень уютен: книжные шкафы по стенам, большие кожаные кресла, письменный стол у окна с аккуратными стопками бумаг, круглый стол с журналами и газетами» [Кристи 2009: 43]. Большое количество книг, стопки бумаг, наличие письменного стола указывают на то, что повседневность хозяина включает в себя выполнение важных дел, как личного, так и

общественного характера. Здесь же обычно ведется прием посетителей. Но одновременно кабинет является и местом уединения для мистера Экройда, поэтому он должен быть уютным и удобным. Особое место в пространстве кабинета занимает камин. Вокруг камина располагается несколько кресел. Это тоже дань традиции, обусловленной склонностью англичан к уединенному размышлению. Камин – неотъемлемая часть английской повседневности, средоточие домашней жизни, домашний очаг англичанина.

Пространственные характеристики английского дома складываются не только из описания самого здания, расстановки мебели, но и из мелких деталей интерьера, которые являются частью сферы повседневности. Известное увлечение англичан антиквариатом и всем, что связано со стариной, отражено Агатой Кристи в романе. Старинный фарфор и гравюры украшают гостиную Роджера Экройда. Примечательной деталью его гостиной становится витрина с редкостями: «Я подошел к столику и стал рассматривать, что там лежало. Я увидел несколько серебряных предметов, детский башмачок Карла Первого, китайские статуэтки из нефрита и разнообразные африканские диковинки» [Кристи 2009: 38]. Коллекции импортных товаров не только подчеркивают состоятельность хозяина, придают дому обаяние и уют, но и служат напоминанием о бурных временах имперского строительства, когда в Англию хлынул поток экзотических колониальных товаров. Горделивое сознание причастности к империи, «над которой никогда не заходит солнце», давно стало частью обыденного сознания англичанина, его “everyday life”. Еще одна деталь повседневности, акцентирующая ее стабильность, ее ровное, редко нарушаемое течение – наличие комнатных цветов: «...Я зашла сюда проверить цветы в вазах» [Кристи 2009: 37], – говорит героиня. (Речь идет о чудных ирисах, которыми восторгается Эркюль Пуаро).

Увлечение англичан охотой проявляется в присутствии в интерьере охотничьих трофеев, например, «гигантской [оленьей – А.Ч.] головы с на редкость ветвистыми рогами, гипнотизирующей вас в прихожей» [Кристи 2009: 41].

Помимо всего прочего, интерьер дома в романе Агата Кристи отражает динамику повседневной жизни англичан. Описанный здесь вечер игры в маджонг служит хорошим примером развлечений среднего класса. Безумное увлечение этой игрой было характерно для 20-х годов прошлого века, но не продлилось долго. Доктор Шеппард и его сестра приглашают друзей на игру в свой дом для вечерней беседы и обмена слухами [Zemboj 2008: 42].

В романе есть и упоминание о появлении такой важной детали повседневной жизни, как телефон. Все эти приметы домашней повседневности имеют особое значение в сюжете романа А.Кристи, отнюдь не исчерпывающееся декоративной функцией.

Характеристики английского дома выполняют в романе следующие функции: они служат материальным выражением общих национальных приоритетов, специфики отдельных человеческих типов и жизненного уклада персонажей; участвуют в изображении места детективного действия, а главное - акцентируют контраст между нормой (мирная повседневность) и ее нарушением (преступление).

Отражая типичные для национальной культуры характеристики английского дома, А.Кристи трактует его как фундаментальную сферу человеческой жизни. Пространство дома соотносено в сознании автора с такими базовыми ценностями английской культуры, как приватность и свобода личности, реализуемыми в мирном течении домашней повседневности.

Литература

Бушардо Ю. Агата Кристи как она есть. М., 2001.
Кристи А. Убийство Роджера Экройда. М., 2009.
Zemboj J. The detective novels of Agatha Christie: a reader's guide. Jefferson, N.C., 2008.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Поступила в редакцию 10.04.2011.

A.N. Chekanova

THE POETICS OF THE ENGLISH HOUSE AND ARTISTIC REFLECTION OF EVERYDAY LIFE IN THE NOVEL BY AGATHA CHRISTIE «THE MUR- DER OF ROGER ACKROYD»

The article considers nationally significant features of the English house, sets their role in the creation of artistic image of everyday life as a plot-making factor of A. Christie's detective stories.

Keywords: A. Christie, detective story, poetics, English house, everyday life, privacy, crime, freedom of the individual.

3. Проблемы лингвистической регионалистики

СУДЬБА КАК ВРЕМЯ: О ТЕМПОРАЛЬНОМ АСПЕКТЕ РУС. АВОСЬ*

Е.Л. Березович

Словечко *авось* осознается как ключевое слово русской языковой культуры не только филологами и культурологами, но и наивными носителями языка (ср. хотя бы устойчивое сочетание *русский авось*, пословицы вроде *Русак на авось и взрос; Русский Бог – авось, небось да как-нибудь* [Даль 1955 I, 3; IV, 114]. Словарями современного литературного языка слово квалифицируется как разговорная частица со значением ‘может быть’, которая субстантивируется во фразеологизме *на авось* ‘в надежде на случайную удачу; на удачу’ [СРЯ: I, 21].

Это слово не могло не привлечь к себе внимания историков языка, которые едины в том, что лексема *авось* представляет собой комплекс из трех «склеившихся» элементов. Элементы такого типа Т.М. Николаева предлагает называть *партикулами*, понимая под этим термином «частички» слов из коммуникативного фонда языка (к последнему относятся частицы, местоимения, местоименные наречия и т.п.), которые повторяются в составе этих слов и тяготеют к образованию комплексов по правилам своеобразного «порождающего конструктора»: *та+м(ь)*, *къ+то*, *а+же* и т.п. [Николаева 2003: 448–449]; содержательно все партикулы в той или иной степени связаны с категорией определенности / неопределенности [Там же: 463, 465]. «Партикулярный» состав слова *авось* в самом первом грубом приближении, исходя из современного облика лексемы, выглядит так: **а+(в)о+сь**. Соглашаясь с необходимостью такого деления, этимологи расходятся в решении двух вопросов: о происхождении второго элемента (*во* из местоимения *ово* в результате стяжения при комбинировании с союзом *а* или *в*

В статье дается историко-этимологический анализ слова *авось*, которое осознается носителями языка как ключевое слово русской языковой культуры. Обращаясь к материалу русских говоров, автор убедительно демонстрирует те смысловые звенья, которые служат переходными ступенями от пространственного или временного значения *авось* к субъективно-модальному значению.

Ключевые слова: русская языковая культура, диалекты, *авось*.

как вставной элемент перед предлогом *о*) и о семантике третьего (несомненно, что перед нами указательное местоимение *сь*, однако можно ли более точно реконструировать семантику этого дейктического слова для данного случая?).

Из этимологических словарей наиболее полно описывает изучаемую лексему словарь под редакцией Н.М. Шанского: «Собственно русское. В памятниках по ССРЛЯ встречается с XVI в. в форме *авосе*. Старое *авосе* (> *авось* в результате отпадения конечного безударного гласного; ср. *там*, *дойой* и т.д.) возникло, очевидно, с помощью лексико-синтаксического способа словообразования в результате сращения в одно слово союза *а* и указательной частицы *осе* ‘вот’ (между *а* и *о* появилось затем

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

интервокальное *в*). Такое объяснение высказывал еще Буслаев, а затем Соболевский, Грот, недавно Фасмер. Менее вероятным по словообразовательно-семантическим причинам кажется объяснение слова *авось* как сращения союза *а* с указательными местоимениями *ово* 'то' и *се* 'это' (Zubatý, Преображенский). Совершенно неправильно объяснение *авось* как производного типа *вечорось* от *ово* 'то' (Шимкевич) и как сращения союза *а* и «указательных местоимений» места и времени *во* 'вот' и *се* 'сейчас' (Даль)» [Этимологический словарь русского языка 1963: 30]. Версия о том, что базовой для *авось* является указательная частица *осе* 'вот', поддерживается в [Черных 2002: I, 25; Фасмер 1964-1973: I, 59].

Специальные работы посвятили истории этого слова Е.С. Отин и В.М. Мокиенко. По мнению Е.С. Отина, первоначальное значение словосочетания *а вose* было локативным и представляло собой указание на что-то такое, что находится невдалеке. Логику дальнейшего семантического развития можно представить следующим образом: 'вот' ® 'вот оно!' ® 'вдруг' ® 'если' ® 'может быть' [Отин 1983: 121]. К сожалению, контексты, подтверждающие промежуточные ступеньки семантического развития, практически отсутствуют: «памятники письменности не донесли до нас тех синтаксических построений, в условиях которых протекал данный процесс [развития субъективно-модального значения. – Е.Б.]. "Кристаллизация" этого значения происходила в живой разговорной речи, которая, как известно, в памятниках письменности отражена крайне скудно» [Там же: 120].

В.М. Мокиенко тоже признает некоторую «подвешенность» семантической реконструкции *авось*, избирающей в качестве отправной точки локативное значение (*о*)сь, и говорит об отсутствии следов смыслового и стилистического «скачка» в письменных источниках [Мокиенко 2003: 11]. Он сочувственно вспоминает предположение В.И. Даля (высказанное в словарной статье *авось* [Даль 1955: I, 3]), который «читал» слово *а-во-се* как «**а вот, сейчас**», т.е. придавал ему и пространственное, и временное значение (эту же версию, базирующуюся на предположении Даля, В.М. Мокиенко приводит в [ФРР: 46].) «Указательная частица со значением 'вот', конкретизируясь в 'вот оно [самое ближайшее от меня]', постепенно сплавлялась с ассоциациями о быстром, моментальном предоставлении кому-либо этого "оно". Так *авось* стало обозначать и 'вдруг', и 'если', и – 'может быть'» [Мокиенко 2003: 11]. Добавим, что в другом месте, в статье *вose, вoсь, вoсь*, Даль более

определенно высказывается в пользу временной семантики *авось*: «Из *вose, вoсь* с передовым *ну, а* как выражением нечаянности образовалось наречие настоящего времени *ну-вose* и наречие будущего времени *авосе, авось*; привески же конечные к наречиям *вose, вoсь* как *вось-этто, вoсейко* и пр. все относятся к прошлому времени» [Даль 1955: I, 246].

Фактически никто из перечисленных выше авторов словарей и исследователей, специально занимавшихся словом *авось*, не вспоминает версию А.А. Потевни. Потевня мельком упоминается только Фасмером в ряду тех ученых, которые, по его мнению, недостаточно убедительно объясняют изучаемое слово из *а-ово-се [Фасмер 1964-1973: I, 59]. Идею Потевни воскрешает В.В. Виноградов в кратком наброске, который не был окончательно подготовлен автором для печати: «Потевня наметил вехи [...] того пути, каким пришли к роли модальных частиц и союзов некоторые указательно-местоименные слова. Так, по его мнению, из непосредственного местоименного указания на будущее событие (*во-се, а-во-се* 'только что, недавно') произошло *авось* (из *а-во-се*) как 'знак вероятности'» [Виноградов 1999: 824]. В.В. Виноградов отмечает также (вслед за Потевней), что «сходным образом развивались условные и временные значения в только. Первоначально в только заключалось указание на недавнее или наличное, которое принимается за основание другого события. А отсюда затем возникает условие и значение обусловленности во временной последовательности» [Виноградов 1999: 824]. Действительно, А.А. Потевня указывал: «И подобно тому, как из великорусского *авосе* как **указания на будущее событие** [выделено нами. – Е.Б.] произошло *авось* как знак вероятности, так из *се, осе, а се* как указания на недавнее или наличное произошло *се* и пр. = если» [Потевня 1958: 294]. Однако в работе Потевни не приводятся контексты, подтверждающие первичную «временную» семантику *авось*.

Таким образом, если принять поддерживаемую большинством этимологов «раскладку» *авось* < **а+ось* (далее *ось* = *о+сь*) со вставным *в*, то этимологии *авось* не хватает небольшого штриха, который помог бы уточнить первоначальную семантику указательного *ось*. Думается, что в поисках проясняющих дело контекстов следует обратиться к русским народным говорам: как было указано выше, слово *авось* изначально циркулировало преимущественно не в книжной среде, а в народной речевой стихии (ср. хотя бы помету *простонар.* в

[САР: I, 5] и *прост.* в [СРЯ XVIII в.: I, 17]); возможно, говоры сохраняют какие-то смысловые звенья, служащие переходными ступенями от пространственного или временного значения к субъективно-модальному.

Работая в августе 2004 года на территории Кадыйского района Костромской области, сотрудники топонимической экспедиции Уральского университета (в которой принимал участие и автор настоящей заметки) записали около тридцати контекстов, иллюстрирующих употребление наречия *вось* и пути перехода его в *авось*. Приведем их с первичным разделением на три смысловые группы, тесно взаимосвязанные и взаимодействующие друг с другом:

‘в ближайшем, обозримом будущем, вскоре’: *Стоят тамока деревеньки, а вось и они нарушатся* (Столпино); *Сегодня одно посеют, вось другое* (Ковалево); *Вось картошку на семена соберём; вот и зовём «вось», а не «нынче»* (Меленки); *Вось – это на будущишо, или завтра, или послезавтра, вось это сделаю* (Чапыги); *Сейчас некогда, вось, ладно, сделаем* (Льгово); *Хмара была, а вось ободняет* (Новый Курдюм); *Сыпется звёстка, а вось и потолок обвалится* (Завражье); *Вось, говорят, вось что-то будет* (Селище);

‘в более отдаленном будущем (с регулярной конкретизацией – в следующем году)’: *Вось – на будущишый год, вось Пашка пойдёт в школу, вось будет ему семь лет* (Завражье); *Вось кошке уж будёт десять лет* (Ведрово); *Нынче надо копать, чтобы вось травой не заросло* (Паньково); *Вось относится к году, или говорят «в будущем году», или «вось»* (Завражье); *Вось уж поеду к дочке жить, в две тыши пятом году* (Починок); *Сейгод не было сына, а вось навестит, обещал* (Котлово); *Не привезли сейгод дров от сельсовета, а вось привезут* (Мужичковская); *Вось будёт в две тыши пятом году* (Паньково); *Вось яблоньку новую посажу* (Паньково); *Сейгод есь яблоки, а вось яблоков не будёт* (Завражье); *Нынче картошка не уродилась, а вось уродится, в две тыши пятом году; вось-то значит «в будущишом году»* (Завражье); *Картошка сгнила – вось уродится, скажом* (Столпино); *Подумала – так вось уж сделаю, на будущишый год значит* (Починок); *Нынче не выросла картошка, вось вырастет* (Паньково); а **на вось ‘на следующий год’:** *На вось посеём в полё, на вось, на будущишое оставим; на вось – на будущишый год* (Завражье);

‘в неопределенном будущем, неизвестно когда’: *Вось это будет ешшё, картошка не уродилась, ладно, вось может уродиться* (Паньково); *Вось ешшё что-то будёт, нонь-ту нет, а*

вось будёт (Завражье); *Нонь глупой ешшё, а вось, можот, поучится, поумнеёт* (Новый Курдюм); *Нынч живёшь, а вось, можот, я поеду хоть в город, соберусь куды* (Завражье); *Вот оно идёт, нынче, а вось – это будущее, может, через год, может, завтра, может, через месяц* (Паньково); а **на вось ‘на неопределенное будущее’:** *Кончай роботу, на вось не отлаживай* (Ивановская).

Как видим, контексты демонстрируют разные стадии перехода от собственно временного значения к субъективно-модальному. Исходным звеном для развития семантики является, по всей видимости, значение ‘в ближайшем, обозримом будущем, вскоре’; его можно передать разговорным *вот-вот*, демонстрирующим обратимость локативных и темпоральных смыслов. Значение ближайшего будущего «перетекает» в значение будущего отдаленного, причем в изучаемой группе говором оно получает конкретизацию – ‘в следующем году’; последняя недвусмысленно обнаруживается в контекстах вроде *вось будет ему семь лет, нынче надо копать, чтобы вось травой не заросло*. Эта конкретизация в известной степени случайна: вполне вероятно, что в другой диалектной микросистеме вместо значения ‘в следующем году’ может появиться ‘на следующей неделе’, ‘в следующем месяце’ и т.п.; однако, думается, что факт именно такой конкретизации в какой-то мере объясняется тем, что в синхронной системе говора наречная форма *вось* «подверстывается» в ряд форм типа *летось, осенесь, зимусь* и т.п., имеющих «сезонную» семантику (подробнее о них см. ниже). Затем происходит постепенное стирание временной определенности, приводящее к значению ‘в неопределенном будущем, неизвестно когда’. Понятно, что от последнего значения «рукой подать» до ‘может быть, возможно’¹ (не случайно в некоторых контекстах *вось* и *может* выступают как дополняющие друг друга партнеры (*нынч живёшь, а вось, можот, я поеду хоть в город, соберусь куды*). О теснейшей связи семантики будущего времени с семантикой возможного говорит множество фактов, ср. хотя бы наблюдаемую во многих языках генетическую общность форм будущего времени и сослагательного наклонения; если говорить о параллелях в области наречной семантики, то можно вспомнить, к примеру, арх., влг. *на прук* ‘на следующий год, в будущем году’ (ср. также *на прок* ‘на следующий год’, ‘в следующий раз’ [СРНГ 32: 151]) и влг. *нбпрок* ‘возможно, наверное’ [КСГРС].

Симптоматично, что наречие *вось* в костромских записях тяготеет к употреблению в составе

противительных конструкций с союзом *а*, подчиняющихся логике «сейчас (в этом году) происходит то-то, а в будущем году (вскоре, в неопределенном будущем) случится то-то». Эти конструкции фиксируют живые речевые условия, в которых произошло сращение *а* и *вось*.оборот *на вось* ‘на следующий год; на неопределенное будущее’, встретившийся в наших записях, может считаться смысловым и структурным предшественником литературного *на авось* (ср. особенно контексты вроде *кончай роботу, на вось не отлаживай*).

Семантика будущего времени у наречий *вось* и *восе* фиксируется также в СРНГ и ЯОС (правда, фиксации слабо подтверждены контекстами). Ср. *вось*: нижегор. ‘в скором времени, скоро’ (*Вось пахать станем*) // костр. ‘через некоторое время; через довольно большой промежуток времени’ (*Поеду вось в город – привезу гостинца тебе*) // костр., нижегор. ‘в будущем году’ [СРНГ: V, 153; ЯОС III, 40]; *вусе*: нижегор. ‘в скором времени, скоро’ (*Ну восе отец приехал*); *восевосе*: олон. ‘в скором времени, скоро’ (*Восевосе приедет он*) [СРНГ: V, 130].

Гораздо чаще наречие *вось* и многочисленные варианты обозначают ближайший к моменту речи отрезок времени прошедшего, приведем некоторые примеры (представление всего материала было бы слишком громоздким):

‘недавно, несколько часов назад’: влад., казан., сарат., симб., тамб. *восййка, восййко*; арх., вят., перм. *восйт, восйть*; влад., пенз., ряз. *вось* [СРНГ: V, 131–132, 153],

‘недавно, на днях; некоторое, неопределенное время тому назад’ (возможны уточнения: ‘давеча, вчера вечером’, ‘третьего дня, позавчера’ и т.п.): пенз., ряз., сарат., тамб. *восйичка*; влад. *восйишко*; нижегор., казан. *восй*; влад., пенз., ряз., тамб. *восйй*; астрах., Баш. АССР, ворон., казан., костр., нижегор., оренб., пенз., ряз., самар., сарат., свердл., симб., тамб., челяб. *восййка, восййко*; влад., оренб, ряз., сарат., симб. *восййки*; перм. *восййта*; арх., влг., вят., казан., краснояр., оренб., перм., свердл., сиб., тул., челяб. *вусет, восйт, вусеть, восйть*; влад., пенз., ряз. *вось* [СРНГ V, 130–132, 153];

‘не очень давно’: влад. *восйиц* [СРНГ: V, 131];

‘давно’: тамб., тул. *восйй, куйбыш. восййк*; казан., симб. *восййка, восййко*; казан. *восййта*; вят. *восйть* [СРНГ: V, 131–132] и т.п.

Таким образом, семантика недавнего прошлого оказывается для *вося* более устойчивой и распространенной, чем семантика близкого будущего. Можно думать, что она и была пер-

воначальной, а идея будущего появилась в результате «симметричного переноса» вокруг такой оси, как момент речи.

Если обратиться к системно-языковым параллелям, то следует вспомнить, что временное наречие *вось* вписывается в обширный ряд других диалектных наречий с темпоральной семантикой на *-сь*: *лонись, летось, зимусь, осенесь, веснусь, утрось, оновдась, коеваднесь* etc. (эти или подобные слова присутствуют в любом диалектном словаре русского языка, поэтому приводим их без паспортизации). Разумеется, такие наречия фиксируются не только в говорах, однако диалектная среда становится для них наиболее продуктивной в силу своего сугубо разговорного характера (а эти слова подчеркивают связь действия с моментом речи). Все они наиболее охотно развивают именно «ретроспективные» значения: ‘прошлым (прошедшим) летом, зимой, осенью, утром, днем, вечером, на днях’ и т.п. При этом иногда наблюдается такой же, как в случае с *авось*, симметричный перенос с прошлого на будущее, ср., к примеру, контексты, записанные в архангельских говорах: *Валя выйдет летось из армии; Летось повези меня в Москву; Зимось волка изловим; А я утрось сварю* [Первухина 2002: 382, 366, 521–522] и т.п.; ср. также само за себя говорящее кольск. *збвтресь* ‘завтра’ [СРНГ: IX, 345]. Очевидно, грамотнее было бы говорить не о переносе, а о том, что соответствующие наречия выражают значение ‘этим летом, этой зимой, этим утром и т.п.’, которое является нейтральным в плане ретроспективно-проспективных отношений в системе языка и получает конкретизацию в акте речи – после события или до него. Очевидно и то, что такая дейктическая семантика является очень эфемерной – и легко выветривается, становясь просто знаком темпорального наречия (у последнего остается лишь базовое значение ‘весной, осенью, вчера и т.п.’).

Вернемся к нашему *авосю*. Приведенный в этой заметке диалектный материал позволяет, по крайней мере, «реанимировать» версию о первичном темпоральном наполнении лексемы (*вось*), на базе которой формируется *авось* (естественно, мы в данном случае говорим не о всех значениях слова *вось*, среди которых есть и локативные, а только о том значении, которое стало производящим в интересующем нас случае). Данное слово было фактом темпорального дейксиса и содержало указание на близкий к моменту речи период времени. Если взять за основу временную семантику, то логика смыслового развития выглядит так: **‘в недалекий от момента речи период времени’** ® **‘через неко-**

торое время в будущем (возможны конкретизации: через год) ® ‘возможно, быть может’. Преобразование *вося* в *авось* происходило, вероятнее всего, при употреблении противительных конструкций, когда актуальная ситуация противопоставляется ситуации возможной («сейчас так-то, а *вося* будет по-другому»). Неопределенность того момента в будущем, когда случатся прогнозируемые *авосем* события, становится одним из факторов, провоцирующих появление у *авося* современной семантики и соответствующих коннотаций. Кстати, «русскость» *авося* (т.е. закономерность наделения его эпитетом *русский*) подчеркивается и поддерживается закрепленным в системе языка представлением о неопределенности сроков исполнения обещаний, которые дают русские: *русский час* ‘невесть сколько’ [Даль 1955: IV, 114], *русский час – с днем тридцать* [ПРН: II, 19] (ср. *московский час; подожди с московский час* (от русской поговорки *сейчас*) [ПРН: II, 18]). Проспективно-темпоральная семантика *вося* фиксируется преимущественно в зоне Поволжья – можно предполагать, что именно из этих говоров слово *авось* попало в литературный язык.

Литература

- Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997 [в тексте статьи – ФРР].
Мокиенко В.М. Русский Авось: бог или случай? // Мокиенко В.М. Почему так говорят?: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2003.
Николаева Т.М. Пространство славянских партикул // Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003.
Отин Е.С. А вося, авось и авоськать // Русская речь. 1983. № 4.
Первухина Е.В. Наречия времени и пространства в архангельских говорах (семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 3 т. М., 1993 [в тексте статьи – ПРН].

- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II.
Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. М., 2001. Т. 1 [в тексте статьи – САР].
Словарь русских народных говоров. М., Л., 1965. Вып. 1 [в тексте статьи – СРНГ].
Словарь русского языка: в 4 т. М., 1999 [в тексте статьи – СРЯ].
Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1 [в тексте статьи – СРЯ XVIII в.].
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2002.
Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н.М. Шанского. М., 1963. Т. 1–.
Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10 [в тексте статьи – ЯОС].

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет»
Поступила в редакцию 1. 04. 2011 г.

E.L. Berezovich

Fate as the time: about temporal aspect of Russian *Avos*

The article gives a historical and etymological analysis of the word *avos*, which is recognized by native speakers as the keyword of the Russian language culture. Referring to the material of Russian dialects, the author convincingly shows the semantic links, which serve as transitional stages from the spatial or temporal meaning of the *avos* to the subjectively-modal value.

Keywords: Russian language culture, dialects, *avos*.

Примечания

1. Ср. диалектное *вося* в значении ‘авось’: влг., костр., новг. *вося* ‘может быть, авось’ (*Вось со мной и погугорит*) [СРНГ: V, 5 153], влад. *навось* ‘на авось, наугад’ [СРНГ: XIX, 185]; *вося* ‘может быть, видимо’ (*Вось, придется покупать*) [ЯОС; III, 40].

СЛАВЯНСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ СНОВ И ГАДАНИЙ С ИНСЕКТАЛЬНЫМИ МОТИВАМИ*

Ю.А. Кривошапова

В ряду образов, «толкуемых» в сновидениях, у славян достаточно широко распространены образы различных насекомых. Семантический потенциал энтомологических сновиденческих образов достаточно ограничен, он опирается, в основном, на два характеризующих признака этих животных, а именно хтоническую природу (связь с подземным миром, следовательно, с миром мертвых) и признак множественности, который порождает мотивы достатка, плодородия и размножения. Именно эти характеристики насекомых (связь с миром мертвых) и множественность (плодовитость) обеспечивают амбивалентность прогностической интерпретации энтомологических образов: с одной стороны, появление во сне насекомых расценивается положительно (позитивная символика) в качестве предвестия счастья, богатства, приплода скота и проч., с другой стороны, прогностическая сила энтомологических образов может трактоваться отрицательно (негативная символика) – тогда насекомые становятся знаком приближающихся несчастий: беды, пожара, болезни и смерти.

В нашей статье мы ставим перед собой цель охарактеризовать семиотическое пространство энтомологических сновидений, опираясь на тексты снотолкований и подкрепляя их гаданиями, поверьями, приметами и другими прогностическими жанрами, выделить основные мотивы интерпретаций образов насекомых. Сбор материала производился в рамках восточнославянской (полеской, русской) и западнославянской (польской) народной традиции и представляет собой клишированные тексты снотолкований, гадания, приметы, поверья и некоторые обрядовые манипуляции. Все эти жанры объединяет бинарная структура, подразумевающая наличие символа (образа) и его интерпретации. Польские толкования снов извлечены из книги Станиславы Небжеговской «Polski sennik ludowy», в качестве источников восточнославянских снотолкований были использованы мате-

Статья посвящена характеристике семиотического пространства энтомологических сновидений и опирается на широкий круг текстов снотолкований, гаданий и других прогностических жанров, бытующих в восточнославянской (полеской, русской) и западнославянской (польской) народной традиции.

Ключевые слова: традиционная картина мира, система энтомологических образов и их интерпретация в прогностических жанрах.

риалы базы данных Полесского архива отдела этнолингвистики и фольклора РАН, материалы базы данных Каргапольского архива лаборатории фольклора РГГУ, этнографической картотеки Топономической экспедиции Уральского университета. В качестве фоновой поддержки использовались данные этнографических и фольклорных сборников. В ряде случаев приводятся языковые факты, которые коррелируют с мотивами, выделенными на базе невербальной народной традиции, и дополняют общую картину, отражая процессы взаимодействия языка и культуры.

Позитивная символика

Основным свойством насекомых следует считать многочисленность, которая является результатом их невероятной плодовитости. В прогностических интерпретациях сновидений эти характеристики легко трансформируются в символы счастья и богатства (изобилия), которое проявляется в нескольких ипостасях: материальный (в том числе денежный) достаток, стабильный приплод скота, репродуктивная функция человека (размножение), имплицитно представленная в святочных гаданиях на жениха.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Материальный достаток

Насекомые соотносятся с разного рода совокупностями мелких предметов, что является отражением представления об этих животных как неисчислимом множестве. В славянской народной традиции насекомые часто сопоставляются с зерном, деньгами, звездами, слезами и проч.: в белорусской загадке блоха загадывается как зерно: «Маленькое зернышко колоду верна», через пчел загадывают звезды в украинской загадке: «Яхав Яшка-семеряшка [месяц], а за ним бжолы гу-лю-лю», пчелы также в народных толкованиях снов символизируют дождь как множество капель и слезы: ср. общеслав. *пчелы во сне – к снегу, к дождю или к слезам* [подробнее см. Гура 1997]. В традицию сновидений из этого богатого списка проникают, в основном, только деньги, что, помимо идеи многочисленности предметов (монет), ср. укр. *написати жужалки 'дать медяков'* [Ужченко 2000: 78], подкрепляется рифмой *воши – гроши*.

У многих славян распространены «денежные» толкования энтомологических сновидений: рус. *вши во сне – деньги* [Валенцова 2002: 50], *вши во сне – деньги* [Садова 2003: 187], полес. *вошы – то будут богато грошы, вошы – то будут грошы* [Гура 2002: 76], *муравьи хорошо и к богатству* [БД КА], *тараканы – к богатству* (волог.) [ЭК ТЭ], *тараканы, как и вши, снятся к деньгам* [БД КА], *воши-гроши (ловить во сне вшей – к прибыли)* [БД ПА], польск. *много вшей – много денег* (*du o wszy - du o pieni dzy*) [PSL: 222], *вши – расход денег* (*wszy to 'wydatek pieni dzy'*) [PSL: 222], *пчелы снятся к деньгам* (*pszczo y to jest 'pieni dze'*) [PSL: 203], *черви снятся к деньгам* (*robaki to 'pieni dze'*) [PSL: 203]. Кроме того, мотив денег в связи со вшами и другими насекомыми представлен в различных приметах, поверьях и фольклорных текстах: рус. (влад., ряз., волог., арх.) «Черных тараканов не истребляют, поскольку считается, что они появляются к богатству, черные большие тараканы предвещают богатство» [Гура 1997: 422-423], тот же мотив присутствует во фразеологии, пословицах и поговорках: рус. *есть вошь, а будет и грош, богата, как вошь рогата, чужая вша за воротник не зализет, не разбогатеешь*, болг. *въшкав с (от) пари* (вшив от денег) [СД: 1, 448]. Ср. еще «При выборе места дома выкапывали ямку и через ночь смотрели, есть ли там какие-либо насекомые или черви, если есть – значит дом будет богатым, если нет – бедным» [БД ПА].

Приплод скота

Продолжением мотивов множественности и плодовитости можно считать поверья о том, что насекомые способствуют размножению домашней

скотины.

Большую роль в магии, направленной на стимулирование вода скота в хозяйстве играют обряды с использованием муравьев и муравейника: (смол.) «Один из младших членов семьи утром в Чистый четверг приносит из лесу муравьев, часть из них относит в хлев, “чтобы овечки и коровки плодились”, часть скармливается с овсом лошадям» [Журавлев 1994: 18-29], (полес.) «Когда выбираешь место для строительства хлева, надо принести из леса мурашек и посыпать ими на то место, где хочешь строить, если мурашки не расползаются, то место считается хорошим», (укр.) «В том месте, где находился муравейник, строить хату нельзя – “хвороба і смертність буде”, но это место рекомендуется для постройки скотных сараев: “прибыток скотни буде”» [Журавлев 1994: 18-19]. Встречаем использование муравейника для оберега и благополучия скота: «При закладке хлева приносили муравейник» [БД КА], «Муравейник приносят, чтобы плодилась скотина, говоря при этом: “Как мошары котятся, так скотинка плодись”» [БД КА]. Аналогично муравьям, влияние на плодовитость скота оказывают осы: «Осы соты считаются самым верным средством, чтобы водился скот» (яросл.), «Осье гнездо приносят из лесу, где найдут, и помещают во дворе, где найдут, и помещают во дворе, где живут овцы: “Водитесь, мои овцы, как эти осы”» (иркут.), «Осьи гнезда закапываются в навоз или вешаются в углах хлева» (костр.) [Журавлев 1994: 19].

«Энтомологические» ассоциации можно продолжить, обратившись к широко распространенным представлениям, связанным с тараканами. Присутствие в доме черных тараканов благоприятствует ведению в данном хозяйстве скота; напротив, их исчезновение или насильственное выведение влечет за собой прекращение вода. Приведем иллюстрацию Журавлева: «Есть поверье, что всех, до одного, тараканов нельзя вывести из дома. В каждом доме есть тараканья матка (таракан, ростом с теленка). Если вывести приговором из дома тараканью матку, то вскоре перемрет вся скотина в этом доме» (волог.) [Журавлев 1994: 19]. Со свойством тараканов способствовать воду скота связан запрет на истребление этих насекомых. Запрет уничтожать тараканов мотивируется чаще всего тем, что может неблагоприятно отразиться на скоте: «Черных тараканов не уничтожают, чтобы велась в доме скотина» (пенз.) [Гура 1997: 423].

Репродуктивность

Для насекомых характерна репродуктивная сепантика, которая обнаруживает себя в снотолкованиях, гаданиях и ритуалах изведения некоторых

насекомых. В снотолкованиях этот мотив звучит достаточно редко: (ровен.) *кому приснится рой, у того будет большая семья* [Гура 1997: 453], (полес.) *поймать рой* [во сне] – *родственники, увеличение семьи* [Валенцова 2002: 53], ср. в системе языка (блр.) *рой улавиць* ‘стать беременной (родить) вне брака’ [Коваль 1998: 37].

В большей степени символика репродуктивности проявляется в многочисленных святочных гаданиях на суженого-ряженого, активным участником которых является таракан: «Гадание с тараканом: кладут его в горшок и приговаривают: “Таракан, таракан, вези меня по деревням, по селам, по горам, привези меня к суженому”. Гадают на сон. Другой приговор: “Как этот таракан бегаёт, так и мне бегать у суженого в дому”» [МН: 247]. «В другом случае таракана клали в горшок и приговаривали: “Таракан, таракан, вези меня по деревням, селам, по горам, по городам, вези меня к суженому”» [ОП: I, 168], «Тараканов в коробочку клали, а потом под подушку, во снах что присниться, говорили: “Таракан, таракан, где мой суженый-ряженный”» [ЭК ТЭ] (волог.).

Негативная символика

Несчастье, беда

Появление насекомых в сновидениях часто трактуется как предвестие какой-либо неприятности, огорчения, заботы, вплоть до несчастья или трагедии: рус. *пчела – не к добру* [Валенцова 2002: 50], *ползущий по окну паук предвещает большое несчастье* [НОС: VII, 106], *тенота* [паутина] – *не к добру* (волог.) [ЭК ТЭ], *черный таракан не к добру* (волог.) [ЭК ТЭ], *бросаются вши в голову – перед бедой* [Садова 2003: 119], польск. *вши – что-то недоброе, беда* (*wszy – ‘co niedobrego’, ‘bieda’*) [PSL: 222], *мухи – что-то недоброе* (*muchy – ‘co niedobrego’*) [PSL: 187], *пчелы – ссора, склока, неприятность, огорчение, забота* (*pszczo y – ‘k ytnia’, ‘przykro’, ‘zmartwienie’*) [PSL: 203], *черви – что-то недоброе, болезнь, большая забота, хлопоты, трагедия* (*robaki – ‘co niedobrego’, ‘choroba’, ‘wielki kopot’, ‘tragedia’*) [PSL: 203]. Очевидно, подобная символика обусловлена хтонической природой насекомых.

Болезнь

Насекомые часто сигнализируют о приближении болезни: польск. *вши и черви снятся к болезни* (*robaki – ‘choroba’, wszy – ‘choroba’*) [PSL: 203, 222], рус. *черный таракан* ‘вид насекомого’ «А черных тараканов и бить-то нельзя, они к деньгам водятся, а ежели их бить, то болезнь может пристать» [Малеча: 4, 237]. В языке семантическая связь насекомое – болезнь поддерживается функционированием номинативной модели *насе-*

комое болезнь, например, бабочку называют так же, как и лихорадку, *ворогушей* и опасаются незначай съест, ср. *ворогуша* ‘белая бабочка’ «Есть поверье у крестьян, что если кто такую бабочку съест с пищей, тот непременно получит лихорадку; она дрожит крыльями как в ознобе, когда она летит, крестятся, говоря: “Прости мне бог”, от ней детей предупреждают, чтобы они не ели ее, так как тогда случится с ними настоящая лихорадка» [СРНГ: 5, 108]. Ср. также калуж. *бабочка* ‘болезнь печени у овец’ «У афцаһ большы бабачки у печини бывають. Зарезали мы рас афцу, а у ней печинь такы шывилица, бабачки, гаварили. Ну пряма бабачки» [Журавлев 2001: 250]. Модель *животное болезнь* представляется архаичной, так как ментальным основанием для семантического перехода служат древнейшие представления о способности некоторых пресмыкающихся и насекомых проникать внутрь человека или животного и инициировать болезнь. «Жизненные силы» данной модели поддерживают не только древние поверья, но и реальные наблюдения за жизнедеятельностью соответствующих представителей фауны: так, некоторые черви (глисты) и насекомые (вши, блохи, клопы) действительно вступают в контакт с человеком или человеческим телом (трупные черви, муравьи).

Отметим, что по принципу от противного, насекомые могут использоваться в народной медицине при лечении различных заболеваний: вшей дают в хлебе (или питье) съесть больному желтухой (блр., укр., серб.) или лихорадкой (рус.), долго не выздоравливающему младенцу (житомир.), корове, когда у нее долго не выходит послед (рус. сибир.), гущулы для лечения желтухи дают больному отвар из девяти вшей [СД: 1, 448].

Пожар

Насекомые могут выступать в качестве предвестников пожара: рус. *сверчок по избе летает – к смерти либо к пожару* [Даль 1994: 926], *если тараканы уйдут – дом сгорит* [Садова 2003: 136], таракан может выступать в роли домашнего покровителя: *уходя из дома или переходя к другому хозяину, тараканы предупреждают о приближающемся пожаре* [Еремеев 1990: 39], (полес.) *пчолы* [во сне] – *то пожар, если рой лытыть; як пчолы* [во сне] *кусають, огонь, пожар бутымэ, пчолы – огонь будэ* [Гура 2002: 72], польск. *мухи и пчелы снятся к огню или пожару* (*muchy – ‘po ar’, pszczo y to b dzie ‘ogie’*) [PSL: 187, 203].

Думается, подобные представления изначально основывались на биологической «интуиции» некоторых насекомых (например, тараканов), благодаря которой они массово покидали жилище в

случае приближающейся катастрофы (в частности, пожара). Отметим, что для тараканов как особого вида насекомых характерны тотальные миграции, которые достаточно заметны для человека и служат своего рода предвестием приближающегося несчастья. Подобное поведение характеризует и пчел, которые также могут внезапно поменять место дислокации, вылетая всем роем. Кроме того, появление символики огня может быть связано со способностью пчел (и мух) кусаться, тем самым причиняя характерную боль (укусы насекомых сравниваются с ощущением ожога, ср. рус. диал. *ожугнуть, ожичь* 'укусить (о пчеле, осе)') [ДЭИС], польск. *piec, pali* 'причинять характерную боль, при которой появляется ощущение жжения на больном месте' [SJP: 659]. С другой стороны, связь пчел с огнем может объясняться тем, что они, изготавливая воск для свечей, чем зарабатывают особый богоугодный статус: русские называют пчелу *божьей угодницей* за то, что она дает воск на свечи [Даль 1994: 948], в Сербии пчелу тоже более всего почитают за восковые свечи, которые горят в церкви пред иконами [Гура 1997: 448], у поляков убить пчелу большой грех, потому что из ее воска делают свет в церкви [Krawczyk Tyрpa 2001: 105]. Ср. тот же мотив в русских загадках: *всех людей питает и церкви освещает* [Садовников: 150], *летела птаха мимо Божьего страха, ах, мое дело на огне сгорело* [Даль III: 1433], *летит птичка гоголе через божий теремок, сама себе говорит: «Моя сила горит!»* [Даль III: 1433]. Связь с огнем проявляется и у жука-олени. Лужичане считают, что жуков-оленей можно лишь сразу убивать, чтобы они не приползли в дом, но мучить их нельзя, иначе жук отомстит: принесет на своих рогах уголь и спалит дом [Гура 1997: 503]. С огнем связано название этого жука и у поляков, ср. *ogniczek* [Там же: 503].

Смерть

В исследованиях этнолингвистического характера достаточно подробно очерчена семантическая связь насекомых с подземным миром и пространством смерти [см. Гура 1997, СД 1, Терновская 1989, Толстая 2002 и др.]. Эти представления связаны, в первую очередь, с хтонической природой насекомых. Смертоносные свойства насекомых поддерживаются и вполне объективными явлениями, связанными с появлением червей и прочего гнуса на мертвом теле. Смерть предвещают следующие насекомые:

Бабочка

Представление о бабочке как о душе умершего метонимически порождает представление о ней как о предвещнице смерти: *бабочка залетит в дом*

– *умрет кто-то* [БД КА]. Распространенной жанровой формой данного представления являются широко бытующие на севере славянского ареала и опирающиеся на устойчивое поверье о том, что предки (умершие) появляются перед смертью, приметы типа: *як багата бабачек лециць у хату, то будзе дрэнно – нехто помрэ*. Эта разновидность текстов соприкасается с демонологической сферой: «Когда пролетит мимо огня ночная бабочка или моль, жители Жиздринского у. крестятся и говорят: “Ах, божа мой, смерточка, смерточка” (это не название бабочки, а провоцируемое ее воспоминание о смерти)» [Терновская 1989: 154]. Связь бабочки с мифологемой души, которая сопряжена с мотивом предка и смерти, порождает представления о том, что бабочка связана с миром «духов». Она может выступать как «дьявол», «чертовка», «баба Яга», «русалка», «мара» и т. п. (например, зап.-слав. *di-abel, ertica, jeñibaba, bohi a, mora*, мара, ю.-слав. *mara, samovila, kudlak, vampir*) [Терновская 1989: 155]. Ср. еще название бабочки, олицетворяющей смерть *мертвая голова* (*acherontia stropos*) [СД 1: 126], ср. также *попы поют над мертвыми, а клопы над живыми* [Танчук 1986: 123].

Вши

Вшивость (в отличие от «червивости») расценивалась в качестве неотъемлемого признака живого человека, ср. болг. *няма да бива човек без въшките* [СД 1: 447]. Полное же отсутствие вшей считалось признаком несчастья (укр.) или знаком скорой смерти (серб.). Вместе с тем у русских внезапное или обильное появление у человека вшей служило предвестием его смерти или какого-либо несчастья в семье. Если на покойнике (на лбу, лице, теле) появится вошь, значит, он праведник (волог.) и душа его попадет в рай (новгород.). Подобное поведение вши может обозначать, что покойник имел при жизни привычку выдергивать лен в головках (витеб.), крал семена льна (житомир.) (связь с мотивом множественности) [СД: 1, 448].

Муха

Муха предвещает покойника: рус. *мухи зимою в избе – к покойнику* [Даль 1994: 926], полес. *як мухи сниця – то мрэць* [покойник] [Гура 2002: 76]. Муха, как и бабочка, может воплощать собой душу человека, что, возможно, и связывает ее с темой смерти. Встречается поверье о душе, вылетающей из ведьмы в виде мухи [Гура 1997, 438]. Аналогичный рассказ записан в Харьковской губ.: «Муж заметил, как из уст жены во время сна вылетела золотая муха, и перевернул тело спящей; вернувшись, муха долго летала и не могла войти обратно, пока муж не вернул тело в прошлое положение» [Гура 1997: 438].

Оса

Оса может спровоцировать смерть животного: *восора 'оса'* «Лошадь как наступит на восору, так дыбом встанет, а как 25 восор укусят, так и смерть ей» [НОС: 1, 139]. С этим ее свойством связан запрет на уничтожение осинового гнезда [БД КА].

Пчела

В качестве предвестника смерти в снотолкованиях часто фигурирует пчела или пчелиный рой: полес. *смерть* – [во сне] *пчела кусает* [Валенцова 2002: 52], *рой во сне огребать – к смерти* (примета) (смол.) [СРНГ 35: 167], полес. *пчэла як укусить во сне – значит, умрэшь; як снится, шо мед ести, – тоже про смэрть; як приснится, шо у хатэ пчолы лэтають, – так хтось умрэ* [Валенцова 2002: 50], *рой пчел снится – к смерти; свой рой вуйде – к смерти; приснилось пчелы, рой взвився на дворе – так чоловика збило* [Толстая 2002: 204].

Сверчок

В поверьях сверчок представлен как приносящий несчастье или даже смерть. Необычное поведение сверчка – плохое предзнаменование: «Если он летает по избе, это к смерти или к пожару» [Даль 1994: 926], «Кузнечик (т. е. сверчок), который кует иногда по углам в горнице, выживает живущего из дома» [Гура 1997: 520]. В Белоруссии сверчки в избе предвещают смерть кого-либо из домашних, так как в их стрекоте слышны слова «смерть», «смерть» [Гура 1997: 520]. «Если в доме сверчок завелся, не к добру, значит, из дома кто-то должен уйти» (волог.) [ЭК ТЭ].

Таракан

Таракан, как и многие другие насекомые, связывается с душами умерших родственников и персонажами низшей демонологии. Черного таракана считали одним из воплощений домового, появление черных тараканов предвещало смерть: (ряз.) «У нас, когда отец помер, перед его смертью какой черный таракан появился, ужасно. Бывало, думаешь, ни то вечер на улице, ни то это тараканы на стене. И появился вот к его смерти, а потом исчез» [Морозов 1996: 5].

«Смертельная» символика порождает достаточное количество поверий, примет, запретов, гаданий и способов изведения насекомых, связанных с идеей смерти: «Гадали так: держали богову коровку на руке и говорили: “Богова коровка, жить ли мне помереть ли мне?” Если вверх полетит – жить, а если вниз упадет – умереть» (волог.) [ЭК ТЭ], «Нельзя паука убивать – матка умрет» [Садова 2003: 71], *пчелиный труд 'мед'* «Поминать (умершего) на пчелином труде» (костр.) [СРНГ: 33, 180].

Своего рода продолжением этого мотива можно считать ритуал похорон домашних насеко-

мых-паразитов (блох, вшей, клопов, мух и тараканов) путем зарывания насекомых в землю [подробнее см. Морозов 1996] и подбрасывания их покойнику: «Как вывести: положить в лапоть живого таракана, волоком оттащить его на кладбище и кинуть в приготовленную для покойника могильную яму» [БД ПА], «Чтобы избавиться от клопов и тараканов, когда по селу несли покойника, в решето клали клопов и тараканов и высыпали вслед за покойником» [БД ПА], «Чтобы избавиться от тараканов, их бросали в гроб к покойнику» [БД ПА], (смол.) «Возвратясь домой после похорон покойника, говорят: “Пускай клопы, тараканы мрут, а нам добрыя здароуя”!»! [Добровольский 1894: 315].

Семиотическое пространство сна (и его последующего толкования) отличается четкой заданностью совокупности смыслов, которые «обслуживаются» многочисленными символами. По сути, смысл любого толкования сводится бинарной оппозиции *хорошо / плохо, к счастью / к несчастью* и проч. Всякая область действительности, которая попадает в сновиденческое пространство, вынуждена мотивационно приравниваться к достаточно ограниченному количеству смысловых «вакансий». В частности, мы смогли убедиться в том, что насекомые, будучи особым знаком языка культуры и обладая разработанной системой признаков, характеристик и действий, в процессе попадания в знаковую систему сна и, желая выступить в качестве символа, воплощающего те или иные смыслы, проходят жесточайший отбор и либо ликвидируются как факт (скажем, в снах практически отсутствуют жуки, комары, оводы и др.), либо подверстываются под уже существующую смысловую сетку. Количество смысловых «вакансий» для целевой группы «насекомые» сводится к оппозиции *позитив / негатив* с немногочисленными вариациями, представляющими основные сферы человеческой жизнедеятельности, а именно богатство, рождение, размножение, болезнь и смерть. Кроме того, следует отметить, что насекомые, в целом, явление для снов маргинальное (энтомологических снотолкований сравнительно немного) и характеризующееся в большей степени негативной семантикой, что, видимо, связано с достаточно прохладным отношением человека к насекомым как биологическому явлению.

Литература

База данных Каргапольского архива лаборатории фольклора РГГУ [в тексте статьи – БД КА].

База данных Полесского архива отдела этнолингвистики и фольклора РАН [в тексте статьи – БД ПА].

Валенцова М. М. Полесская традиция о сновидениях // Сны и видения в народной культуре. М., 2002. С. 44-69.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Гура А. В. Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре. М., 2002. С. 70-94.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994.

Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 2. СПб., 1894.

Еремеев П. В. Обиход: Былички. М., 1990.

Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.

Журавлев А. Ф. [Рец.] Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 2000 // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 250-256.

Коваль В. И. Восточнославянская этнофразеология: Деривация, семантика, происхождение. Гомель, 1998.

Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки. М., 1986 [в тексте статьи – МЖРФ].

Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3. Юность и любовь: Девичество. М., 1994 [в тексте статьи – МН].

Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург, 2002 [в тексте статьи – Малеча].

Морозов И. А. Из рязанского этнодиалектного словаря: «Похороны таракана» // Живая старина. 1996. № 4.

Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12 [в тексте статьи – НОС].

Обрядовая поэзия: Книга 1. Календарный фольклор. М., 1997 [в тексте статьи – ОП 1].

Обряды. Обычаи. Поверья: Сб. статей. Тюмень, 1997 [в тексте статьи – ООП].

Садова Т. С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб., 2003.

Сборник пословиц русского языка / Сост. В. Танчук. Нью-Йорк, 1986 [в тексте статьи – Танчук 1986].

Славянские древности: Этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995-. Т. 1, 2- [в тексте статьи – СД].

Словарь русских народных говоров. Л., 1969-. Вып. 1- [в тексте статьи – СРНГ].

Терновская О. А. Бабочка в народной демонологии славян: 'душа-предок' и 'демон' // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.III.89-6.IX.89. Проблемы культуры. М., 1989. С.151-160.

Толстая С. М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. М., 2002. С. 198-219.

Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східно словобожанських і степових говірок Донбасу. Луганськ, 2000.

Этнографическая картотека топонимической экспедиции [в тексте статьи – ЭК ТЭ].

Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996 [в тексте статьи – PSL].

Krawczyk-Tyrpa A. Tabu w dialektach polskich. Bydgoszcz, 2001.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет»
Поступила в редакцию 10.04.2011 г.

Y.A. Krivoshchapova

Slavonic interpretation of dreams and fortune-telling with insectile motives

The article is devoted to the characteristic of the semiotic space of entomological dreams and based on a wide range of texts of the dream interpretation, fortune-telling and other forward-looking genres, prevalent in Eastern Slavonic (Pollesky, Russian) and Western Slavonic (Polish) folk tradition.

Keywords: traditional picture of the world, the system of entomological images and their interpretation in the forward-looking genres.

ПИЩЕВОЙ КОД В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ГЕО- И ГИДРООБЪЕКТОВ (на материале русской диалектной лексики)*

К.В. Пьянкова

Лексика, обозначающая различные виды пищи, и лексика, называющая географические реалии – болота, озера, реки, почвы и воды и т.п. – денотативно соотносится с весьма удаленными друг от друга участками действительности: пища входит в ближайшее, «домашнее» окружение человека, географические объекты составляют внешний, дальний мир; пища – это микрообъекты, географические реалии – макрообъекты. Некоторые предпосылки, провоцирующие соотнесение этих групп лексики, кроются в их структурной организации. Лексику, принадлежащую сфере пищи, составляют единицы, называющие субстанции (*хлеб, масло, щи* и пр.), признаки (*сладкий, соленый, кислый, жирный, вареный...*) и действия (*печь, варить, жарить...*); лексике, обозначающей гео- и гидрообъекты, – названия собственно ландшафтных объектов (*болото, река, озеро...*) и их свойств (*вода – соленая, пресная, почва – плодородная, неплодородная, песчаная, глинистая...*). Таким образом, обе лексические группы обладают разработанной системой субстанциональных и признаковых единиц и, несмотря на то, что пища входит в «микромир» человека, а ландшафт составляет «макромир», оказываются близки с семантико-мотивационной точки зрения. Думается, что взаимодействие этих лексических групп можно представить следующим образом: гео- и гидрообъекты выступают как «денотативный» донор, лексика пищи – как мотивационный.

Так, для каждого категориального признака пищи («сладкий», «соленый», «кислый», «пресный», «жирный») существует определенный эталон, который в наибольшей степени воплощает данное качество (*соль, сахар, кислота, жир*), и существует субстанция, которой наиболее присуща данная вкусовая категория и которая служит тра-

В статье анализируется лексика питания, которая используется при номинации гео- и гидрообъектов. Выступая как инструмент познания действительности она позволяет обнаружить мотивационные связи семантических полей «Пища» и «Природные объекты», а также выявить основные виды соотнесений пищевых субстанций с природными.

Ключевые слова: пищевой код, географические реалии, лексика.

диционным источником соли, сахара, кислоты, жира. Источники этих веществ, несомненно, являются частью природного мира: соль имеет минеральное происхождение (ср. *соль горная, каменная, озерная, морская* [Даль 1955: 4, 268]), наиболее чистый соленый вкус – вкус морской воды; сахар – растительное (ср. широко распространенные названия растений с корнем *слад-/солд-*: *солдкий корень, солдудка* ‘растение лакрица’, *солдыжник* ‘растение солодковый корень’ [Даль 1955: 4, 266; 267] и т.п.); жир (*масло, сало*) – животное; кислота – растительное и «минеральное» (образуется под действием влаги и воздуха на растительные или животные субстанции). Природная этиология вкусовых категорий «сладкий», «соленый», «кислый», «жирный», вероятно, и обусловила их активность при номинации гео- и гидрообъектов (воды, водных источников, почвы и т.п.).

Лексика, называющая каждую из рассматриваемых областей действительности,

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

образует семантико-деривационное пространство – систему лексических единиц, связанных тематической общностью и вступающих в деривационные отношения с единицами иного семантико-деривационного пространства. Мотивационно активной стороной (донором) является лексика пищи, посредством которой интерпретируется сфера природных объектов (т. е. отношения ‘пища’ ‘гео-/гидрообъект’): наличие довольно четкой и проработанной структуры, организующей лексику пищи, обеспечивает ей актуальность и удобство как инструменту познания действительности; наряду с антропологическим и растительными и др. кодами пищевая лексика выступает как активный источник метафоры. Таким образом, рассматривая мотивационные связи семантических полей «Пища» и «Природные объекты», возможно выявить основные виды соотношений пищевых субстанций с природными: природная влага – кислые, бродящие напитки; питательные вещества в почве – жир; влажная почва – каша, заквашенная пища и т.п. Однако, несмотря на то, что взаимоотношения этих семантико-деривационных сфер зачастую строятся по принципу донор – реципиент (ср. *каша* ‘грязь, вязкая почва’, *тучнить* ‘удобрять землю’), в большинстве случаев следует говорить об универсальности признаков «сладкий», «солёный», «кислый», «пресный», «жирный», которые являются «метааппаратом» для характеристики свойств объекта – будь то природная реалья или пища. На универсальность данных категорий указывает и комплекс коррелятивных отношений, в которые вступают единицы соответствующих лексических гнезд (о видах коррелятивных отношений лексических гнезд см. [Толстая 2003]): например, значение ‘пресный, несолёный (о воде)’ имеют не только прил. *пресный*, *сладкий*, но и *свежий*, а антонимы *жирный* и *постный* в значении ‘плодородный’ / ‘неплодородный (о почве)’ соответствуют оппозиции *толстый* / *тонкий*; найденные корреляты (синонимы и антонимы) помогают уточнить ведущие направления развития семантики «пищевых» лексем, выделить основные семантические «координаты» гнезд *кис-* / *квас-*, *жир-* (*масл-*, *сал-*, *волог-*, *тук-*), *сол-*, *слад-* / *солод-*.

При изучении данной темы наиболее интересным и адекватным исследованию является диалектный материал, потому как именно сельскому жителю важно выстроить «типологию» свойств природных объектов – подробно

охарактеризовать виды почв с точки зрения плодородности / неплодородности, качество воды – с точки зрения пригодности / непригодности для питья и т.п.

Для удобства проведения семантико-мотивационного анализа материал распределяется по трем группам в соответствии с видом природного объекта: 1) вода; 2) почва; 3) географические объекты.

1. Вода

Через вкусовые категории разграничивается озерная (речная) и морская вода.

‘Озерная (речная); несолёная вода’: *пресный* – *пресная вода* ‘несолёная’ [Даль 1955: 4, 530], *пресньца* ‘опресненная морская вода около устья реки, ручья’, *прясный* ‘пресный (о воде)’: *Свежая вода прясная* [Меркурьев 1979: 123; 129]; *сладкий* – иркут., азов., керч., ставроп. *сладкая вода* ‘пресная, несолёная; годная для питья’, *сладкий* ‘пресный, не солёный’ [СРНГ: 38, 222]. Ср.: *свежий* – *подсвйжка* ‘струя пресной воды у устья Урала в Каспийское море среди солёной воды’ [Малеча: 3, 256], карел. (рус.), мурм. *свйжая вода* ‘пресная вода’: *Солёная вода на берегу, а в озере свежая* [СРГК: 1, 211];

‘морская; солёная вода’: *солёная* – арх., мурм., олон., сиб., якут., камч. *рассул* ‘морская вода’, перм. ‘вода (чаще из подземного источника), содержащая большой процент соли’ [СРНГ 34, 216], *солоньк* ‘источник с солёной водой’, *солоньк* ‘солёный источник’ [НОС 10, 114]; *горькая вода* ‘вода из горьких источников питанных горьковатыми солями’ [Даль 1955: 1, 383].

В приведенных примерах как синонимы выступают прил. *сладкий*, *пресный*, *свежий*, противопоставленные *солёному* (и *горькому*). Наименование *сладкая вода* ‘несолёная вода’ появляется, вероятно, в противоположность выражению *солёная вода* ‘морская вода’ путем генерализации конкретного вкусового значения: ‘сладкий’ ‘вкусный’ ‘пригодный в пищу’. Прил. *пресный*, интерпретируемое как ‘лишенный соли’, реализует характерную для него семантику каритивности (т. е. недостачи / отсутствия). По мнению С.М. Толстой, признак недостатка или отсутствия чего-л. (сема каритивности) «может приобретать у его семантических дериватов значение недостатка / отсутствия самых разнообразных компонентов (свойств, атрибутов), нормативно присущих определяемому объекту...» (например, для сухого это отсутствие жизненных сил, плоти, здоровья (сухой человек), или даже музыки (сухой танец ‘танец без музыкального

сопровождения). «Особенностью каритивной семантики можно считать ее жесткую ориентацию на соответствующую “положительную” область значений, т.е. на семантическую структуру слов, обозначающих присутствие тех же самых признаков, атрибутов и свойств, причем семантическое содержание “положительной” лексики, как правило, богаче и структурированней, чем у соответствующих “каритивов”...» [о семантике каритивности см. подробнее: Толстая (в печати)].

В структуре значения прил. **кислый**, денотативно «привязанного» к воде, выделяются значимые для дериватов корней *кис-* / *квас-* семы ‘неподвижный’, ‘портящийся’, ‘затхлый’²² Интересно рассмотреть функционирование прил. **кислый** (и прочих дериватов корня *кис-* / *квас-*) в топонимии, где, возможно, также будет проявляться подобная мотивационная семантика. Ср., например, руч. *Кисляк* [НОС: 4, 45], бол. *Клюев Квас*, овраг *Тильная Квасница*: *Там татары были. Там хан Батый кучу людей убил и в этот овраг свалил. Вот там квасница из тел и была; Говорят, там хан Батый проходил, а перед мостом через р. Куть людей живыми закапывал, вот место и называется Тельна Квасница* [Костр.: ТЭ]. В соответствии с приведенными мотивировочными контекстами овраг – низкое, сырое, влажное, «затхлое» место – получает название *Квасницы* потому, что там, по словам информанта, «наквасили тел татары».

: *къслая водб* арх. ‘непроточная, застойная вода (в озере и т.п.)’: *Кислая вода, если застоится, не течёт, Застоялась, кислая вода* [КСГРС], сиб. ‘весеннее половодье’ Лексемы со значением ‘половодье, талая вода’ мотивированы тем, что во время разлива из-под льда выходит вода, «закишшая», застоявшаяся за зиму.

[СРНГ: 13, 235], *къслои(ый)* ‘загнивший, стоячий (о воде)’ [СРГНП: 1, 312–313], арх. *кислэнья* ‘большая вода на реке, половодье’: *После льду кислунья в два раза больше, так и играет, мутная да с пеной* [КСГРС], влг. *укись* ‘загрязнение воды из-за гниющей древесины’ [СРГК: 4, 174].

Прил. **жирный** при характеристике воды выступает в значении ‘половодье, высокая вода’: иркут. *зажирная вода* ‘подпочвенная вода’ [СРНГ: 10, 87], *жирная вода* ‘обильная, половодье на местах, где нередко сухая вода, мелкая, непроходимая для судна’ [Даль 1955: 1, 218, 542–543]. С одной стороны, в данных примерах проявляется характерная для *жира* семантика избытка, избыточности: через *жирное* всегда называются особо ярко проявленные признаки, ср. *жърный* ‘крепкий (о чае)’ [КСГРС; СРГК: 2, 64],

жърный ‘толстый (о шрифтах, линиях)’ [ССРЛЯ: 4, 159]. С другой стороны, учитывая факт, что *жирная вода* функционирует параллельно выражению *живая вода* (ср. *живая вода* ‘глубокая, глубже осадки’ [Даль 1955: 4, 366], *заживает* ‘о прибывающей воде’ [Афанасьев: 1, 245]), можно предположить, что прил. **жирный** в данном случае с *жиром* ‘тук, сало’ не связано и напрямую апеллирует к своему этимологическому значению ‘живой, растущий’ ‘прибывающий (о воде)’. В значении ‘обильный (о воде)’ прил. **жирный** коррелирует с прил. **полный, сочный / сухой**, ср. *пулная вода* ‘высший ее уровень, где морской прилив и отлив’ [Даль 1955: 3, 263], *сочная (жирная) вода* ‘полная, обильная, после хорошего разлива’ [Даль 1955: 4, 366], вост. *сочный родник* ‘обильный’ [Там же, 264], *сухбя вода* ‘самая малая, в морской отлив’ [Там же: 366], *сухой ручей, речка* ‘пересыхающий летом’ [Там же: 365].

2. Почва

Вкусовые категории оказываются удобными и для характеристики почв; при этом сохраняется присущая им системность – используются оппозиции **жирный / постный, пресный / соленый**.

Соленые, неплодородные, подзолистые почвы получают обозначения через производные корня **сол-** (**соленый**): *подсолунок* новосиб. ‘солончаковая почва’, заурал., курган. ‘подзолистая почва’ [СРНГ 28, 190], *солонйц* ‘почва с солончаковыми пятнами, солончак’ [Малеча: 4, 136], *солончбк солонйц* ‘пропитанная солью земля почва сухая по которой соль выцветает’ [Даль 1955: 4, 268]. Прил. **соленый** в данном значении, в отличие от пищевых категорий **жирный** и **постный**, имеет объективную мотивацию: солончаковые почвы на самом деле содержат соль в высокой концентрации. В противоположность **соленой** – неплодородной – почве появляется прил. **пресный** ‘плодородный (о почве)’, видимо, как раз указывающее на отсутствие (!семантика каритивности) соли в почве и, следовательно, на её плодородность. Ср.: *прйсная земля* ‘черная, рассыпчатая земля, подсыпаемая в гряды, лунки’ [Малеча: 3, 369], свердл., (р. Урал) *пресная земля, почва* ‘плодородная земля, почва, чернозем’ [СРНГ: 31, 93], *пресная почва* ‘чернозем’ [Даль 1955: 4, 530]. Кроме того, определенную роль в формировании значения играет характерная для прил. **пресный** семантика ‘влажный, сырой’. Ср. *преснить* ‘гнить, портиться (о сене)’ [КСГРС], перм. ‘гнить’ [СПГ: 2, 99], *преснёвый* ‘гниющий (о сене)’, арх. *пресность* ‘сырость, жижа’ [КСГРС], *прйсная* ‘налитая водой и вымятая вымешанная (глина)’ [Даль 1955: 1, 355].

Плодородная, насыщенная питательными веществами, благоприятная для роста растений почва активнее всего называется через производные корней *жир-* и *тук-*: жир представляется как особо ценная, питательная, несущая жизненные силы субстанция (в данном случае, несомненно, сказывается и этимологическое родство прил. жирный и живой (< жить), ср. ленингр. живуй 'способный давать урожай (о пахотной земле)' [СРГК: 2, 56]). Ср.: **жир, жирный** – жир 'питательные вещества для растений' (ср.: само прил. питательный (< питать), используемое применительно к почве.): *Сажа жыр зямли даё*, 'навозная жижа', *жирьна* 'участок плодородной почвы, где много сухих веток' [ПОС: 10, 243], ряз. *жъръть* 'удобрять навозом' [СРНГ: 9, 182], *жирнозём* 'самая тучная, жирная земля; не вспаханный чернозем' [ССРЛЯ: 4, 159], *жърность* 'наличие полезных веществ, плодородное, питательное вещество в почве' [СРЯ: XVIII в. 7, 140], *жърный* ленингр. 'плодородный (о земле)': *Режь, где тяжелее, жирнее земля* [СРГК: 2, 64], 'хорошо удобренный, плодородный' [КСГРС]; **тук, тучный** – тук 'перегной, чистый чернозем, удобряющий землю', *почвенный тук* 'перегившие животные и ислевшие растительные вещества; удобрение', *тучный* 'обильный почвенным туком, перегноем': *Пшеница любит тучную, а лен более тощую почву* [Даль 1955: 4, 441], *тэчный* 'обильно насыщенный питательными веществами, плодородный' [ССРЛЯ: 15, 1174], *утучнять* 'удобрять, уваживать' [Даль 1955: 4, 523], а также урал. *мясная порода* 'вид почвы на приисках', *мяснька* 'песчано-глинистая почва с золотыми россыпями', вят. *мясньк* 'плотная красная глина', Киров. 'твердая глина' [СРНГ: 19, 89]

Жирному в значении 'плодородный' противопоставлено прил. **постный** (срабатывает пищевая оппозиция *постный / скоромный*), ср. новосиб. *пустная земля* 'неудобренная земля': *А себе картошку я с постной земли беру, где поменьше перегною* [СРНГ: 30, 230], *выпостнованный* 'истощенный (о земле)': *Зямля выпьсьнвана, плахая, дажа картошка яшшо не цвятё* [ПОС: 6, 28].

Оппозиции *постный / скоромный* соответствует пара **тонкий / толстый** в тех же значениях, ср. *тонкая земля* 'бесплодная, неурожайная земля', *тункий* 'с небольшим слоем перегноя', *тулстая земля* 'вид земли, удобренная земля': *Толста земля не дохлая, ею надо троить, на толстой-то земле глыцки, суглинок, жирная земля, её надо три раза пахать* [НОС: 11, 45], *толстозем* 'толстый пласт чернозема' [Даль 1955: 4, 414]. Кроме того,

синонимом прил. *жирный* 'плодородный' могут быть лексемы с корнем **доб-** – *дубрьть* 'удобрять, утучнять, улучшать' [Даль 1955: 1, 444], *сдобрять* *'удобрять': *Сдобрять землю навозом; Огородная земля сдобряется туком* [Даль 1955: 4, 166], а также прил. **дюжий** – карел. (рус.), ленингр. *дюжий (дюжей)* 'плодородный, приносящий хороший урожай (о земле)': *Где земля дюжая, там урожай будет* [СРГК: 2, 18]. Антонимами же являются прил. *пустой, редкий, тощий*, указывающие на отсутствие питательных, ценных веществ в почве: **пустой** – *пустая порода* 'нестоящая добычи, разработки, не содержащая добычных пород' [Даль 1955: 4, 340]; **редкий** – *рйдкая земля* (р. Урал), дон. 'неплотная, легко просыпающаяся почва', новосиб. 'неплодородная земля' [СРНГ: 35, 18–19]; **тощий** – *тощая почва* 'бедная, неплодная, не тучная' [Даль 1955: 4, 424], *тощбк* 'пустая порода' [СРГСУ: 6, 98].

Таким образом, всякая природная субстанция, почва или вода, интерпретируемая через *жир (тук)*, характеризуется признаками 'изобильный' ('избыточный'), 'плодородный'. Жирное – это то, что насыщено питательными веществами и дает жизненные силы растениям, ср. влг., ленингр. *жърная водб* 'вода с разболтанным в ней навозом' [СРГК: 1, 210], *жирук* 'питательные вещества для растений', 'навозная жижа', *жирэга (жирэха)* 'навозная жижа' [ПОС: 10, 245], (р. Урал) *вулуга* 'навоз' [СРНГ: 5, 47] (ср.: волужный 'жирный' [ДСРГСУ: 77], влг., новг., пск., нижегор., костр. *вулуга* 'жир, масло' [СРНГ: 5, 46]).

Продолжения корня **кис-**, с одной стороны, называют почвы, содержащие кислоту: арх. *кьслая земля* 'почва с повышенной кислотностью': *Кислые земли не рожают* [КСГРС], Киров., тобол., том. *кьслядь* 'почва, требующая известкования' [СРНГ: 13, 236], с другой – почвы старые, долго не используемые: ср.-урал., тюмен. *збкисель* 'вспаханная, но несколько лет не засеваемая земля' [СРНГ: 10, 125], *кьследь (кьслеть)* тобол. 'целина, вспаханная в прошлом году', тюмен. 'временно заброшенное поле' [СРНГ: 13, 229], тюмен. *кислятина* 'временно заброшенное поле' [СРНГ: 13, 237]. В структуре значения прил. *кислый* и его производных, указывающих на качество почвы, как и при характеристике воды, выделяются компоненты 'неподвижный', 'застаревший', 'портящийся от влаги'.

Оппозиция *кислый / пресный / живой* срабатывает при обозначении этапов приготовления глины: *живбя глина* 'в том виде какая она в пластах в земле', *прйсная* 'налитая водой и вымятая вымешанная', *кьслая* 'лежалая в

замеске готовая в дело' [Даль 1955: 1, 355]. Противопоставление *пресный / кислый* в данном случае возможно интерпретировать во временных категориях 'только что / давно приготовленный'.

В связи с гео- и гидро- и семантикой *кислого* интересны сущ. *бурда* (*барда*) и *буза*, в семантической парадигме которых представлены значения 'хмельной напиток (качественный / некачественный)' и 'почва (плодородная / неплодородная)': *барда* – *ббрда* 'гуща остатки от перегона хлебного вина из браги броженного затора' 'мутное дурное питье бурда' 'кислая огуречная слизь', *ббрдб* 'плохая почва бесплодная болотная или каменистая' [Даль 1955: 1, 48]; *буза* – *бузб* 'сусло молодое пиво или брага неуходившаяся солодковатая' 'особый напиток густой и мутный род пшеничного кваса' 'яблочный или грушевый квас сидр', нижегор. *бузувая земля* 'добрая черноземная наземистая' [Даль 1955: 1, 137].

3. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

Пищевые категории используются и при номинации собственно географических объектов.

В группе значений 'ключ, родник' представлены продолжения корней *квас-* и *солод-*. Учитывая, что «квасные» названия функционируют параллельно продолжениям корня *кип-* (ср. *кипэн* влг. 'ключ, родник', 'место в болоте, где бьют ключи', 'глубокое место на болоте': *Лощадь можно в кипун затянуть* [КСГРС]), можно предположить, что и те и другие мотивированы свойством кипящих и киснущих жидкостей бурлить, подобно бьющей из ручья воде (ср.: *квасцы* арх. 'родник', *квашня* влг. 'заросший родник на болоте': *Когда дети палку воткнули да расшевелили, вода пойдёт, так квашня называется* [КСГРС]). Для корня **kys-* / **къл-* характерен ряд семантических схождения с корнем **кур-*, обусловленный внешним сходством процессов скисания-кишения, кипения, бурления жидкости. Возможно, синонимия объясняется и этимологическим родством, которое на и.-е. уровне восстанавливается некоторыми этимологами и подтверждается рядом значений гл. *кипеть*, ср. *кипеть* 'бродить (о жидкости)', 'пениться, пузыриться' [СРГК: 2, 347]. Семантическая модель 'киснуть' 'кипеть' действует и в противоположном направлении 'вариться, кипеть' 'киснуть', ср. *варьтсья* 'киснуть (о молоке)' [СРГК: 1, 163].

Производные корней *сол-* / *солод-* / *слат-* / *солот-* имеют три основных гео- значения: 'ключ, родник', 'болото, трящина' и 'грязь, слякоть'. Два последних, вероятно, являются более поздними,

развившимися по модели: 1) 'место, где бьют ключи' 2) 'болото' 3) 'вязкий, раскисший, сырой (о почве)'. По крайней мере, большинство этимологов называют первоначальным значение 'родник с соленой водой', 'солончатая жидкость'. Так, М. Фасмер, восстанавливая для рус. *солоть* 'топь, слякоть' форму *solъ и, соотнося её с корнем **sol-*, приводит следующие слав. соответствия, в которых сохраняется значение 'солёный': укр. *солува* 'солёная вода', *солутва* 'солончак, солёное болото', болг. *слбтина*, с.-х. *слатина* 'минеральный источник', словен. *slbtina* 'углекислая вода' [Фасмер 1964-1973: 3, 714]. А. Брюкнер относит к корню **sol-* топонимы *S otwina* и *S o wina*, но для соответствующих апеллятивов восстанавливает значение 'болото, трящина' [Brückner 1957: 506–507].

1) 'солёный источник' – *сулодь* арх. 'яма с соленой водой', влг. 'место, где выбиваются ключи', арх. 'грязь, навозная жижа (около родника)' (ср.: *сулодь* 'солончатая навозная жижа': Коровы-то любят бегать в солоде, солёное-то любят [КСГРС]), влг. *солоньк* 'родник' [КСГРС]; 2) 'болото, трящина' – костр. *насолоды* 'гнилое железистое болото, топь' [СРНГ: 20, 181], *осолутина* 'сырое, болотистое место' [СРГК: 4, 251], влг. *сулод* (*солодьще*) 'низкое болотистое место' [КСГРС], арх., влг. *сулодь* (*солодяха, солодьна*) 'топкое вязкое место', *солутина* 'сырой, заболоченный участок земли' [НОС: 10, 116], *солоть* 'жидкое стоячее болото на твердом основании, без топи' [Мурзаев 1999: 2, 205]; 3) 'сырой (о луге, покосе)' – яросл. *сулотные покосы* 'мокрые ржавые а потому и плохие малотравные' [Даль 1955: 4, 267], *солотный луг* 'влажный, ржавый, малопродуктивный' [Мурзаев 1999: 2, 205]; 'вязкий, раскисший (о почве)' – свердл. *рассолодить* 'стать непроезжей, раскиснуть (о дороге)' [СРНГ: 34, 217], симб. *сулодь* 'иловатая земля с примесью песку', *сулоть* 'слякоть осенняя грязь жидкая непросушенная грязь которая стоит до заморозков и снегу до зимнего пути' [Даль 1955: , 267].

Значение 'сырой, размякший, вязкий; болотистый (о почве)' развивается и у производных корня *квас-* / *кис-*. Ср. *кьсель* 'жидкая грязь, слякоть' [СРГК: 2, 351], пенз., сарат., тул. *киселя хлебать* 'ехать, идти по плохой, грязной дороге' [СРНГ: 13, 227–228], арх. *кислэха* 'сырое болотистое место в лесу', *кьслый* 'низкий, сырой болотистый; топкий, вязкий' [КСГРС], *пбкисель* 'грязь' [СРГК: 4, 372–373], ср.-урал. *раскьснутьсья* 'раскиснуть (о земле, дороге)' [СРНГ: 34, 117]. В

рассматриваемых случаях значение продолжений корней *кис-/квас*, *солод-* определяется семами 'сырой, влажный', 'лишенный структуры', ср. также – *скъснуть* 'впитать в себя воду': *Отлепят (глину), езли её складут, помочат, она скиснет; опеть её мнѣш сызна* [Малеча: 4, 86], влг. *къслый* 'намокший': *Кряж-то какой кислый: намозг* [СРНГ 13, 235], арх., влг. *къслый* 'водянистый': *Картоха нынь водяна, кисла* [КСГРС]. Так как увлажнение почвы, таяние снега происходит обычно во время весеннего потепления, то, соответственно, появляются значения 'теплая земля; теплая погода', ср. арх. *прокъснуть* 'подсохнуть, потеплеть (о земле)': *Девки не лежите еще на земле, вот прокиснет земля, будет теплая, вот и загорайте, а сейчас холодно* [СРНГ: 32, 155], краснодар. *расквбситься* 'о наступлении сырой погоды или оттепели' [СРНГ: 34, 117]. Интересно, что, согласно наблюдениям С. М. Толстой, прил. *пресный* может выступать и как синоним, и как антоним *кисломум* в его втором значении 'мокрый, сырой': в Полесье, теплая, мягкая, сырая зима называется *пресна / прісна зима*, ср. арх. *пресность* 'сырость, жижа', однако при этом – *пресный луг* 'сухой' [Толстая (в печати)].

Наряду с номинациями, в основе которых – категориальный признак пищи, существует ряд лексем, соотносящих значения 'каша; гуща, остающаяся после слива какой-л. напитка' и 'жидкая грязь'. Ср.: *болтунка* – *болтэнка* 'жидкая мучная каша или кисель', 'жидкая грязь' [ПОС: 2, 93]; *буза* – *бузб (бузя)* 'подонки, гуща к.-н. жидкости', 'смесь или и грязи (на дне водоема)', 'размокшая вязкая почва, грязь', 'топкое болото' [ПОС: 2, 200]; *бурдомага* – *бурдомбга* арх., влг. 'название слабоалкогольного напитка домашнего изготовления', влг. 'плохо приготовленная похлебка', влг. 'мутная грязная вода, болотная жижа' [КСГРС]; *размазня* – *размазня* 'жидкая каша кашица заvara', *на улице размазня* 'жидкая грязь жижа' [Даль 1955: 4, 34]; *тепня* – вят. влг. *тепня тепенка* 'толокно на квасу ягоды на квасу месиво' 'липкая вязкая грязь' Даль 4, 400. О мотивационной связи значений 'каша' и 'жидкая грязь' писал О.Н. Трубочев в статье «Из истории названий каш в славянских языках»: по его мнению, ряз. *луда* 'саламата, заvara' представляет собой семантическое развитие заимствованного *луда* 'илистая, холодная глинистая почва' (ср. зырянск. (коми) *l'ut* 'тина, ил'), что подтверждается примерами вроде лит. *t rl* 'каша' и *tərulai* 'болотные пространства' [Трубочев 2004: 2, 735–736].

Лексемы с исходным значением 'жирный'

развивают вторичное значение 'болото, топкое, вязкое место'. Вероятно, мотивом подобных номинаций является соотнесение жира и раскисшей почвы на основе сходства консистенции. Ср.: *жир* – *жърница* 'топкое, никогда не высыхающее и не замерзающее место на болоте' [НОС: 2, 133], твер. *жировъще* 'болотистое место' [СРНГ: 9, 185], *жирук* 'слой тины, воды или грязи на болоте, скрывающий топь' [КСГРС]. С одной стороны, нельзя отрицать связь данных лексем с жиром, потому как существует устойчивая традиция соотнесения жирного и влажного, с другой, вероятно контаминация с сущ. жерло (олон. жерлу 'зыбкое, топкое место на болоте' [СРНГ: 9, 142]), а также жорэн, жирэн, жерэн в значении 'песок, бесплодная почва': влг. жирэн (жерун) 'песок' [СРНГ: 9, 187], жорэн 'бесплодная песчаная почва' [КСГРС]; *масло* – *масльны* 'заросшее озеро' [КСГРС], новг. *маслявина* 'топкое место, болото' [СРНГ: 18, 14], а также название заросшей камышом заводи *Замбсляник* [ПОС: 11, 317]; *сало* – *сбло* 'грязь, раскисшая от воды почва' [КСГРС], (Урал, Бажов) *сблка* 'почва, земля, насыщенная водой; пльвун' [СРНГ: 36, 62]. «Гео» значения лексем с корнем *волог-*, скорее всего, связи с *вологой* 'жир' не имеют и апеллируют непосредственно к этимологической семантике корня **volg-* 'влага': ср. кокчетав. *поволожье* 'грязь, слякоть' [СРНГ: 27, 256], *волуга* 'тающий снег с грязью и слякотью' [ПОС: 4, 115]. В целом производные лексем со значением 'жир' указывают на устойчивое соотнесение вязкой почвы и жира, влажного и жирного: и влага, и жир придают субстанциям вязкость.

Если проанализировать семантический спектр рассматриваемых нами корней *кис-* / *квас-*, *жир-*, *волог-*, представленный «пищевым» и «природным» значениями, то обнаруживается закономерность, отчасти определяющая выбор некоторых из них. В семантике многих продолжений **kys-* **kvas-*, **volg-*, **ñir-*, **ma(z)sl-* присутствует сема влаги, которая и провоцирует появление «природного» и «пищевого» значений ('вязкая почва' и 'киснувшая жидкость', 'жир'): ряз., рост. *откисбть (откъснуть)* 'отмокать' [СРНГ: 24, 203], болг. *квася* 'мочить, смачивать; заквашивать (молоко)', болг. диал. *квбсе* 'мочить' [ЭССЯ: 13, 152], *волужить* 'увлажнять, мочить' [СРГС: 1, 170], влг., олон., новг., яросл. *вулуга* 'всякая жидкая пища' [СРНГ: 5, 46], *жир* 'сок растения' [СРНГ: 9, 180], *жърный* 'сочный, мясистый (о раст.), налитой (о колосьях)', *жировуй* 'сочный' [ПОС: 10, 244–245], *масло вороное, красное* 'большая сладкая и

тающая груша' [СРЯ: XVIII в. 12, 80], арх. *масляница* 'кушанье из муки, замешанной и заваренной в воде': *Масляница – мука да вода-то, так захопают да заварят муку если* [СРГК: 3, 201], *тэчный* 'налитой, полновесный, крупный – о зерне, колосе', 'сочный, мясистый или густой' [ССРЛЯ: 15, 1174].

Подобное постоянство параллельного развития значений, относящихся к сфере пищи и природы, интересно с когнитивной точки зрения: оно наводит на мысль об общих путях интерпретации этих сфер действительности, общей когнитивной плоскости восприятия. Оказывается, что для оценки и пищи, и гео- объектов важны такие параметры, как консистенция, вкус и запах (т. е. задействуются осязание, обоняние и вкус): так, *кислый* суп определяется по запаху и вкусу, *раскисшие* плоды – мягкие; *раскисшая*, болотистая почва характеризуется неприятным запахом, консистенцией, а например, *кислая* (застойная) вода – еще и специфическим вкусом.

Вероятно, первоначально разрозненные признаки (и не обязательно закрепленные за «пищевым» денотатом, как, например, *кислый*) образовали систему оппозиций именно в сфере пищи (*пресный / жирный, сладкий / соленый* и т. п.) и уже затем выступили как удобный инструмент – код для интерпретации иных сфер действительности. Обширность и упорядоченность группы лексем с «пищевой» семантикой выгодно используется в гео- и гидро- номинациях. Применительно к почве и воде лексемы, обозначающие категориальные признаки пищи, используются со всей их внутренней системой синонимов и антонимов (*жирный / постный, соленый / сладкий, пресный / соленый, жирный / масляный / тучный* и т. п.). Например, оппозиция *пресный / соленый* соответствует оппозиции 'озерная / речная вода', *жирный, тучный / постный* ~ 'плодородный / неплодородный (о почве)'; синонимия сущ. *жир, масло, сало* срабатывает в случае *жирница / маслявина / сало* 'о вязкой почве', корреляция прил. *кислый – солоделый* (в значении 'заквашенный, подвергнутый брожению') отражается в таких номинациях, как *кислуха / солодь* 'о болотистом месте'. В некоторых случаях, возможно, первоначально существовал лишь один член оппозиции, спровоцировавший появление второго: сначала *соленый* 'о морской воде', затем *сладкий* – 'о пресной'; первоначально *соленый* 'о насыщенной солями почве', затем *пресный* 'о черноземе' (который содержит меньше солей и, следовательно, плодороднее). Несомненно, что «отпищевые» номинации тяготеют к

микросистемам, некоторым из которых соответствуют «непищевые» корреляты, ср.: *жирный / постный ~ толстый / тонкий ~ сочный / сухой* при номинации почв.

Лексемы, имеющие первичное значение 'жир', проявляют семантику избыточности, изобилия (см. номинации «высокой» воды), плодородия, насыщенности питательными веществами (см. номинации плодородной почвы); жир – это обогащающая субстанция, концентрирующая полезные, питательные свойства, дающая жизненную силу (ср. в связи с этим этимологически родственные прил. *жирный / живой*, выступающие в ряде случаев как синонимы). *Жирный (тучный)* составляет оппозицию прил. *тощий, редкий, пустой, сухой, постный*. В противоположность *жирному постное* в природной сфере интерпретируется как 'не содержащее почвенного жира (тука)' и, следовательно, неплодородное (о почве). Соотнесение с влагой является доминирующим в семантической структуре *кислого* (ср. *раскиснуть* 'стать вязким, влажным (о почве, снеге)'), при этом прил. *пресный* в значении 'влажный' / 'сухой (о почве)' может являться как антонимом, так и синонимом *кислому*. Таким образом, в сфере природы *кислое* – это портящееся от влаги, застаревшее, неиспользуемое, бесструктурное, неподвижное (в ряде случаев – бурлящее), ср.: *кислый* 'о невспаханной, раскисший от влаги (о почве)', 'затхлый, застоявшийся (о воде)'. Прил. *соленый* при характеристике почвы и воды отражает вполне объективный признак – соль на самом деле может содержаться и в морской воде, и в земле в высокой концентрации, что делает воду непригодной для питья, а почву неплодородной. Думается, что наличие у дериватов прил. *соленый* значения 'морская вода' послужило основой для возникновения антонимичного значения 'пресный, пригодный для питья' у *сладкого*; аналогично появляется номинация *пресный* 'плодородный (о почве)' (в отличие от соленых, неплодородных почв). В целом же наименее активно развивает гео- и гидро- семантику прил. *сладкий*, потому как категория *сладкого*, вероятно, в большей степени присуща растительному миру.

В итоге можно выделить основные соотносительные пары «кислое, жирное» ~ «влажное»; «квас, продукт брожения» ~ «родник, жидкая грязь» (ср.: квасцы (квашня) 'родник' [КСГРС]); «жир, кислая субстанция, каша» ~ «вязкая почва», на которых и выстраиваются отношения природной и пищевой сфер.

Существование отождествления пищевой и природной жидкости, пищевого продукта и почвы подтверждается и следующими метафорическими номинациями: влг. чай 'о воде в ручье Черная речка': *Вода здесь застойная темная как чай*; влг. чай завбрен 'о темной красной воде': *Вода в нем холодная красная как чай заварён; Черная как чай заварен*; арх. заварнуй чай 'о цвете воды в колодце': *У Клавдии Васильевны за домом рада вот и вода в колодце как заварной чай* КСГРС; влг. каша ячневая 'о топком и вязком месте': *Поточина да няша как каша ячневая*; арх. кбша (тесто) 'о болоте трясине': *Болото это такое вязкое как каша качается зыблется как бут как тесто* КСГРС. Ср. также шуточные тексты, которые соотносят квас, чай и речную воду: *У нас Бритиха жила такая очень чай любила пить. Про нее говорили «Пей Бритиха чай в Котове воды хватит».* *Котовка – это река в лесу, В Ундыше вода лучше заморского квасу* [КСГРС].

Данные нарицательной лексики, указывающие на сопоставление пищевой субстанции (пищевой категории) с природной, обретают поддержку в топонимическом материале, где еще ярче проступает наблюдаемая корреляция. Е.Л. Березович в статье «“Пищевая” модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф» приводит примеры реализации номинативной модели гидрообъект продукт питания (как правило, напиток), где в основу образной номинации кладутся консистенция, цвет и вкус воды. Ср.: р. Брага, руч. Винный Ручей: *Хороша водичка в нем*, руч. Акулин Квас, руч. Бабкин Квас: *Цвет воды в ручье, как квас*, р., бол. Квасница, лог Федорин Квасок, низина Кисель: *Там грязь такая, как кисель*. Одновременно существует «ряд мотивировок иного плана: в ручей или реку был пролит соответствующий напиток или – в более радикальном варианте – гидрообъект потек от того, что кто-то разлил напиток». Ср.: руч. Винный Ручей: *Мужик закупил вино на свадьбу, споткнулся и разбил*, руч. Матрёнин Квас: *Матрёна поставила квас, а он у ей квасился, вот ручей и потёк*, руч. Щи: *Туда кто-то щи пролил*. Как предполагает автор, «ситуативные мотивировки винных, квасных и т. п. гидронимов могут быть связаны по своему происхождению с мифом, который растворяется в позднейших переосмыслениях» [Березович 2002: 160]. Другими словами, данные топонимии позволяют восстановить некоторые мифологические представления, согласно которым текущая из-под земли вода – это ни что иное, как пролитый квас, кисель или вино, и таким

образом подтвердить выводы о существовании соотношения определенных типов почв и вод (и их свойств) с различными видами (и качествами) пищи и напитков (брага, каша, жир, масло, сало и т. п.), полученные при анализе апеллятивного материала.

Об укорененности «пищевой» метафоры в сфере природы говорят и поэтические тексты, её оживляющие, ср. стихотворение Б.Л. Пастернака «Все сбылось» (1959): «Дороги превратились в кашу. / Я пробираюсь в стороне. / Я с глиной лед, как тесто квашу, / Плетусь по жидкой размазне...».

Литература

- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994 (репринт).
- Березович Е.Л. «Пищевая» модель в гидронимии Русского Севера: метафора и мир // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда: ВГПУ, 2002. С. 156–163.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
- Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета) [в тексте статьи – КСГРС].
- Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов: в 2 т. М., 1999.
- Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12 [в тексте статьи – НОС].
- Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1– [в тексте статьи – ПОС].
- Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург, 2002 [в тексте статьи – Малеча].
- Словарь Пермских говоров. Пермь, 1999–. Вып. 1– [в тексте статьи – СПГ].
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–. Вып. 1– [в тексте статьи – СРГК].
- Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003. Т. 1– [в тексте статьи – СРГНП].
- Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999. Вып. 1– [в тексте статьи – СРГС].
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Вып. 1–7 [в тексте статьи – СРГСУ].
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996 [в тексте статьи –

ДСРГСУ].

Словарь русских народных говоров. Л., 1969–. Вып. 1– [в тексте статьи – СРНГ].

Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984–1997. Вып. 1–9 [в тексте статьи – СРЯ XVIII в.].

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965 [в тексте статьи – ССРЛЯ].

Толстая С.М. Из области сравнительной славянской семасиологии: о семантике каритивности (слав. *rg spъ*) // *Ad focus deorum: Сборник к юбилею Ж. Ж. Варбот.* (В печати).

Толстая С.М. Об одном типе лексической многозначности (каритивы) // Доклад на семинаре Н.Д. Арутюновой 28.10.05.

Толстая С.М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации.* М., 2003. С. 549–563.

Топонимическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания; Уральский государственный университет) [в тексте статьи – ТЭ].

Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: в 2 т. М., 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.

Этимологический словарь славянских языков. М.,

1975. Вып. 1 [в тексте статьи – ЭССЯ].

Bryckner A. Sownik etymologiczny j zyka polskiego. Warszawa, 1957.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет»
Поступила в редакцию 7.04.2011 г.

K.V.Pyankova

**The food code in terms
of geo- and hydroobjects
(on the material of Russian
dialect vocabulary)**

The article analyses the vocabulary of food, which is used when nominating geo- and hydroobjects. Acting as an instrument of cognition of reality it (i.e., vocabulary) allows to detect motivational communication between semantic fields «Food» and «Natural objects», as well as to identify the main types of correlation between food and natural substances.

Keywords: food code, geographical realities, the vocabulary.

4. Материалы и сообщения

КОРПОРАТИВНАЯ И МНОГОТИРАЖНАЯ ПРЕССА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (ВЗГЛЯД ТЕОРЕТИКА И ПРАКТИКА)

С.В. Гуськова

Историки журналистики считают, что первым корпоративным изданием в мире был журнал «The Furrow», который увидел свет в 1895 году. Издавала журнал компания Джона Дира (США), специализирующаяся на производстве сельскохозяйственного оборудования. Экономическое развитие рынка сложилось таким образом, что конкуренция на сельхозтехнику начала активно расти, срочно требовалось новшество в сфере маркетинга для продвижения товара. Д. Дир нашел это новшество: посредником между фирмой и потребителями стал ежеквартальный журнал, который рассказывал о новых предложениях, ценах, технологиях, которые предлагает компания [Нечаев, Тулупов 2006: 136–137].

Тогда идея начать издание, как бы его называли сейчас, корпоративного журнала была гениальна. Это был совершенно новый подход к маркетингу, отчасти рискованный. Тогда не могли и предположить, что через сто лет рынок СМИ будет переполнен такого рода изданиями. Успех «The Furrow» не заставил себя ждать долго: в течение первых двадцати лет тираж достиг пяти миллионов экземпляров. В XX веке к идее создания корпоративного издания обратились автопроизводители. Вместе с расцветом этой сферы бизнеса в 50-х годах пришел и расцвет корпоративной прессы.

В конце 60-х гг. на спрос в сфере корпоративных изданий обратили внимание издательские дома. Первыми включились издатели журналов Meredith и Putman. Они стали создавать корпоративные издания для General Electric и Home Depot. Вплоть до 90-х гг. XX в. обращение к профессионалам для создания собственного СМИ было больше исключением, компании предпочитали содержать дополнительный персонал в штате, который бы отвечал за производство собственных изданий. Но эта тенденция сохранилась недолго. В XXI веке компании предпочитают заплатить и

В статье рассматриваются существующие подходы к определению понятий «корпоративная пресса» и «многотиражная пресса», выделяются их типологические признаки. Теоретические основы исследования подкрепляются примерами из корпоративных и многотиражных СМИ Тамбовской области. Привлекается опыт работы автора в корпоративной и многотиражной прессе региона.

Ключевые слова: корпоративная пресса, многотиражная пресса, деловая пресса, региональные СМИ.

получить качество.

Современный бизнес активно использует различные направления корпоративного пиара. Наиболее распространен «издательский пиар», к которому и относятся корпоративные издания. Корпоративные СМИ – уникальное явление. Это одновременно обращение к читателю, предоставление отраслевой информации, продвижение торговой марки. Это один из обязательных элементов для успешного развития современного бизнеса.

Очевидно, что в мировой практике подобный пласт периодических изданий является важным элементом в бизнес-коммуникациях. «Корпоративные издания призваны контролировать внутренние коммуникации, способствовать сплочению трудового коллектива и служить средством обратной связи. Корпоративная газета выступает как главный проводник информации, подконтрольный руководству и позволяющий знакомить читателя с главными лицами компании, ее текущими задачами, идеологией и философией. Немаловажно также то, что корпоративное издание служит средством общения компании с клиентами и партнерами» [Корпоративная пресса 2011].

Понятие «корпоративная пресса» сейчас на слуху у каждого, кто хоть немного связан с жур-

налистикой или корпорацией. Однако не каждый сможет отличить данный вид от деловой, многотиражной или стенной газеты, а эти отличия становятся очевидными при обращении к различным определениям понятий и самим изданиям, составившим эмпирическую базу нашего исследования.

Итак, существует немало определений самого понятия «корпоративная пресса». Отметим некоторые из них:

– во-первых, это «некоммерческое издание, выпускаемое организацией для поддержания контакта с сотрудниками и с широкой общественностью за пределами организации» [Блэк 1998: 70];

– во-вторых, «это ресурс, информирующий о задачах, целях, успехах, новостях, продуктах и услугах компании, выходящий на ее средства и чаще всего не содержащий информацию о других субъектах бизнеса. Корпоративные издания, в первую очередь, предназначены сотрудникам компании, ее клиентам и партнерам...» [Серебряков 2002];

– в-третьих, «выходящие с определенной периодичностью (не реже раза в год) печатные издания, издаваемые за счет компании (полностью или частично), предназначенные для конкретной целевой группы и отражающие интересы компании» [Чемякин 2006].

Несмотря на многообразие определений, у них есть общие черты: характер аудитории, сообщений, а также выпускающая организация. Поэтому наиболее точным считаем определение, данное Ю.В. Чемякиным: «Корпоративное СМИ – это «периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, интернет-сайт, интернет-портал или иная форма периодического распространения информации, служащая интересам определенной корпорации, созданная по ее инициативе и предназначенная, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации» [Чемякин 2006].

Смешение понятий «корпоративная пресса» и «многотиражная пресса», тем не менее, не случайно. Так, на сайте «Корпоративная пресса» отмечается: «Многотиражки доказали, что есть жизнь после смерти. В нашей стране они должны были умереть, чтобы потом переродиться в корпоративные СМИ. <...> Помня многотиражки, выпускаемые в советские времена на каждом заводе, корпоративные медиа словно решили отомстить общественности за то неуважительное отношение к их предтече, доказав, что являются полноценным средством массовой информации».

Получается, что многотиражная пресса – прародительница корпоративной прессы. [Корпоративная пресса]

Исторически сложилось так, что многотиражные газеты, как правило, являются средством двустороннего общения между начальством и подчиненными и не выходят за стены предприятий. В этом их существенное отличие от корпоративных, которые помимо сотрудников корпорации предназначены для партнеров, потенциальных и реальных потребителей производства.

Отчасти в целях реабилитации многотиражных изданий, повышения их статуса в 2004 году была создана Ассоциация корпоративных медиа России (<http://www.corpmedia.ru>), в оргкомитет которой вошли представители крупнейших компаний страны. Организация объединяет специалистов для обмена опытом в сфере внутрикорпоративных и внешних коммуникаций и корпоративных/клиентских СМИ, а так же руководителей в области коммуникаций со стейхолдерами (лицами, заинтересованными в финансовых и других результатах деятельности компании). По словам исполнительного директора Ассоциации Д. Дегтяренко, «Сегодня корпоративные СМИ не только выполняют функции информирования, влияния, формирования лояльности и внедрения корпоративной культуры, они также играют ключевую роль в управлении компании. Это обусловлено следующими причинами: рост внутреннего рынка и усиление конкуренции, расширение сферы деятельности компании и внедрение западных стандартов в управлении фирмой, а также привлечение персонала из медиа. Все больше издательских домов стало уделять внимание корпоративной прессе» [Ассоциация корпоративных медиа России 2011]. По оценкам Ассоциации корпоративных медиа России, ежегодно рост этого рынка составляет около 10–15 %.

Как подвид деловой прессы, созданной для бизнес-коммуникаций с основной ее функцией, заключающейся в удовлетворении информационных потребностей деловых структур, корпоративная пресса стремится к строго определенной цели, заключающейся «в формировании информационной инфраструктуры, обеспечивающей информационные потребности предпринимателей, пропаганду идей и принципов рыночной экономики, распространение законодательной и нормативной информации, создание положительного имиджа отечественного бизнесмена, широкое информирование читателей о мире биз-

неса» [Грабельников 2001: 79-80].

В Тамбовской области доля корпоративной прессы в объеме печатных СМИ региона значительна, что также было характерно для так называемого «советского» периода: тогда многотиражки выходили практически на всех крупных предприятиях региона (их количество переваливало за два десятка). В настоящее время число их не меньше, однако четко прослеживается тенденция, характерная для постсоветского периода: многие уважающие себя корпорации, предприятия и т.п. выпускают «корпоративки». Это способствует позиционированию их деятельности среди аудитории читателей.

Известный исследователь деловой печати Д. А. Мурзин выделял четыре вида периодических корпоративных изданий, а в рамках этих видов – подвиды изданий, отличающихся по своему функциональному предназначению:

1.) внутрикорпоративные издания (b2p – business-to-personnel), включающие в себя следующие подвиды: для всего персонала; для линейных менеджеров; для топ-менеджеров;

2.) издания для внешней аудитории с подвидами: отраслевые издания (b2b – business-to-business) ориентированы на персонал компании, работников отрасли, представителей власти; клиентские издания (b2c – business-to-client) обращены к реальному и потенциальному потребителю товаров и услуг компании; просветительские журналы для корпоративных клиентов;

3.) смешанные издания включают в себя признаки первого и второго видов;

4.) бывшие многотиражки с подвидами: собственно заводские многотиражки – распространяются среди персонала предприятия, типичны для основных промышленных центров страны с большим числом крупных предприятий; заводские газеты для города – будучи заводскими, они одновременно выполняют функции городских газет [Мурзин 2005: 85].

Согласно реестру печатных СМИ Тамбовской области, представленном на официальном сайте администрации Тамбовской области, в настоящее время в регионе выходит одиннадцать корпоративных изданий. Можно выделить следующие их виды:

1) издания для внешней аудитории:

- клиентские издания («Альма-матер», «Вести Мичуринского государственного аграрного университета», «Вестник управления Федеральной налоговой службы РФ по Тамбовской области. Налоги», «Державинский вестник», «Пожарный

вестник», «Полоса безопасности», журнал Управления Судебного департамента при Верховном суде РФ в Тамбовской области «Судебные известия»);

2) бывшие многотиражки:

- собственно заводские многотиражки («Вагонник», «Тамбовский подшипник», «Химик», «Электроприбор»).

Преимущественно издания выходят один раз в месяц, имеют неизменную структуру, систему рубрикаций в течение продолжительного времени и освещают темы и проблемы, характерные для конкретного профессионального сообщества, корпорации, учреждения.

Автор исследования имеет почти десятилетний опыт работы в одной из корпоративных газет региона, представляющей собой вид бывшей многотиражки, – в газете «Химик» (ОАО «Пигмент»), вначале как внештатный сотрудник редакции, в настоящее время – редактор газеты.

Тематика издания актуальна для работников данного предприятия, обнаруживается заинтересованность у сотрудников сторонних корпораций, занятых в том же виде промышленности – химическом производстве. В настоящее время можно выделить ряд рубрик, в которых освещается специфика производства: «Производство. Экономика. Прогресс», «Модернизация производства», «Ноу-хау». Людям труда посвящаются зарисовки и очерки в рубриках «Человек и его дело», «Человек с Доски почета». Вопросы социальной защищенности, правовой ликбез проводятся в рубриках «Социальные гарантии», «Консультирует юрист», «Вопрос–ответ», «Редакционная почта». Прижились рубрики «Кадровая политика», где рассматриваются вопросы о подготовке и переподготовке сотрудников компании, ее сотрудничестве с учреждениями образования региона, «Маркетинговая деятельность» – о механизмах продвижения товаров, производимых предприятием, на внутренний и внешний рынки. Традиционно последняя полоса газеты посвящается досуговой деятельности заводчан: выставкам и конкурсам, проводимым на предприятии, освещению встреч с творческими людьми Тамбовщины (рубрики «На музыкальной волне», «На поэтической ноте», «В ракурсе фотообъектива», «Прекрасное – рядом», «Духовные ценности», «Эхо праздника»).

Популярная на предприятии спортивная тематика, так как сотрудники компании имеют возможность посещать спортивный комплекс предприятия, шахматный клуб, теннисные корты, тренироваться на футбольном поле, соревно-

ваться в заводских спартакиадах, выезжать на соревнования для промышленников в другие города, ранее освещалась в тематических рубриках. В настоящее время (этому проекту чуть более пяти лет) издается ежеквартальное полноцветное приложение к газете «Пигмент» спортивный», которое в 2010 году было заявлено в номинации «Лучший медиапроект» в конкурсе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и расположилось на четвертом месте в рейтинг-таблице, за что было отмечено специальным дипломом.

Регулярно проводимое анкетирование сотрудников компании, для чего в подразделения предприятия рассылаются анкеты, позволяет намечать стратегию развития издания: вводить новые рубрики, выходить на городскую тематику, повышать регулярность выхода газеты в свет, использовать новые дизайнерские подходы.

Неизменным остается одно – желание заводчан узнать о том, чем живет предприятие, какие у него перспективы, что нового в соседнем цехе, чем примечательны коллеги. Судя по всему, корпоративная пресса, в том числе видоизмененные многотиражки, – одно из перспективных направлений в современной журналистике. Корпорации не перестанут существовать, и естественно, что руководство компаний сделает все возможное для продвижения товаров и услуг на рынок, обеспечивая их конкурентоспособность, в том числе, используя ресурсы масс-медиа.

Литература

Ассоциация корпоративных медиа России // <http://www.corpmedia.ru>. 23.03.2011.
Блэк С. Введение в паблик рилейшнз: пер. с англ. Ростов н/Д., 1998.

Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий: Итоги и перспективы. М., 2001.

Корпоративная пресса//www.pressko.ru
25.03.2011.

Мурзин Д. А. Феномен корпоративной прессы. М., 2005.

Нечаев Д. Н., Тулупов В. В. Деловые печатные издания России: Становление, специфика, тенденции развития. Воронеж, 2006.

Серебряков С. Самиздат в фирменной упаковке // *Design today*. 21.11.2002.

Чемякин Ю. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург, 2006.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

Поступила в редакцию 7.04.2011.

S.V.Guskova

**Corporate and large-circulation press of Tambov region:
yesterday, today, tomorrow
(view of theorist and practitioner)**

The article considers the existing approaches to defining of the notion of "corporate mass media" and "large-circulation press", highlights their typological characteristics. Theoretical foundations of the research are supported by examples of corporate and large-circulation mass media of Tambov region. Experience of the author in the corporate and large-circulation newspapers of the region is used.

Keywords: corporate press, large-circulation press, business press, regional mass media.

5. Критика, рецензии, обзоры, библиография

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

А.Л. ШАРАНДИНА «РУССКИЙ ГЛАГОЛ: КОМПЛЕКСНОЕ ОПИСАНИЕ»

Т.В. Белошапкина

Изучение грамматического строя языка – это вечная цель филологических исследований. Казалось бы, что триста лет фундаментального изучения русского языка должны были поставить точку в этом вопросе, но представленное исследование говорит об обратном. Монография содержит описание только одной части речи – глагола, но это очень глубокое и системное описание, охватывающее три века филологических исследований. А.Л. Шарандин разрушает стереотипы большинства современных исследований: он, выделяя хронологические этапы в изучении этой части речи, не относит исследования XVIII и XIX веков к фактам истории науки – для него это обладающие научной ценностью исследования. Думается, что это очень важный для современной науки факт, ведь фактически это некий новый ракурс грамматического исследования.

Интересен подход к описанию этой части речи, глагола. Так, А.Л. Шарандин указывает «с одной стороны, морфология глагола рассматривается как система категорий и форм. В этом смысле она (вместе с синтаксисом) противопоставляется лексике, поскольку каждый из этих уровней обнаруживает характеристики, присущие им, демонстрирует свои специфические способы выражения той информации, которая передается грамматикой и лексикой и аккумулируется ими, обеспечивая функционирование языка в целом. ... <> ...

С другой стороны, противопоставление морфологии (грамматики) и лексики во многом условно, поскольку они являются подсистемами по отношению к языку как к естественной системе. А это значит, что в системе языка грамматика и лексика (да и фонология, словообразование) слиты

В рецензии на монографию А.Л. Шарандина «Русский глагол: комплексное описание» (Тамбов, Изд-во Першина Р.В., 2009. 586 с.) автор анализирует структуру книги, представленные в ней научные принципы и подходы к изучению русского глагола, особо отмечает новый ракурс грамматического исследования.

Ключевые слова: рецензия, монография, русский глагол, грамматическое исследование.

воедино и свойства их единиц порой нерасторжимы» [Шарандин 2009: 4].

Представленное исследование строится на следующем ряде принципов, которые были сознательно выдвинуты автором. Это – принцип многоаспектности, целостности, диалектический подход, реализующий принцип взаимосвязи различных сторон языка, принцип системности и полноты освещения грамматических проблем, сориентированность результатов исследования на научно-исследовательскую работу, принцип преемственности и непрерывности изучения русского языка.

В монографии поднимается целый ряд интересных вопросов – это вопрос о системе частей речи современного русского языка, вопрос о характере содержания частеречного значения глагола, соотношение формообразования и лексеообразования, система грамматических форм русского глагола. А.Л. Шарандиным детально рассматриваются как морфологические категории русского глагола, так и лексико-грамматические разряды. Реализуя свой подход, А.Л. Шарандин, с одной стороны, анализирует теоретическую проблему соотношения лексико-грамматических разрядов и лексико-семантических групп, а с другой стороны, решает эту

проблему на практике, описывая взаимосвязь между акциональными и неакциональными глаголами и категориями наклонения и времени, между предельными и непредельными глаголами и категорией вида, между динамичными и нединамичными глаголами и категорией способов действия, между объектными и безобъектными глаголами и категорией залога, между гомическими и негомическими глаголами и категорией лица, между субъектными и бессубъектными глаголами и категорией числа.

Одним из интересных вопросов, рассмотренных в монографии, есть вопрос о такой единице языка, как **слово**. Вообще сама постановка этого вопроса выделяет данное исследование из современных, где вопрос о сущности этой единицы относится к разряду неразрешимых и, следовательно, не представляющего интереса для исследователя. А.Л. Шарандин дает следующее определение слову: «это грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленный знак коммуникативной системы человека, связанный с отражением и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем называния ее или указания на нее и участвующей в передаче аккумулированной информации на правах самостоятельного элемента высказывания» [Шарандин 2009: 135].

Другим, не менее интересным вопросом, связанным с предыдущим, является вопрос о **форме слова**, который, к сожалению, в большинстве современных грамматических исследований также необоснованно выведен из числа актуальных. А.Л. Шарандин справедливо указывает, что «понятие формы слова оказывается следствием наших знаний по освоению языка как знаковой коммуникативной системы, которая выступает в качестве естественного объекта, коррелирующего с действительностью, познание которой нашло отражение в языковом сознании» [Шарандин 2009: 166].

Особый интерес представляет та практическая часть исследования, где представлено лексикографическое описание глагольной леммы. Здесь поднимается важный вопрос о многозначности глагола в морфологическом аспекте, суть которого заключается в том, что «пропуская то или иное конкретное значение через «фильтры» грамматических категорий, мы выявляем ту модель, программу номинации, которая по-разному

реализуется в различных условиях коммуникации» [Шарандин 2009: 477]. Следует указать, что этот принцип описания представлен на материале многозначной глагольной леммы «**учить**».

Исследование охватывает три века филологических исследований, естественно, что за три столетия изменились не только имена исследователей, но и сами методы исследования, то есть в книге представлена вся цепочка: логический, психологический, структурно-семантический и когнитивный подходы. Так, А.Л. Шарандин последовательно проводит когнитивное исследование этой части речи, имеется отдельный параграф, напрямую связанный с этим подходом, – «Система грамматических форм русского глагола. Категория репрезентации». Этот подход позволяет решить трудную проблему определения статуса **девербатива** (субстантивной глагольной формы). Девербатив – это особая семантико-грамматическая форма глагола, «поскольку обоснование девербатива носит в большей степени грамматический характер, а не лексический, позволяющий квалифицировать девербатив в качестве самостоятельного слова (леммы). Но признавая девербатив субстантивной формой глагола, мы не отрицаем ее когнитивной ценности, значимости, как не отрицали в случаях с причастием и деепричастием. Мы просто ставим их в один ряд – особых форм глагола» [Шарандин 2009: 205].

Монография А.Л. Шарандина, объединяющая в себе разные пути изучения этой части речи, позволяет представить целостную картину, сложившуюся в науке, что для молодых исследователей это является особо важным. Здесь особого интереса заслуживает параграф «Методические аспекты изучения глагола». Как совершенно справедливо пишет А.Л. Шарандин «научить студентов делать осознанный выбор той или иной языковой теории – важнейший момент в их подготовке как специалистов, когда студент оказывается перед выбором одного решения из нескольких, когда его учебный и научный потенциал проявляются как творчество» [Шарандин 2009: 532].

Недостатки книги, как это часто бывает, тесно связаны с ее достоинствами. Положительный момент – это глубокое всестороннее описание глагола, с использованием когнитивного подхода. Сопутствующий ему недостаток – излишняя сжатость в освещении именно когнитивного подхода, в то

время как этот подход еще не приобрел статуса общеизвестного и признанного. Думается, что определенные отсылки к основным положениям этой теории только бы украсили исследование. В целом же монография А.Л. Шарандина – это определенный этап в изучении такой части речи, как глагол.

ФГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

Поступила в редакцию 8.05.2011 г.

Литература

Шарандин А.Л. Русский глагол: комплексное описание: монография. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2009.

T.V. Beloshapkova

Review of the book by A.L. Sharandin «Russian verb: comprehensive description»

In the review of a monograph by A.L. Sharandin «Russian verb: a comprehensive description» (Tambov, publishing house of Pershin R.V., 2009. 586 p.) the author analyses the structure of the book, scientific principles and approaches to the study of Russian verb, presented in it, particularly notes the new aspect of the research.

Keywords: review, monograph, Russian verb, the grammatical study.

ЗАЩИЩЕНА ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ. Д.С. МОСКОВСКАЯ «ЛОКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ Н.П. АНЦИФЕРОВА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920-1930-Х ГГ.»

Л.В. Полякова

О диссертации Д.С. Московской можно однозначно сказать: это фундаментальный, талантливый и долгожданный труд. На его страницах воспроизведена творческая судьба одного из классиков отечественной гуманитарной науки Н.П. Анциферова (1889-1958), огромный вклад которого в литературоведение до конца 1980-х годов был известен лишь его современникам. И самое главное, эта диссертационная работа, обращенная к теоретической проблематике, совершенно лишена схоластики: анализируемый свод историко-литературных и теоретических вопросов выверяется художественной практикой выдающихся писателей.

Диссертационная работа «Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг. (Проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы)» выстроена в соответствии с четко сформулированными целью и задачами автора: описать связи художественной литературы 1920-1930-х годов и краеведения, исследовать содержание и определить особенности поэтики литературно-художественной местнографии времени, установить ценность научных открытий Н.П. Анциферова для современной филологии; восстановить научные предпосылки, идеологический контекст и «диалогизирующий» фон, предопределивший возникновение локально-исторического метода в отечественном литературоведении 1920-х годов; рассмотреть основные идеи и понятия методологии Анциферова в их связи с историей русской литературой 1920-1930-х годов; обосновать предложенные локально-историческим методом Анциферова стратегию и своеобразие поэтики художественной хронотопической образности как наиболее соответствующие содержанию образов местности в литературе 1920-1930-х годов. Положения, выносимые на защиту, сосредоточены на вопросах об основной причине выдвижения географических, природно-климатических, этиологических, этнографических, топонимических, архитектурно-монументальных примет местности в центр материализации идеологического и эмоционального содержания произведений рус-

В феврале 2011 года в Институте мировой литературы имени А.М.Горького РАН защищена докторская диссертация Д.С. Московской «Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг. (Проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы)». На ее страницах анализируется один из перспективных методов изучения художественной литературы, излагается его научная и практическая значимость для литературоведения. С использованием методологии классика литературоведческой мысли анализируются произведения А.Платонова, М.Пришвина, С.Есенина, Н.Заболоцкого, Л. Добычина.

Ключевые слова: литературоведческая методология, локально-исторический метод, Н.П. Анциферов, русские писатели «беллетристы - краеведы».

ской пореволюционной литературы; обогащенном новыми понятиями языка историко-литературного анализа, предложенными Анциферовым: «легенда местности», «литературный миф», «художественная идиография», «писатель-краевед» и другими. При этом Д.С. Московская уточняет: «Новые архивные и документальные материалы позволили обнаружить в ряде случаев глубокое непонимание содержания научных открытий Анциферова, историко-литературного и теоретического значения выдвинутой им проблематики и ее научных перспектив».

Примечательно замечание автора диссертации о том, что предмет литературоведческих исследований Анциферова находится в русле национальной духовно-культурной традиции русской литературы, выдвигающей в качестве основополагающей ценности отношение к родной земле как к святыне [Московская 2011: 7,8,9].

Содержательная же часть работы буквально захватывает широтой и конкретикой информации, аргументацией выдвигаемых положений, насыщенностью наблюдений, точностью формулировок

и осмотрительностью оценок.

В науке о литературе хорошо известен факт исторической полемики Пушкина с Чаадаевым по поводу содержания так называемого «первого философического письма» русского писателя и философа. Пушкин и Чаадаев говорили об особенностях России и, обратим внимание, поэт акцентировал как самостоятельные и взаимосвязанные понятия «отечество» и «история» («но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал...») [Пушкин 1948: 868]. Собственно, эти оценки, с одной стороны, Чаадаева, с другой – Пушкина о русском человеке, «жизнетворящем» «общем духе» народа, о национальной истории, России, об отечестве и составляют ментальные черты географического, этнического, социально-бытового, психологического, характерологического, историко-культурного, экономического, политического, духовного пространства, которое вмещается в наши представления о крае, регионе, о нашем месте в нем. Оно, пространство, претендует на осмысление его в рамках особой науки, постижение которой ведет нас к пониманию того, что «история наших предков» – это и есть *Моя* история, и *я* являюсь частью жизни того или иного локально-исторического края.

В последние два-три десятилетия под воздействием, с одной стороны, процессов глобализации общественного сознания, с другой – подъема национального самосознания, осознания цельности и специфичности *я*, актуальными и методологически обоснованными становятся не только выявление общих, единых типологических характеристик, но и не в меньшей степени анализ специфических особенностей регионально-исторического развития, что и является одной из задач краеведения как гуманитарной науки, в том числе *филологической регионалистики*.

Литературоведческое краеведение, о нем сейчас речь, – один из путей познания особенностей жизни региона, именно с опорой на тематические и жанровые классификации литературно-художественных произведений, структурно-поэтический анализ текстов, на литературно-критические, текстологические реалии, комментирование, толкование, издание, составление научной библиографии и написание научной биографии писателей. В процессе постижения филологической регионалистики возможно создать представление о месте того или иного края в истории всей отечественной культуры и литературы. При этом надо иметь в виду, что отклики самих писателей о крае недоста-

точно лишь констатировать: следует в каждом отдельном случае учитывать ситуацию и обстоятельства, условия, в которых возникали те или иные характеристики и оценки. Тогда станет понятным, почему, например, А. Платонов оценивал тамбовскую жизнь однозначно негативно, а О. Манделштам, спустя менее десятилетия, столь же однозначно пропел оду зимнему Тамбову.

Диссертация Д.С. Московской написана во многом в рамках общей проблематики филологической регионалистики как литературоведческой дисциплины, особой отрасли истории литературы. Самый большой вклад диссертанта в историко-литературную науку связан не только с репродуцированием новаторского труда выдающегося литературоведа Н.П. Анциферова, как называет его Д.С. Московская, «филолога – краеведа» [Московская 2011: 4], его основополагающего труда, диссертационного исследования «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций», но, главное, с фундаментальным осмыслением его содержания и оценкой подлинных научных открытий ученого. На страницах диссертации актуализируется оригинальный историко-литературный подход классика литературоведческой мысли, а современная методология науки о литературе обогащается по-новому прочитанным исследовательским методом, «локально-историческим». В этом отношении в диссертации, представленной к защите, особенно ценна вторая глава – «Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова. Научные предпосылки. Содержание», где излагается теория и определяется терминологический инструментарий анализируемого метода. Это важно для его внедрения в современную научно-исследовательскую практику внедрения, которое успешно и осуществляет сама Д.С. Московская, что сообщает ее исследованию очевидные черты новаторского филологического труда.

С целью воспроизведения и анализа локально-исторического метода диссертантом прочитаны не только диссертация Н.П. Анциферова, но и переизданные в конце 1980 – начале 1990-х годов его знаковые книги «Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924), которые ввели в науку о литературе тему отношения урбанистической художественной образности к реальному источнику – монументальному городу.

Закономерно, что Д.С. Московская обращает внимание прежде всего на «хронотопическую об-

разность», «образы местности» как проблему, активно решаемую в 1920-е годы другими методологами, в частности, М.М. Бахтиным, создавшим с опорой на «Лаокоона...» Лессинга и теорию относительности Эйнштейна целое учение о хронотопе. Современный московский исследователь легко улавливает расхождения Анциферова со своим выдающимся современником. «Однако, – пишет Д.С. Московская, – осмысление социальной реальности остается у Бахтина все же в рамках философско-эстетической, культурологической проблематики, тогда как научный метод Анциферова возвращает исследователя непосредственно к не книжному первоисточнику художественных образов» [Московская 2011: 4]. Автор диссертации специально уточняет особенности содержания анциферовского локально-исторического метода и пишет о том, что историко-литературные исследования Анциферова выявили важную особенность русской литературы как литературы, созданной писателями с талантом и установками социального историка – краеведа, и продемонстрировали достоверность социальных наблюдений и прогнозов, следующих из хронотопической образности русской словесности. «Вот почему Анциферов был убежден, – уточняет далее Д.С. Московская, – что изучение истории литературы требует и от литературоведа конкретно-исторических знаний и не книжного источника впечатлений. Методология Анциферова предполагает полевые исследования, требует выезда историка литературы на местность, где развивается действие изучаемого художественного произведения, и сравнения увиденного с хронотопом, созданным писателем. Итогом станет, как утверждал ученый, смирение филолога перед открывшейся ему действительностью, преодоление исследовательского эгоизма, порожденного интеллектуальными привычками» [Московская 2011: 4].

Д.С. Московская, соблюдая логику исследования и его научную целесообразность, специально помещает разработанный Анциферовым в 1920-е годы метод в литературоведческий контекст этого периода, напоминает о единовременности существования его с методологическими спорами в марксистской социологии, социологическим методом, разрабатывавшимся «бахтинским кругом», научными поисками ленинградских формалистов. Однако автор диссертации не в достаточной мере учитывает именно тот научный историко-литературный контекст, в который вполне вписывается Анциферов с методом локально-исторического анализа. Здесь необходимы конкретные уточнения и иных позиций. Например, в 1923 году А.П. Скафтымов написал специальную работу «К вопросу о

соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (обратим внимание: именно «соотношении»), где, называя черновые материалы, планы писателя, прототипы его героев, другие всевозможные литературные сопоставления, даже читательское сотворчество, уверенно подчеркнул: «Стороннее свидетельство автора, выходящее за пределы произведения, может иметь только наводящее значение и для своего признания требует проверки теоретическими средствами имманентного анализа... Только само произведение может за себя говорить... В нем самом автором заключены все концы и начала... Изменчивость интерпретаций свидетельствует о различной степени совершенства постижения, но нисколько не узаконивает всякое постижение, какого бы оно ни было...». В обратном случае, «вся наука, вместо знания о фактах, должна была бы превратиться в перечень мнений о фактах. Нужна ли такая наука?» [Скафтымов 1923].

Д.С. Московская, на мой взгляд, несколько абсолютизирует значение для историка литературы локально-исторического метода Анциферова. В его анализе и оценке, несмотря на заманчивую привлекательность методологического смысла, все же должны быть какие-то оговорки, уточнения.

В диссертации Д.С. Московской собран, исследован и теоретически обобщен огромный фактический материал. Научные открытия Анциферова и их генезис рассмотрены на широком биографическом, историко-литературном и общественно-историческом фоне. Выявлены новые архивные материалы, изучены публикации в периодике в 1920-1950-х годов.

По-особому ценным для современного литературоведения воспринимается в диссертации пункт 8 Положений, выносимых на защиту, где подчеркнут, к сожалению, нечасто присутствующий на страницах научной литературы, в первую очередь, гуманитарной, вопрос о единстве, зависимости отечественной науки о литературе от духа самой литературы: «Предмет литературоведческих исследований Анциферова, – формулирует автор диссертации, – находится в русле национальной духовно-культурной традиции русской литературы, выдвигающей в качестве основополагающей ценности отношение к родной земле как к святыне», где подчеркнуто нравственное содержание анализируемого локально-исторического метода Н.П. Анциферова, филолога, обращение которого к краеведению во многом было продиктовано же-

ланием теснее связать свою профессиональную судьбу с историей родины. По словам Д.С. Московской, «сохранение камней культуры» казалось ему важнейшей нравственной задачей времени» [Московская 2011: 11].

На страницах диссертации ее читателя обязательно привлечет страница, где констатируется позиция Анциферова в связи с понятием «идиографического познания». Д.С. Московская пишет: «В статье «Беллетристы-краеведы» Анциферов объясняет вошедшее в заглавие понятие: **беллетрист-краевед** – писатель, чей творческий метод устремлен к познанию конкретной индивидуальности края. Он постигает особенности анатомии, физиологии и психологии местности целокупно» [Московская 2011: 20]. «Как комментарий к методологии ученого и в качестве самостоятельного объекта изучения, – пишет диссертант, – выступили произведения Андрея Платонова, Сергея Есенина, Константина Вагинова, Николая Заболоцкого, Леонида Добычина, Михаила Пришвина» [Московская 2011: 5]. Полагаю, здесь есть над чем задуматься. Можно ли назвать классиков русской литературы XX века, а ранее с темой Петербурга Пушкина, Достоевского, писателями «беллетристами-краеведами»? Вот и § 1 главы 4 называется «Мотив странничества, кочевничества в произведениях А.П. Платонова. Опыт краеведческого комментария», и речь здесь идет о продолжении традиции изображения природного ландшафта русской земли в литературе XIX века. «Как свидетельствует запечатленный этой традицией социальный опыт, во «власти земли» над сознанием и судьбой ее обитателей следует искать источник реальных и метафизических странствий героев пореволюционной словесности» [Московская 2011: 29]. И еще: «И все же именно им, продолжившим галерею русских странников, было предназначено завершить вековое блуждание теряющего духовные координаты русского человека. Им предстоит найти не в отдаленных странах, а на детской родине сокровенный «сюжет». По нему они сверяют направление в русской истории и собственной жизни» [Московская 2011: 33].

Не упрощаем ли мы таким образом трактовку мотива странничества в русской литературе? Мне ближе Н.А. Бердяев: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем

нет приземленности...» [Бердяев 1990: 32]. Так трактует Бердяев мотив странничества у Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. Интересна характеристика странничества героев А. Платонова современными специалистами: человек уходит от нахлынувшего на него глобализма, возвращается к незаметному способу существования; человеку надо укрепляться в самом себе, ему нужно забвение.

Можно и далее продолжать перечень достоинств работы Д.С. Московской и вполне естественных для столь сложной проблематики исследования вопросов к его автору. Однако ни мои открытые вопросы к автору диссертации, ни тем более замечания частного характера не могут поколебать моей уверенности в том, что перед нами солидный исследователь, написавший на основе совершенно не освоенного ранее в науке материала целостный, заверченный и самостоятельный фундаментальный труд, открывший новую страницу в литературоведении. Он значительно обогащает существующую методологию науки о литературе и в среде специалистов вызывает огромный интерес.

Литература

- Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990.
- Московская Д.С. Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг. (Проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы) Автореферат дисс... докт. филол. наук. М, 2011.
- Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т.10. М., 1949.
- Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Ученые записки Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Словесно-историческое отделение педагогического факультета. Саратов, 1923. Т. 1. Вып. 3.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
Поступила в редакцию 03.03.2011.

L.V.Polyakova

Defended a doctoral thesis:

D.S.Moscovskaya «Locally-historical method in the study of literature of N.P. Antsiferov and Russian literature of the 1920-1930-s.»

A doctoral thesis of D.S. Moscovskaya «Locally-historical method in the study of literature of N.A. Antsiferov and Russian literature of the 1920-1930-s (Problems of interrelations between local lore and lit-

erature)» was defended at the World Literature Institute named after A.M. Gorky RAS in February 2011. One of the most promising methods of studying literature is analyzed and its scientific and practical importance for the study of literature is expounded on its pages. Using the methodology of the classic of literary thought the works of A. Platonov, M. Prishvin, S. Esenin, N. Zabolotsky, L. Dobychin are analyzed.

Keywords: literature-study methodology, locally-historical method, N.P. Antsiferov, the Russian writers «novelists - lore».

6 . Наши публикации

ПО СТРАНИЦАМ «ТАМБОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

По страницам «Тамбовских Губернских Ведомостей»

Газета «Тамбовские Губернские Ведомости» издавалась при тамбовском губернском правлении с 1838 года. В ней зафиксированы все значимые для истории страны и губернии события. В 2011 году отмечается 165-летие первого выпуска Тамбовского Александринского института благородных девиц, названного в честь императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. По указу императора в 1836 г. бывшая усадьба тамбовских наместников (среди которых был и Г.Р. Державин) была отдана под строительство здания института. В 1843 г. придворный архитектор Брюллов завершил строительство, а в 1846 году состоялся первый выпуск института, о чем свидетельствует заметка в «Тамбовских губернских ведомостях».

Несомненно, в год 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова представляет интерес сообщение газеты о том, как в Тамбове отмечалось 100-летие гения отечественной науки и культуры.

«Тамбовские Губернские Ведомости».

1846 год. № 36.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ИЗ ТАМБ. АЛЕКСАНДРИНСКОГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Александринский институт был открыт в Тамбове в августе месяце 1843 года и поступил под покровительство Государыни Императрицы Александры Федоровны. Первою начальницею заведения была высочайше назначена Елена Александровна Кроун. – В 1846 г. был первый выпуск девиц, окончивших курс воспитания в количестве 14. 16 и 17 июля происходили публичные испытания в присутствии преосвященного и начальника губернии. 18 июля было днем особенного торжества для института – днем прощального экзамена, происходившего при многочисленной публике и в присутствии начальника губернии. Экзамен начался музыкою, сыграны были пьесы лучших композиторов; далее – пение. Пение народного гимна «Боже, Царя храни!» хором девиц произвело особенно сильное впечатление на всех присутствующих. Экзамен кончился танцами. После экзамена начальником губ. розданы были награды достойнейшим из девиц.

Газета «Тамбовские губернские ведомости» издавалась при тамбовском губернском правлении с 1838 года. В ней зафиксированы все значимые для истории страны и губернии события. В 2011 году отмечается 165-летие первого выпуска Тамбовского Александринского института благородных девиц, названного в честь императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. По указу императора в 1836 г. бывшая усадьба тамбовских наместников (среди которых был и Г.Р. Державин) была отдана под строительство здания института. В 1843 г. придворный архитектор Брюллов завершил строительство, а в 1846 году состоялся первый выпуск института, о чем свидетельствует заметка в «Тамбовских губернских ведомостях».

Несомненно, в год 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова представляет интерес сообщение газеты о том, как в Тамбове отмечалось 100-летие гения отечественной науки и культуры.

«Тамбовские Губернские Ведомости».

1865 год. № 16.

ПРАЗДНОВАНИЕ СТОЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ЛОМОНОСОВА В ТАМБОВЕ

Празднование проходило вместо 4 апр. – 8 апр. Пр. Феодосием отслужена была литургия в кафедр. соборе и панихида по Ломоносове. Торжество происходило в зале коммерческо-коннозаводского собрания в присутствии губернатора. Учит. словесности Кованько прочитал краткую записку о жизни и заслугах Ломоносова; о. Георг. Хитров прочитал записку о Ломоносове, как мыслителя, которая напечатана при этом номере.

*Материалы предоставлены
проф. Н.Л.Потаниной.
Комментарий Н.Ю. Желтовой.*

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Краткий словарь народных речений, составленный членом Императорского Вольного Экономического, лебедянского и Королевско Баварского Обществ Сельского Хозяйства, (также) «Per Verein gegen Thierguälerei zu Hünehen», – Христофором Козловым.

В публикации приводится первый опыт сбора и интерпретации простонародных слов, который был осуществлен автором на территории Борисоглебского уезда Тамбовской губернии.

Ключевые слова: простонародные слова, Борисоглебский уезд

«Тамбовские Губернские Ведомости».
1865 год. № 16.

Краткий Словарь народных речений, составленный членом Императорского Вольного Экономического, лебедянского и Королевско Баварского Обществ Сельского Хозяйства, (также) «Per Verein gegen Thierguälerei zu Hünehen», – Христофором Козловым представляет первый опыт (попытку) сбора и толкования простонародных слов, который был осуществлен автором на территории Борисоглебского уезда, входящего в XIX веке в состав Тамбовской губернии. Интерес к этому материалу в наше время и решение редколлегии опубликовать его на страницах журнала вызвано не только желанием популяризировать наследие региона, сделав его доступным как для специалистов, так и для широкого круга читателей, но и желанием приблизиться к решению более сложных и актуальных задач нашего времени, одна из которых заключается в комплексном и всестороннем описании локальных культур. Ценность предложенного читателю материала, значительно возрастает, если учитывать тот факт, что сведения, содержащие подробное описание конкретной (в нашем случае тамбовской) традиции крестьянского быта, культуры, обычаев, языковых особенностей, нашедшие отражение в записях современников того времени – минимальны. Лишь незначительные вкрапления/ссылки на народную культуру региона мы находим в трудах А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1869], М. Забылина [Русский народ 1880 1880], С.В. Максимова [Максимов 1986], А. Терещенко [Терещенко 1848], И.П. Сахарова [Ска-

зания русского народа 1990] и др. В этой связи счастливым исключением, пожалуй, можно признать три статьи В. Бондаренко [Бондаренко 1890], а также работы Звонкова [1889], Писарева [Пискарёв 1864] и некоторых других. Небольшие по объему и ограниченные тематически они хотя и затрагивают различные аспекты региональной культуры, однако, не претендуют на воссоздание в полном объеме ее самобытности. Опубликованные материалы будут способствовать решению и вполне конкретных, прагматических задач: предоставить возможность широкой аудитории работать с источником, который отличается ветхостью, разрозненностью выпусков, труднодоступностью при обращении к нему.

Словарь простонародных речений включает 206 слов, которые были зафиксированы автором на территории Борисоглебского уезда и которые отражают разные стороны материальной и духовной культуры региона. Структура Словаря традиционна: словник подается в алфавитном порядке, напротив искомого слова размещается его толкование, однако, без каких-либо стилистических, грамматических, географических и др. рода помет. Существенным упущением автора следует признать отсутствие контекстов, иллюстрирующих не только функционирование самой лексемы, но и подтверждающие толкование, которое предлагает автор.

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 3. М., 1869;

Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып.1.

Бондаренко В. «Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии» // Этнографическое обозрение Вып.3 и Вып.4. 1890.

Максимов С.В. Литературные путешествия. М., 1986.

Пискарёв // Тамбовския губернская ведомости. 1864. 11 апр.

Русский народ. Его обычаи, обряды и предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. 1880.

Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990.

Терещенко А. Быт русского народа. Часть V-VII. Санктпетербург, 1848.

ТАМБОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ

второй отдел ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ. Борисоглебский Помещик Христофор Козлов, доставил в Редакцию наших Губернских Ведомостей статью под заглавием «Собрание простонародных слов». Помещаем эту статью без изменения в том самом виде, как она к нам доставлена.

МАТЕРИАЛЫ для русской этнографии

Собрание простонародных слов. Сведения об отличительных чертах народных особенностей, существующих в России и преимущественно выраженных наречиями языка – доставляют необходимый и важный материал для Русской Этнографии; поэтому я счел нелишним сообщить в Губернскую Газету нашу краткий словарь народных речений (в азбучном порядке составленный), кои собрал я из разговорного языка поселян Борисоглебского уезда.

А

А? АСЬ? – что, или по народному произношению что? чего? Вопросительный отзыв на спрос или клик.

АБНАКНОВЕННО – испорченное слово – обыкновенно.

АВОСЬ – может быть, может сбыться.

АЖНО, ИНДО – даже, чрезмерно, так что.

АЗАРНИК (АЗАРТНИК) – буян, проказник, нахал.

АЛЫРНИК – обманщик, оболъститель.

АНУЧИ (ОНУЧИ) – суконные или посконные отрезки в виде полотенца для обертывания ног вместо чулок.

АТАВА – трава, выросшая после скошения и уборки сена, здесь пасется скот.

АРЯСИНА – остолоп, большой дурак (дурачина).

Б

БАДЬЯ – большое ведро с железными обручами для доставания воды из колодезя.

БАКЛУШИ-БИТЬ – ничего не делать, пустяками заниматься (*far-niente*).

БАЛОБАН – дурак, бессмысленный идиот.

БАЛЯСЫ – вычурные фигурки, украшения на крестьянских строениях (орнаменты).

БАРАБОШИТЬ – делать суматоху, поднимать тревогу.

БАРАХТАТЬСЯ – бороться, возиться.

БАТРАК – работник, наемник, слуга.

БАЯТЬ, БАЛАКАТЬ – говорить, рассказывать.

БАЛАМУТИТЬ – переполошить, встревожить.

БАХИЛЫ – большие крестьянские сапоги.

БАШКА – большая, глупая, а иногда умная голова.

БИШЬ – забыл, запомнил; говорят: как бишь его зовут? (не припомню – как его имя?)

БИРЮК – волк.

БОНДАРЬ – бочар, делатель бочек, кадок и др. посуды.

БОСОМЫГА – ходящий босиком, без обуви.

БУЛДЫРЬ – дом, стоящий особенно от селения, в уединении.

БУЕРАК – крутой, обрывистый овраг.

БРЕДЕНЬ – вязанная из бичевы сеть для ручной ловли рыбы.

В

ВАХЛЯК (РОХЛЯ, РОСТОПША) – простак, олух, дурак.

ВЕНТЕРЬ – редкая сеть, растянутая на обручах с узким отверстием для входа рыбы и с двумя крыльями, как у невода, для загона рыбы.

ВЕРША – сплетенная из тонкого хвороста (прутьев) снасть для ловли рыбы на запорах, делаемых на протоках воды в половодье.

ВОЗГРЯ – сопля; отсюда ВОЗГРЯК – сопливый, дрянной, плохой, малый мальчишка.

ВОРОХ – куча какого-либо земледельческого произведения.

ВЯКАТЬ – болтать, пустомелить.

ВЕДМЕДЬ – испорченное слово: медведь.

ВЫНУПОРЫ – в другое время; в иную пору.

ВТЮРИТЬСЯ – попасть во что-нибудь, погрязть.

Г

ГОЛОМЯ – не так давно, но спустя некоторое время.

ГОМЗУЛЯ – большой ломоть хлеба.

ГАРНИТУР – испорченное французское название материи: Gros de Tours.

ГУЛЮЧКИ – игра в жмурки.

ГУНЯВЫЙ – гнусливый, также больной плешивостью.

ГУЖОМ – перевозка чего-либо сухопутьем.

ГУРТ – стадо рогатого скота или овец.

Д

ДАВЯ, ДАВЕЧА – за несколько времени, спустя не долго.

ДОМОВИНА – гроб, смертный одр.

ДРЕБЕДЕНЬ – вранье, вздор, галиматья.
 ДРОВНИ – сани для возки дров, сена и соломы.
 ДРОЧЕНА – род яичницы, готовится на сковороде, из смеси яиц, молока и муки.
 ДУБАСИТЬ – бить, колотить (от слова дубина).
 ДОРОЖКА – большая удочка с оловянной рыбкой для приманки большой рыбы.

Е

ЕРЗАТЬ – ползать, двигаться на заднице.
 ЕРОШИТЬ; ВЗЪЕРОШИТЬ – растрепывать, всклокочивать волосы.
 ЕРИК – небольшое озеро, имеющее извилистую фигуру и сообщение с рекою, из коей в разлив по ложине (протоку) течет вода в это озеро.
 ЕРЫГА (ЯРЫГА) – забулдыга, латрыга – развратный человек, блудный сын, дебошир.

Ж

ЖДАН – род бочонка, в коем возят в поле крестьяне воду.
 ЖИЛЯТЬ – кусать, жалить, уязвлять.
 ЖИТО – собственно ячмень, но этим именем называют и весь хлеб, а оттого произошло слово: ЖИТНИЦА – амбар, хлебохранилище.
 ЖУРИТЬ – бранить с увещанием, а вместо этого слова говорят: ШУНЯТЬ, что означает тоже.

З

ЗАБОР – ограда, плетень.
 ЗАБУБЕННЫЙ – отчаянный, беспокойный, говорят: забубенная башка – отчаянная голова.
 ЗАЖИЛИТЬ – оттягать, присвоить.
 ЗАКУТАТЬ – запереть, затворить.
 ЗИПУН – или чекмен – крестьянская верхняя одежда шьется на подобие полушубка, – (полукафтан).

И

ИВЕРЕНЬ – не гладко тесанное дерево или камень, защеблина, неровное место.
 ИГРАТЬ В МОЛЧАНКУ – ничего не говорить, не находить слов для разговора.
 ИГРАТЬ ПЕСНИ – петь.

К

КАБЫ – если бы, как бы.
 КАСАНДРИКА – бумажная красная материя – александринка.
 КАТУХ – хлев, плетеный из хвороста, для загона птицы или скотины.
 КЛЕТЬ – рубленый из бревен или плетеный из хво-

росту амбар, куда крестьяне кладут свои пожитки и где летом спят; в некоторых местах она называется хибаркой.

КИШМЯ-КИШИТЬ – во множестве находиться, скопляться в одном месте, толпиться.

КЛЮЖЕ – лучше, удобное; неуклюже – дурно, нехорошо.

КОВЫЛЯТЬ – хромать.

КОВЫРЯТЬ – копать, зубы или ногти чистить; лапти плести.

КОКО – яйцо.

КОЛОТЫРНИК – скряга или болтун.

КОМШИТЬ – колотить, бить.

КОМКАТЬ – мять, сминать.

КОНДЫРЬ – отворот рукава, обшлаг у кафтана.

КОНОБ – кувшин, крынка.

КОПА – лентяй; КОПОШИТЬСЯ, ШЕВЕЛИТЬСЯ – тихо возиться, трогаться.

КОПНА – складка снопов хлеба в поле; она состоит из 52 снопов и заключает в себе 4 крестца, из коих в каждом по 13 снопов.

КОТЫ – башмаки у крестьянок в роде галош.

КОТИТСЯ – кроме кошек говорят об овцах, кои собственно ягнатыя.

КОРОБЬЯ – род сундука, сделанный из тонкого дерева или из лубка.

КРАСНА – холст, тканый из льняной пряжи; иногда затыкаются красной бумагой для украшения рубашек и полотенец.

КОСОВИЦА – покос, – время косьбы и уборки сена.

КОЧЕДЫК – инструмент для плетения лаптей, заменяющий тут шило.

КОЧЕРЫЖКА – ствол кочанной капусты (сердцевина).

КУВЫРКАТЬСЯ – перевертываться чрез голову.

КУКИШЬ – шиш, показыванье пальца в знак отказа в чем-либо.

КУКСИТЬ – рыдать, плакать.

КУЛИКАТЬ – напиться пьяным и шататься.

КУЛЬТЯ – поддельная нога, деревяшка; а иногда порченная нога – КУЛТЫШКА.

КУРВА – распутная женщина.

КУРОЛЕСИТЬ – делать глупости и шалости.

Л

ЛИПЯГ – всякая возвышенность, покрытая лесом (от слова липа, которая любит более гористое, высокое места).

ЛЕТОСЬ – в прошлом году.

ЛЯД – беда, злополучие, ЛЯДАЩИЙ – худой, дрянной.

М

МАХОТКА – небольшой горшочек из глины для варенья, пищи (каши).

МАЛЯВКА, МЕЛЮЗКА – самая крошечная вещь, например, мелкая рыба, зверок, птичка.

МЕРИН – выложенный жеребец.

МИРВОЛИТЬ – соглашаться, потакать, благоволивать.

МУСАТЬ – стальное огниво для добывания огня из кремня.

МУСОЛИТЬ – мараить, пачкать.

МУХОРТНЫЙ – малый, тщедушный человек или животное вообще.

МЫТАРИТЬ – мотать, растрчивать имение.

МЯМЛИТЬ – говорить сквозь зубы, запинаясь.

Н

НАГИШОМ – без одежды, в голом теле.

НАДЫСЬ, АНАДЫСЬ, ОНОМНЯСЬ – не очень давно, несколько дней назад, ономедни; так же **ТРЕМЕНИЯСЬ** – не так давно (третьего дня).

НЕКЛЮЧИМЫЙ – бесполезный в домохозяйстве.

НЕРЕМО – семь в роде венгеря, только без крыльев.

НИШКНИ – не говори ни слова, молчи.

НОЖЕВЩИНА – ссора, драка, усобица.

НУКАТЬ, ПОНУКАТЬ – побуждать, понуждать, погонять.

О

ОБЛЫЙ – круглый; облое бревно – круглое бревно.

ОБШЕВКИ – сани мужичьи, розвальни без подрезов.

ОГОРОШИТЬ – обругать, поносить, оскорблять.

ОБАПАЛЬ (АБАПАЛ) – напрасно, даром, попустому.

ОБЛАВА (АБЛАВА) – охота на зверей, окружение их с этими, людьми и собаками.

ОБИЖДАТЬ – причинять обиду, огорчать.

ОБОРКИ (АБОРКИ) – веревочка или шнурки, коими привязываются лапти и онучи к ногам.

ОГРЕХ – при дурной пахоте сделанные сохою пропуски, остающиеся невзборанными.

ОДОНЬЕ – складка хлеба, **КЛАДУШКА**, малый скирд.

ОМЕТ – куча соломы или сена.

ОБМИШУЛИТЬСЯ – обмануться, промахнуться.

ОЗАДКИ – отвейки мелкого зерна от хлеба.

ОСМИНА – четыре четверика или меры.

ОКАЛЕТЬ – озябнуть, измерзнуть.

ОКОЛЕСИЦА – вранье, чепуха; **ОКОЛЕСНУЮ НЕСТИ**

– врать чепуху.

ОКОЛОТЕНЬ – упрямый, своенравный, упорный.

П

ПАДИНА – низ, фундамент хлебного скирда или стога сена.

ПАЛИЦА – железная лопата, помещенная в сохе выше сошников для отвалки земли при пахоте полей.

ПЕРЕПЕЛЕСНЫЙ – пестрый, полосатый.

ПИЛИКАТЬ – играть дурно на каком-нибудь инструменте, брэнчать.

ПЕРЕДРЯГА – строгое следствие, разборка какого либо происшествия.

ПАСМО – прядь мотка (тальки), заключающая в себе известное число нитей.

ПЛЁВЫЙ – пустой, ничтожный; **ПЛЁВОЕ ДЕЛО** – пустое дело, ничего не стоящее.

ПЛУТАТЬ – блуждать, сбившись с дороги.

ПЛЮХА – пощечина, оплеуха.

ПОДНОГОТНАЯ – знание тайн, особая прозорливость, всеведение.

ПОДТИБРИТЬ – украсть, подхватить.

ПОКЛЕПЪ – напраслина, клевета.

ПОЛОВНЯ – плетеный небольшой сарай, куда на гумне ссыпается мякина (отвеянный сор из хлеба), или **ПОЛОВА** (от тиева).

ПОЛОСОВАТЬ – сечь, бить, наказывать.

ПОЛЫНЯ – продушина в реках и озерах, не замерзшее место.

ПОНЯВА – бабья юбка из клетчатой шерстяной ткани с одним полотнищем из синей холстины.

ПОРЯДНЯ – благоустройство, распорядок.

ПОРУС – заводский бык, а волк – выложенный.

ПОСТАТЬ – складки хлеба на поле в копны.

ПОХАБНО – срамно, мерзко, гадко.

ПОХАБСТВОВАТЬ – сквернословить.

ПРИВОЛОЧКА – небольшой невод.

ПРИСПИЧИТЬ – прийти в крайность, привести в критическое положение.

ПРИХВОСТЕНЬ – волокита, наперсник.

ПРЯСЛО – забор, огорожа, плетень.

ПУШИТЬ – ругать, бранить.

Р

РАСКВАСИТЬ – расшибить, убиться.

РАССОХА – кривая, приделанная к сохе доска, на которую насаживаются сошники.

РЯДА, подряд – договор, условие.

РЯХАЯ – нарядная, баба или девка – щеголиха.

РЯХНУТЬСЯ – сойти с ума.

РЮМИТЬ – хныкать, плакать, рыдать.

С

СГРАБАЗДАТЬ – завладеть, захватить, отнять.
 СВОЙСКИЕ – домашний и собственный; говорят: свойская утка, свойский гусь (По-польски: swoyski – ручной).
 СВЯСЛО – скрученная из осоки или соломы короткая веревка для связки снопов.
 СОЛДАТЧИНА – рекрутский набор.
 СОРОМ – стыд, срам; СОРОМСКИЙ – срамной; ругаться ПО-СОРОМСКИ – площадно.
 СПОЖИНКИ (ГОСПОЖИНКИ) – Успенский пост.
 СКВАЛЫГА – дурной человек, задорный забияка.
 СУДАЧИТЬ – поносить, хулить, бранить.
 СУРОВЕЦ – простой крестьянский белый квас.
 СОРВАНЕЦ – отчаянный человек, сорвиголова.
 СТЕЖА – редкая сеть, коею ловить рыбу на пригородках в реках.

Т

ТАБУН – стадо лошадей, стрегущихся в полях на подножном корму.
 ТАРАБАРИТЬ, ТАРАТОРИТЬ – болтать, молоть вздор, нести ОКОЛЕСНУЮ.
 ТАРАЩИТЬ – уставить, выпялить глаза.
 ТВЁРДЫЙ – непьющий, трезвый, не пьяный.
 ТОЛМАЧИТЬ – втемяшить, натолковывать, набивать голову.
 ТОРМОШИТЬ – дергать, мучить, тревожить.
 ТРАФИТЬ – попадать в мету, делать точно так, как следует.
 ТРЕСКАТЬ, ЛОПАТЬ – сть жадно, по зверски, жрать.
 ТРУНИТЬ, ПОДТРУНИВАТЬ – насмеяться, подшучивать.
 ТУЖИКИ – толстые блины из гречневой муки, кои пекут на последний день (прощенный) масленицы в полночь.
 ТУЗИТЬ – бить, колотить.
 ТУРИТЬ – гнать, прогонять.

У

УКОКОШИТЬ – убить, умертвить.
 УЛЕПЕТНУТЬ – уйти, убежать.

Ф

ФРЯ – противная, грубая женщина.

Х

ХАЛУЙ – лакей (холоп) и мелкие отруби, остающиеся от обрушки пшеницы на крупитчатую муку.
 ХАПАТЬ – забирать, отнимать.

ХАБАРА – подарки, взятки.

ХАЙЛО – горло, кадык.

ХИКАТЬ, ХИХИКАТЬ – смеяться, издеваться.

ХЛЮСТАТЬ – замараться, запачкаться.

ХОРОХОРИТЬСЯ – петушиться, храбриться, превозноситься.

ХРЕК – свиной заводской самец, а БОРОВ – выложенный хрек.

ЦАПАТЬ, ПОДЦАПАТЬ – украсть, унести.

Ч

ЧАКРЫЖИТЬ – тесать дурно, рубить не ловко, не гладко – ИВЕРНЯМИ.

Ш

ШАЛАПАЙ – большой детина, парень в три аршина, арясина.

ШЛЯНДАТЬ – таскаться, ходить беспрестанно.

ШЛЮХА – непотребная женщина.

НА ШИРШАКА, НА-ФУФЫ – даром, обманом.

Я

ЯКШАТЬСЯ – (от татарского слова) сдружиться, свести короткую связь.

ЯРУГА – овраг, лощина (преимущественно поросшая лесом) соответствует названию на юге России – «БАЛКА».

Итого двести шесть слов в этом сборнике.

ПРИМЕЧАНИЕ

Вот все, что мог я собрать из разговорного языка простолюдинов! Несомненно, что этот краткий словарь народных речений еще во многом должен быть дополнен, что предоставляю другим собирателям, ибо здесь помещены все слова, кои мне приходилось слышать от крестьян в течение моей жизни, поэтому еще и нужно много времени, чтобы добавить к этим словам столько же новых. – Член ИМПЕРАТОРСКОГО Вольного Экономического, лебедянского и Королевско Баварского Общества Сельского Хозяйства, (также) «Per Verein gegen Thi-ergudlerei zu Nьнеhen», – Христофор Козлов.

Комментарий Т.В. Махрачевой.

**Through the pages of
 «The Tambov Provincial Bulletin»**

The newspaper «The Tambov Provincial Bulletin» was published under Tambov province's board since 1838. It recorded all events significant for the history

of the country and the province. The year 2011 marks the 165th anniversary of the first graduation of Tambov Alexandrinsky Institute of Noble Maidens, named in honor of empress Alexandra Fyodorovna, the wife of Nickolai I. According to the decree of the emperor in 1836, the former mansion of Tambov governors (G.R. Derzhavin among them) was given to the construction of the institute. In 1843 the court architect Bryullov completed the construction and in 1846 the first graduation of the institute took place, which was described in «The Tambov Provincial Bulletin «.

Undoubtedly, it can be interesting to read the article devoted to the celebration of the 100 anniversary of the genius of Russian science and culture

M.V.Lomonosov, especially in the year of his 300 anniversary.

Keywords: anniversary, Tambov Alexandrinsky Institute of Noble Maidens, M.V. Lomonosov.

Brief dictionary of the people's expressions, compiled by Christopher Kozlov, the member of the Imperial Free Economic, Lebedyansky and Royal Bavarian Companies of Agriculture, (also) «Per Verein gegen Thiergudlerei zu Hьnehen».

The publication provides the first experience of collecting and interpreting the folk words, which was carried out by the author on the territory of the Borisoglebsk district of Tambov province.

7. Хроника: факты, события, имена

РУКОПИСЬ «ТИХОГО ДОНА» – В ТАМБОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Н.В. Сорокина

29 октября 2010 года состоялся торжественный вечер «Тамбовской филологии 80 лет», посвященный юбилею образования филологического факультета Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. В преддверии «круглой даты» были организованы пресс-конференция для областных СМИ и студенческий творческий конкурс литературных произведений, изданы специальный выпуск университетской газеты «Державинский вестник» и солидная книга «Тамбовской филологии 80 лет», в которой изложена богатая на события и личности история филологического образования в Тамбовской области.

Один эпизод торжественного вечера, безусловно, войдет в историю университета как особое по своей значимости событие. В качестве почетного гостя на юбилее присутствовал ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук А.М. Ушаков. Его приезд в гости к тамбовским филологам не случаен. В официальном письме директора ИМЛИ имени А.М. Горького РАН академика А.Б. Куделина, адресованном ректору Державинского университета, подчеркивается многолетнее сотрудничество между учреждениями: *«Немало студентов и преподавателей проходило стажировку в ИМЛИ, особенно результативной была совместная разработка наследия Е.И.Замятина, писателя, хорошо известного не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Говоря о многолетних научных связях Института мировой литературы и Тамбовского университета, хочется особо отметить весомый вклад в наше сотрудничество профессора Н.И.Кравцова (в 60-х годах прошлого столетия) и профессора Л.В.Поляковой».*

Именно прочные научные связи, высокий уровень развития вузовской литературоведческой науки стали основой для принятия решения о дарении бесценного издания тамбовским студентам и преподавателям. А.М. Ушаков преподнес институту филологии уникальный труд – факсимильное издание рукописей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Это два фолианта, содержащих точное воспроизведение рукописи первой и второй книг великого русского романа XX века и научные комментарии к нему.

Чтобы в полной мере понять уникальность при-

Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина получил в дар уникальные книги – факсимильное издание рукописи романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Дарение бесценного издания тамбовским студентам и преподавателям – признание заслуг тамбовской литературоведческой школы и результат многолетних научных связей ИМЛИ им. А.М. Горького и Тамбовского университета. Публикация включает краткий обзор долгой истории поиска шолоховской рукописи «Тихого Дона».

Ключевые слова: рукописи романа М.А. Шолохова, авторство «Тихого Дона», факсимильное издание романа, сотрудничество ТГУ имени Г.Р. Державина и ИМЛИ имени А.М. Горького РАН.

обретенного издания, нужно вкратце вспомнить долгую историю поиска шолоховской рукописи. С момента своего появления (первые две книги были изданы в 1928 году) роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» вызывал множество споров. Многие в художественном пространстве книги располагало к полемике. Это и характер главного героя, и принципы изображения исторических событий, и авторская позиция по отношению к изображаемому. Самым острым же вопросом на протяжении 70 лет была проблема авторства романа.

Несколько причин заставили современников Шолохова в разные периоды сомневаться в том, что именно он написал такое гениальное творение. В первую очередь смущала молодость автора, которому на момент выхода начальных частей произведения было всего 23 года. Недоверие вызывало и социальное происхождение писателя (Шолохов не коренной казак). Скептически замечали, что последующим творчеством Шолохов не подтвердил уровень «Тихого Дона». Но главным аргументом «антишолоховедов», тех, кто сомневался в авторстве Шолохова, было отсутствие рукописи именно первых двух книг романа-эпопеи. Третья и четвертая книги «Тихого Дона» (опубликованные соответственно в 1932 и 1940 годах) со-

хранились, хотя и не полностью, и были фрагментарно опубликованы.

Шолоховский вопрос в разной степени и под разным углом активно поднимался и в конце двадцатого века, что создавало дополнительные основания для распространения слухов. Приведу показательный по сути своей пример. В «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года», изданном в Лондоне в 1998 году и переизданном в России, говорится: «С 1928 года по 1940 под именем Шолохова публиковался роман в 4-х книгах «Тихий Дон» /.../ В 1977 году Солженицын возобновил догадки, существовавшие в конце 20-х гг. о том, что настоящим автором этого романа являлся Федор Крюков, известный казачий офицер, который очевидно не мог публиковаться как «белогвардеец». По этим соображениям, только 5% двух первых частей романа и 30 % двух последних принадлежали перу Шолохова» [Казак 1998: 864].

Окончательно решить вопрос способны были лишь настоящие рукописи романа, которые с конца 1920-х годов сам Шолохов официально нигде не представлял.

Литературоведы никогда не теряли надежды найти шолоховские тетради. Подробно история этого драматического поиска, описана в книге тогдашнего директора ИМЛИ Ф.Ф. Кузнецова «Тихий Дон»: Судьба и правда великого романа» [Кузнецов 2005].

А.М. Ушаков, приехавший осенью в Тамбов, подробно рассказал о своем личном участии в многолетних, полных загадок и перипетий поисках, атрибутировании, передаче рукописи из частных рук (а последней их владелицей оказалась дальняя родственница семьи шолоховского друга – писателя В. Кудашева, погибшего в годы Великой Отечественной войны) в государственную собственность. В декабре 1999 года, после того, как рукописи были выкуплены при содействии Правительства России, лично В.В. Путина, на заседании Всероссийского Шолоховского комитета состоялась церемония представления рукописи. Теперь окончательно установлено и документально подтверждено: роман «Тихий Дон» написан М.А. Шолоховым.

17 декабря 2010 года на расширенном заседа-

нии Ученого совета ТГУ имени Г.Р. Державина состоялась официальная церемония передачи рукописи ректору университета, научной библиотеке вуза.

Вручение факсимильного издания – безусловно, грандиозное событие и признание заслуг тамбовской, в первую очередь литературоведческой, школы, заслужившей честь иметь такие книги. Причем лишь четыре из выпущенных ста экземпляров на данный момент вручены. В числе обладателей издания – первые лица нашего государства, Российская государственная библиотека. Державинский университет – пятый в этом почетном списке и первый в ряду российских университетов, имеющих такое издание.

Литература

Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1998.

Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: Судьба и правда великого романа. М., 2005.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

Поступила в редакцию 15.02.2011.

N.V. Sorokina

The Manuscript of «And Quiet Flows the Don» - in Tambov university

The Institute of Philology of Tambov State University named after G.R. Derzhavin was donated unique books, the facsimile edition of the manuscript of the novel by M.A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don». The donation of a priceless edition to Tambov students and teachers is recognition of Tambov literary school merits and the result of years of scientific relations between the World Literature Institute named after M. Gorky and Tambov university. The publication includes a brief review of the long history of the search for Sholokhov's manuscript «And Quiet Flows the Don».

Keywords: the manuscript of the novel by M.A. Sholokhov, authorship of «And Quiet Flows the Don», the facsimile edition of the novel, the cooperation of TSU named after G.R. Derzhavin and IWL named after A.M. Gorky RAS.

8. Информация

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
«РУССКИЙ ДОМ ДИККЕНСА»
ТАМБОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

объявляют о проведении
с 7 по 28 февраля 2012 года
международной научно-практической интернет-конференции

«МИР ДИККЕНСА - ДИККЕНС И МИР»
(к 200-летию со дня рождения писателя)

Основные форумы конференции:

Актуальные проблемы исследования творчества Диккенса
Диккенс и викторианская эпоха
«Русский Диккенс». Новое в отечественной диккенсиане
Диккенс и проблемы перевода
Диккенс и Рождество
Диккенс на сцене / Диккенсовские образы в кинематографе
Диккенс и его иллюстраторы
Диккенс – журналист
Наследие Диккенса и центры его изучения
Книги Диккенса в современной издательской практике
Творчество Диккенса в школьном и вузовском преподавании

Условия участия в конференции

Для участия в конференции необходимо до 20 января 2012 года направить по адресу оргкомитета отдельными файлами:
заявку на участие;
текст статьи (доклада);
подтверждение оплаты оргвзноса (копию платежного поручения).

Количество страниц статьи (доклада) – от 4 до 8.

Формат текста: Word for Windows-95/97. **Формат страницы:** А4 (210х297 мм); **Поля:** 20 мм – сверху, справа, слева; 25 мм – снизу. **Шрифт** – 14; **тип** – Times New Roman. **Интервал** в тексте – 1,5.

На верхней строке по центру указываются инициалы и фамилия автора (авторов) – 14пт *жирный курсив*. Название статьи печатается **жирным прописным** шрифтом 14пт, выравнивание по центру без отступа. Точка в конце названия не ставится. До и после названия - пробел в 1,5 интервала. Текст набирается обычным шрифтом 14 пт. Выравнивание абзаца по ширине, отступ первой строки абзаца (красная строка) – 1 см.

Слово «Таблица» с порядковым номером размещается по правому краю перед таблицей. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа и переноса слогов) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1,5 интервала. Единственная в статье таблица не нумеруется. **Рисунки, таблицы** в тексте – не более 2.

Ссылки на источники даются в тексте статьи с указанием фамилии автора, года издания и цитируе-

мой страницы в квадратных скобках [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.]. Список источников, оформленный по новейшему ГОСТу, приводится после текста статьи в алфавитном порядке после слов *Список литературы* (без точки или двоеточия в конце). Шрифт 14 пт обычный. Нумерованный список не применять.

В электронном варианте каждая статья должна быть в отдельном файле. **В имени файла укажите название форума, фамилию первого автора и первые три слова названия статьи.**

В заявке необходимо указать фамилию, имя, отчество; ученую степень, ученое звание, должность; место работы; тему выступления; почтовый и электронный адреса, контактный телефон.

Оргвзнос в сумме 400 рублей, для членов ТОФО - 300 рублей (за каждую страницу публикации объемом более 5-ти страниц стоимость увеличивается на 150 рублей), предназначается для подготовки и проведения конференции, издания сборника материалов (сумма взноса рассчитана только на 1 экземпляр одной книги). В случае выполнения работы в соавторстве необходимо внести только один оргвзнос для получения одного экземпляра сборника. Программа в электронном виде будет выслана до 1 февраля 2012 года.

Заявку и материалы для публикации в электронном виде, а также копию отсканированной банковской квитанции об оплате оргвзноса следует направлять **только** по электронному адресу: scifil@tsu.tmb.ru .

Без предварительной оплаты материалы размещаются на сайте конференции, но **не публикуются**.

Оргкомитет оставляет за собой право не публиковать материалы, содержание которых не соответствует тематике конференции, оформленные с существенными техническими отклонениями от изложенных требований, представленные позже указанных сроков, а также без оплаченного оргвзноса.

Банковские реквизиты для перечисления организационного взноса:

Получатель: УФК по Тамбовской области (ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» л/сч 03641А28310)

ИНН 6831012790

КПП 682901001

ОКАТО 68401364000

Р/СЧЕТ 40503810200001000221

Банк получателя: ГРКЦ ГУ Банка России по Тамбовской области г. Тамбов

БИК 046850001

ОКПО 27365787

ОКВЭД 80.30.1

ОГРН 1026801156689

Назначение платежа: **07430399010010000180** «Прочие безвозмездные поступления» разр.0732224445 от 30.03.2005 г. п.6 Оргвзнос за участие ФИО в конференции **«Мир Диккенса - Диккенс и мир»**.

Телефон для справок: 8(4752) 723434 (доб. 8216) - Наталия Леонидовна Потанина, д.филол. н., зав. кафедрой русской и зарубежной литературы, руководитель НМЦ «Русский дом Диккенса»; Анна Вячеславовна Буданова, старший лаборант кафедры русской и зарубежной литературы ТГУ им. Г.Р. Державина.

Благодарим за участие!
ОРГКОМИТЕТ

ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ И ПОРЯДОК ИХ ОПЛАТЫ

«ТАМБОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

является добровольной, самоуправляемой общественной организацией, созданной по инициативе ученых ТГУ имени Г.Р.Державина, объединившихся для реализации общей цели – сохранения, развития и популяризации русского языка и литературы, и шире – национальной культуры.

Задачи Организации:

- развивать идеи филологии на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта проведения научных исследований в этой области, разработки новых методов и подходов к исследованию языка и литературы;

- содействовать популяризации филологических знаний и гуманитарной (в том числе региональной) культуры путем организации творческих вечеров, фестивалей, концертов, тематических промо-акций, викторин, издания альманахов, путеводителей, биографий, буклетов и т.д.;

- активизировать многоаспектное взаимодействие между филологами ТГУ имени Г.Р. Державина и региональной общественностью: работниками образования, культуры, СМИ, всеми гражданами, заинтересованными в сохранении и развитии филологической (и шире – гуманитарной) культуры;

- развивать интерес студентов, аспирантов, докторантов к проведению исследований в области филологии на основе организации олимпиад, конкурсов, издания коллективных монографий, тематических сборников научных трудов;

- способствовать обмену научной информацией между отечественными и зарубежными учеными;

- информировать научную общественность о проблемах и тенденциях в изучении и преподавании филологических дисциплин;

- содействовать систематизации и популяризации фундаментальных знаний в филологии на основе проведения регулярных научных конференций, школ, семинаров и других научных, научно-методических и просветительских мероприятий, совместно осуществляемых исследований и разработок, тематических публикаций, издания научных сборников и журналов по филологии;

- оказывать содействие расширению сфер применения полученных знаний, в том числе в вузовских лекционных курсах, учебниках, учебных пособиях, справочных и методических материалах по проблемам литературоведения и лингвистики, популярных изданиях по этнолингвистике, лингво- и литературному краеведению;

- поддерживать контакты с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Российской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Международной ассоциацией лингвистов-когнитологов, Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов, Международной ассоциацией исследователей английской литературы, Общероссийской ассоциацией исследователей английской литературы посредством участия в международных научных конференциях и публикаций в международных и российских научных журналах;

- устанавливать связи с общественными объединениями, коммерческими организациями и отдельными лицами, разделяющими и поддерживающими цели Организации;

- создавать отделения, филиалы и представительства;

- осуществлять издательскую и рекламную деятельность.

Членами Организации могут быть физические лица, достигшие возраста 18 лет, и юридические лица – общественные объединения, занимающиеся исследованиями и просветитель-

Вид взноса	Категория взноса	Размер взноса, в руб.
Вступительный	Общий	300
	Учителя	100
	Аспиранты	50
	Студенты	50
Членский за год	Общий	700
	Учителя	400
	Аспиранты	250
	Студенты	150
Льготная схема: Вступительный + членский за год (выплата единовременно)	Общий	900
	Учителя	400
	Аспиранты	200
	Студенты	150

ской деятельностью в области филологии и разделяющие цели и задачи Организации. Членство в Организации добровольное. Все члены Организации имеют равные права и обязанности.

Прием в члены Организации физических лиц осуществляется Президиумом Организации на основе письменного заявления.

Фактом подачи заявления о приеме в члены Организации заявитель безоговорочно признает Устав Организации, другие решения и правила Организации, а также решения и правила, которые она примет в будущем.

Заявления о вступлении в ТОФО на имя председателя Президиума ТОФО Желтовой Наталии Юрьевны с указанием адреса и контактного телефона вступающего могут быть присланы почтой по адресу: 392000, Тамбов, Интернациональная, 33 или лично представлены по адресу: 392000, Тамбов, ул. Советская, 181 и (вторая очередь), каб. 211.

Реквизиты для перечисления вступительных и членских взносов: Общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество», 392000, Тамбов, Интернациональная, 33,

р/с 40703810500100000003 в филиале «Тамбовский»
 ООО КБ «Росавтобанк»
 ИНН 6829043046
 КПП 682901001
 ОГРН 1086800000132
 ОКПО 81993046
 БИК 046850783

Контактный телефон: 8(4752) 72-76-61.
 Эл. адрес: ifg06@mail.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА»

Уважаемые коллеги!

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина и Тамбовское областное филологическое общество приступили в 2009 г. к изданию нового журнала «ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА», отражающего широкий спектр научных проблем литературоведения и лингвистики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77-35659 от 17 марта 2009 г., ISSN 2074-7292). Территория распространения журнала – Российская Федерация.

Основные рубрики журнала:

Теория и методология филологической науки
Региональные исследования в филологии
Россия в глобальном миропорядке
Литературное и лингвистическое краеведение
История региональной культуры
Междисциплинарные взаимодействия
Представляем научные коллективы российских регионов
Критика, обзоры, библиография
Хроника: факты, события, имена
Возвращаясь к опубликованному
Наши авторы
На правах рекламы

Редколлегия приветствует участие в журнале представителей различных научных школ и направлений, учреждений образования, культуры, общественных организаций.

Требования к оформлению рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА»

Текст статьи, сообщения, рецензии (формат страницы А4) предоставляется на дискете и в распечатанном виде (2 экз.) в редакторе MS Word версии от 7.0 и выше через 1 интервал, шрифт Times New Roman, поля со всех сторон по 2 см.

На верхней строке по центру указываются инициалы и фамилия автора (авторов) – 12пт *жирный курсив*.

Название статьи печатается **ЖИРНЫМ ПРОПИСНЫМ** шрифтом 12 пт, выравнивание по центру без отступа. Точка в конце названия не ставится. До и после названия – пробел в 1 интервал.

Под названием предоставляется краткая аннотация

статьи объемом не более 8 строк и ключевые слова (не более 5 терминов), 10 пт обычный, отступ абзаца слева и справа по 2 см, выравнивание по ширине. После аннотации и ключевых слов – пробелы в 1 интервал.

Текст набирается обычным шрифтом 11 пт. Выравнивание абзаца по ширине, отступ первой строки абзаца (красная строка) – 1 см.

Рисунки выполняются в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из приложений MS Office в сгруппированном виде. Графики, рисунки и фотографии монтируются в текст после первого упоминания о них. В прилагаемой электронной версии дополнительно каждый рисунок, фотография, график и т. д. должен предоставляться в редакцию отдельным файлом. Допускается размещение иллюстраций, таблиц и формул по всей ширине страницы. Название иллюстраций (10 пт, обычный) дается под ними по центру после слова Рис. с порядковым номером (10 пт, жирный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Слово «Таблица» с порядковым номером размещается по правому краю перед таблицей. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа и переноса слогов) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки, номера страниц указываются только в ссылках. [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

Список источников приводится после текста статьи в алфавитном порядке после слов *Литература* (без точки или двоеточия в конце). Шрифт 11 пт обычный. Нумерованный список не применять.

В конце рукописи, через пробел, в левом нижнем углу указать наименование организации, из которой исходит рукопись и подпись автора, размером шрифта 10 пт и слова *Поступила в редакцию.*

Вместе со статьей необходимо предоставить: сведения об авторах, включающие фамилию, имя и отчество, место работы и должность, ученую степень и звание, телефон, почтовый (с индексом) и электронный адрес для переписки (если он есть).

Авторство одного человека допускается не более чем в двух статьях.

Стоимость рецензирования рукописи для публикации в журнале «Филологическая регионалистика» в 2009-2010 гг. – **300 руб.** за 1 стр.; для членов Тамбовского областного филологического общества (ТОФО) – **бесплатно**. Стоимость публикации в авторской редакции (на правах рекламы) – 500 руб. за 1 стр., для членов

ТОФО – 250 руб. за 1 стр. Публикация рекламных объявлений – по договоренности. Оплата производится после решения редколлегии **только** перечислением необходимой суммы на счет ТОФО.

Реквизиты для оплаты:

Получатель платежа: общественная организация «Тамбовское областное филологическое общество», адрес: 392000, г. Тамбов, Интернациональная, 33.

Банк получателя: Филиал «Тамбовский» ООО КБ «Росавтобанк», г. Тамбов;
р/с 40703810500100000003; ИНН 6829043046; КПП 682901001; ОГРН 1086800000132; ОКПО 81993046; БИК 046850783

В разделе «**наименование платежа**» указывается: (с пометой «**оплата рецензирования для публикации в журнале «Филологическая регионалистика»**»).

Статьи и сообщения следует направлять по адресу:

392622, г. Тамбов,
ул. Интернациональная 33,
ТГУ имени Г.Р. Державина,
Институт филологии,
редакция журнала
«Филологическая регионалистика»
ответственному секретарю
Дзайкос Элени Николаевне
тел. (4752) 72-34-34 (доб. 8611)
Или представлять в редакцию журнала
г. Тамбов,
ул. Советская 181 и, уч.корпус №5, каб. №211
ТГУ имени Г.Р. Державина,
Институт филологии
Телефон для справок: (4752) 72-34-34 (доб. 8611)
e-mail: filolog_reg@mail.ru

JOURNAL "PHILOLOGICAL REGIONAL SCIENCE" INFORMATION LETTER

Dear colleagues!

In 2009 Tambov State University named after G.R.Derzhavin and Tambov regional philological society launched a new journal "PHILOLOGICAL REGIONAL SCIENCE", reflecting a wide range of scientific problems of literary studies and linguistics. The journal is registered in the Federal service for supervision in the sphere of telecom information and mass communications (certificate ПИ № 77-35659 of March 17, 2009, ISSN 2074-7292). The territory of distribution of the journal is the Russian Federation.

The main headings of the journal:

Theory and methodology of philological science
Regional studies in philology
Russia in a global world order
The literary and linguistic study of local lore
The history of regional culture
Interdisciplinary interaction
We present the research teams
of the Russian regions
Criticism, reviews, bibliography
Chronicles: facts, events, the names
Returning to the published
Our contributors
As advertising

The editorial board welcomes the participation in the journal of the representatives of different scientific schools, institutions of education, culture, public organizations.

Requirements to registration of materials sent to the editorial office

The text of the article, report, review (page format A4) is to be available on a floppy disk and printed copy (2 copies) in MS Word version of 7.0 or above in 1-spaced, type Times New Roman, margins on all sides by 2 cm.

On the top line of the center the initials and a surname of the author (authors) (12pt bold italic) are stated.

The title of the article is printed in BOLD CAP type 12 pt, center alignment, without indentation. Point at the end of the title is not put. Before and after the title there is a gap in 1 interval.

Under the title a brief abstract of the article, which should not exceed 8 lines, and key words (not more than 5 terms) are printed, 10 pt common, indent a paragraph to the left and right-2 cm, alignment on width. After the abstract and key words there are gaps in 1 interval.

The text should be printed in common type 11 pt. Paragraph alignment on width, indentation of the first line of the paragraph 1 cm.

Drawings are made in a graphics editor Corel Draw or in any of the MS Office applications in aggregated form. Graphics, drawings and photographs are mounted in the text after the first mentioning of them. In the attached electronic version of the supplement each drawing, photograph, graph, etc. should be submitted to the editorial office by a separate file. Illustrations, tables and formulae can be placed on the whole width of the page. The name of the illustrations (10 pt, common) is given below them in the center after the word Fig. with a serial number (10 pt, bold). If there is only one figure in the text, the number is not put. Point is not put after signature. There is 1 interval between the name to the figure and the text.

The word "Table" with the serial number is located on the right edge before the table. The next line includes the name of the table (center alignment, without indentation and transferring of syllables) without a point in the end. After the table there is a blank space in 1 interval. The only table in the article is not numbered.

References in the text with the name of the author, year of publication and the cited page are enclosed in square brackets, page numbers are indicated only in the references. [Ivanov 1990: 25; Petrov 2001; see also: Sidorov 2002; 2003, etc.].

A list of the sources is given after the text of the article in alphabetical order after the word Literature (without point or a colon at the end), type 11 pt common. Numbered list is not applied.

In the end of the manuscript, in space, in the lower left corner you should specify the name of organization, from which the manuscript comes and the author's signature type size 10 pt, and the words "submitted to the editorial office".

Along with the article you must provide: information about the authors, including surname, name and patronymic name, place of work and position, academic degree and title, phone, postal address (with an index) and **email address** for correspondence.

The authorship of one person is allowed not more than in two articles. The cost of the review of manuscripts for publication in the journal "Philological Regional Science" in 2010-2011 is 150 roubles per page, for the members of Tambov Regional Philological Society (TRPS) is free of charge. The cost of publication in author's edition (as advertising) is 500 roubles per page, for the members of TRPS is 250 roubles per page. Pub-

lication of advertising can be agreed. Payment is made after the decision of the editorial board by transferring the necessary amount to the account of the TRPS.

From 2011, a subscription to the journal is organized through the catalogue "Rospechat".

The estimated cost of subscription for the first half year is 400 roubles.

Bank details for payment: payment recipient: public organization

"Tambov Regional Philological Society",
address: 33, Internatsionalnaya st., Tambov, 392000.

Beneficiary bank: Branch "Tambov" OOO CB
"Rosavtobank", Tambov; c/a
40703810500100000003; INN 6829043046; KPP
682901001; OGRN 1086800000132; OKPO
81993046; BIC 046850783

In the section "name of payment" you specify:

(with manure "payment review for publication in the journal "Philological Region Studies").

Articles and reports must be sent to the following address:

TSU named after G.R.Derzhavin, 33, Internatsionalnaya st., Tambov, 392622

Institute of Philology, the editorial office of the journal "Philological Regional Science" to the chief editor Natalia Yurievna Zheltova

or brought to the editorial board at the address:

office 211, educational building № 5, 181 I, Sovetskaya st., Tambov

TSU named after G.R.Derzhavin, Institute of Philology

Contact phone: 89050471820

E-mail: nata_zheltova@mail.ru.

9. Наши авторы

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (Екатеринбург), ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН (Москва)
E-mail: fasmer@yandex.ru

Белошаркова Татьяна Владимировна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.
E-mail: belosharkovat@mail.ru

Голубков Михаил Михайлович

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX – XXI веков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: m.golubkov@list.ru

Гуськова Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: anosova_s_v@mail.ru

Желтова Наталия Юрьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: nata_zheltova@mail.ru

Красовская Светлана Игоревна

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета
E-mail: skrasovskaya@mail.ru

Кривошапова Юлия Александровна

кандидат филологических наук, старший преподаватель Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета (Екатеринбург)
E-mail: fasmer@yandex.ru

Махрачева Татьяна Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры

русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: mahrachova@mail.ru

Полякова Лариса Васильевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: ruslit09@rambler.ru

Потанина Наталия Леонидовна

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой и русской зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Пьянкова Ксения Викторовна

кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (Екатеринбург)
E-mail: fasmer@yandex.ru

Сорокина Наталия Владимировна

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Струкова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета
E-mail: tstrukova@vmail.ru

Урманов Александр Васильевич

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы Благовещенского государственного педагогического университета
E-mail: a.v.urmanov@gmail.com

Чеканова Анна Николаевна

аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: anicka07@mail.ru

Our Contributors

Elena Lvovna Berezovich

Doctor of Philology, Professor of Russian Language and General Linguistics Department of Ural Federal University (Ekaterinburg), the Leading Science Worker of the Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov RAS (Moscow)
E-mail: fasmer@yandex.ru

Tatyana Vladimirovna Beloshapkova

Doctor of Philology, Professor of Russian Language and General Linguistics Department of the Institute of Humanitarian Sciences of Moscow City Teachers' Training University.
E-mail:

Mikhail Mikhailovich Golubkov

Doctor of Philology, Professor of History of Russian Literature of the XX - XXI centuries Department of Moscow State University named after M.V.Lomonosov
E-mail: m.golubkov@list.ru

Svetlana Vladimirovna Guskova

Doctor of Philology, Professor of Journalism Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: anosova_s_v@mail.ru

Svetlana Igorevna Krasovskaya

Doctor of Philology, Professor of Literature Department of Blagoveshchensk State Teachers' Training University
E-mail: skrasovskaya@mail.ru

Julia Alexandrovna Krivoshchapova

Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Specialized Educational and Scientific Center of Ural Federal University (Ekaterinburg)
E-mail: fasmer@yandex.ru

Tatyana Vladimirovna Makhrachova

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: mahrachova@mail.ru

Larisa Vasilievna Polyakova

Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: ruslit09@rambler.ru

Natalia Leonidovna Potanina

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Ksenia Viktorovna Pyankova

Candidate of Philology, Assistant of Russian Language and General Linguistics Department of Ural Federal University (Ekaterinburg)
E-mail: fasmer@yandex.ru

Natalia Vladimirovna Sorokina

Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Tatyana Georgievna Strukova

Doctor of Philology, Professor of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department of Voronezh State Teachers' Training University
E-mail: tstrukova@vmail.ru

Alexander Vasilievich Urmanov

Doctor of Philology, Professor, Head of Literature Department of Blagoveshchensk State Teachers' Training University
E-mail: a.v.urmanov@gmail.com

Anna Nikolaevna Chekanova

Post-graduate Student of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin
E-mail: anicka07@mail.ru

Филологическая регионалистика 2011. №1 109 стр.

Редактор

Э.Н. Дзайкос

Перевод

С.Н. Дервянкиной

Дизайн обложки

Р.Б. Кончаков, С.В. Кончакова

Компьютерное макетирование

И.В. Кузнецов

Адрес редакции:

392000, г. Тамбов,
ул. Советская, 181 и, каб. 211.
Тел.: (4752) 72-34-34 (доб. 8611)

Сдано в набор 25.10.2011. Подписано в печать 01.11.2011 г.
Формат: 60X84/8 Бумага офсетная. Усл. печ. 12,61; уч.-изд. 13,88.
Гарнитура Hellios Cond, Miriad Pro, Mysl C
Тираж 1000 экз. Заказ № Заказ 1781. Цена свободная.

Учредитель: Общероссийская общественная организация
«Тамбовское областное филологическое общество»

Отпечатано в Издательском доме ТГУ имени Г.Р. Державина
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г.